This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

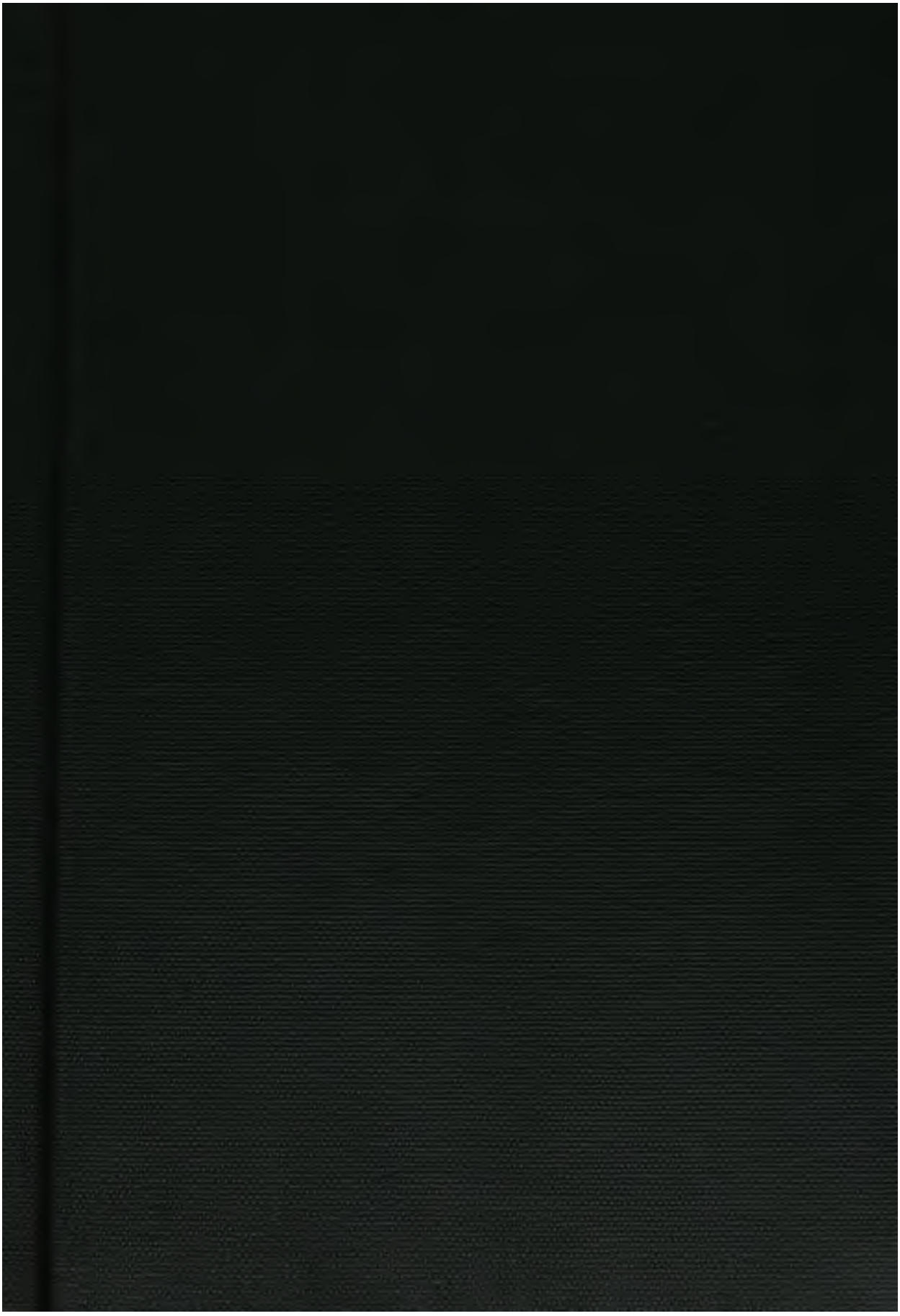
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ВЫПУСКЪ

Россія

НАКАНУНѢ XX ВѢКА

А. Пороховщикова

Москва

РОССІЯ

НАКАНУНѢ XX СТОЛѢТІЯ.

А. Пороховщикова.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульв.
1889.

РОССІЯ

НАКАНУНѢ XX СТОЛѢТІЯ.

А. Пороховщикова.

ВЫПУСКЪ I.

Предисловіе.— Русская Церковь и ея значеніе въ жизни народа и государства.

ВЫПУСКЪ II.

Политическій строй Русскаго государства и его вооруженныя силы.

ВЫПУСКЪ III.

Общественный и гражданскій строй Русскаго народа.

ВЫПУСКЪ IV.

Экономическія силы Россіи.

ВЫПУСКЪ V.

Просвѣщеніе Русскаго народа.

ВЫПУСКЪ VI.

Иноземныя и иновѣрныя воздѣйствія и вліяніе ихъ на теченіе русской жизни (Вопросы: польскій, нѣмецкій и еврейскій).

ВЫПУСКЪ VII.

Внѣшнія сношенія Россіи, ея политика и дипломатія.

ВЫПУСКЪ VIII.

Русская печать.

ВЫПУСКЪ IX.

Москва.

ВЫПУСКЪ X.

Историческая миссія Русскаго народа.

Общественный и гражданскій строй

РУССКАГО НАРОДА.

Глава I. Россія до-реформенная.

Глава II. Крестьянская реформа и ея непосредственные результаты.

Глава III. Дворянство подъ вліяніемъ крестьянской реформы.

Глава IV. Денежная гегемонія.

Глава V. Самоуправленіе на русской почвѣ.

Глава VI. Практика самоуправленія.

Глава VII. Администрація.

Глава VIII. Судъ.

Глава IX. Что дѣлать?

Общественный и гражданскій строй Русскаго народа.

I.

Россія до-реформенная.

Задача до-Петровской вообще и въ частности Московской Руси исчерпывалась, въ послѣдовательномъ теченіи ея исторической жизни, устроеніемъ земли и построеніемъ на ней крѣпкаго государственнаго зданія: о другихъ факторахъ историческаго бытія, именуемыхъ культурою и прогрессомъ, долгое время не могло быть и рѣчи, да и политическіе люди тогдашняго Московскаго государства не очень о нихъ заботились.

Правда, западно-европейскій умъ, сказывавшійся превосходствомъ всей тамошней жизни на многоразличныхъ поприщахъ гражданственности, промышленности и торговли, во многихъ изъ нихъ возбуждалъ къ себѣ удивленіе, почтеніе, нѣкоторыхъ изъ нихъ побуждалъ къ переимчивости и подражательности, но въ общемъ это были единичные случаи. Выражались они то въ постановкѣ чудодѣйственныхъ часовъ на башнѣ при посредствѣ выписаннаго изъ-за моря мастера, то въ построеніи храма причудливой архитектуры

руками иноземнаго художника, то въ пріобрѣтеніи, на случай войны, какой-нибудь мудреной *пушки*, изъ которой нужно еще было учиться стрѣлять, то въ напечатаніи *Апостола* на собственномъ *печатномъ дворѣ* и т. д. т. п.

Все это однако были лишь слабые проблески *свѣта*, проникавшаго къ намъ отъ западной культуры сквозь мрачныя *тучи*, которыми заволакивало горизонтъ нашей политической жизни въ теченіе почти 8-вѣковаго ея существованія—тучи, разрѣшавшіяся опустошительными грозами то татарскихъ набѣговъ, то междоусобныхъ княжескихъ браней, то, наконецъ, польскаго нашествія и смутъ междуцарствія.

Только ко времени Петра наше многострадальное отечество на столько отдохнуло отъ тяжкой работы надъ созиданіемъ своей государственной крѣпости, что въ лицѣ этого великаго реформатора явило и болѣе утонченные историческіе инстинкты—инстинкты цивилизаціи и культуры, умственнаго прогресса и соревнованія съ другими народами на поприщѣ разумной всемірно-исторической жизни.

Саардамскій плотникъ, выразившій въ одной своей гигантской личности идею, смутно нарождавшуюся въ народныхъ умѣ и волѣ, и много даже опередившій ее, не нашелъ лучшаго средства къ умственному просвѣщенію своей страны, какъ прорубить *окно* въ Европу насчетъ своей Скандинавской сосѣдки, успѣвшей скоро испытать политическую мощь русскаго народа, ведомаго сильной и энергичной рукой, и съ той поры чрезъ это окно широкою волною полился западно-

европейскій умственный свѣтъ по мрачнымъ деб-рямъ и захолустьямъ нашей необъятной родины, которая, благодаря и богатымъ задаткамъ китаизма въ характерѣ нашего народа, и неблагопріятно сложившимся историческимъ условіямъ его предшествовавшаго существованія, прозябала дотолѣ чуждою всякихъ умственныхъ движеній жизнію.

Насильственный толчекъ, данный народу Петромъ, не могъ не сопровождаться и разнообразными отрицательными послѣдствіями, всѣмъ подобнымъ толчкамъ свойственными: народное сознаніе раскололось на двое, выразившись страстною преданностію гонимой царемъ старинѣ—съ одной стороны, и слѣпою приверженностію къ новизнамъ, поощряемою имъ—съ другой. Отсутствіе разумной постепенности въ преобразованіяхъ, вполнѣ объясняемое совершенной неподготовленностію народа къ столь коренной и крутой реформѣ и непониманіемъ съ его стороны великихъ цѣлей, руководившихъ геніемъ реформатора, естественно вызывало лихорадочную спѣшность и напряженность преобразовательныхъ работъ, и при этомъ условіи, на ряду съ стремленіемъ къ *лучшему* и параллельно ему, проявлялась и безпорядочная погоня за всевозможною новизной, единственное достоинство которой часто и заключалось лишь въ ея иноземномъ, чуждомъ народному духу происхожденіи.

За неподатливостью и даже естественною неспособностію къ насильственнымъ произвольнымъ преобразованіямъ самаго народнаго духа, Петровскія реформы, какъ и всѣ вообще едино-

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

странъ и народовъ, и возвышеніемъ политическаго могущества — народъ русскій во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ весьма недалеко подвинулся впередъ съ того пункта, на которомъ застали его Петровскія реформы, и до сихъ поръ болѣе привлекаетъ къ себѣ тѣми нравственными сторонами своего быта и характера, которыя уцѣлѣли послѣ преобразовательнаго погрома, нежели тѣми, которыя были привиты преобразованіемъ искусственно, или же возникли впослѣдствіи, въ силу воздѣйствія реформъ на направленіе народной жизни.

Довольствуясь со стороны большинства населенія молчаливой покорностью своимъ планамъ и предначертаніямъ, великій Петръ, тѣмъ не менѣе, не былъ совершенно одинокимъ въ своей дѣятельности: около него скоро сформировался немалочисленный кружокъ его послѣдователей и единомышленниковъ, которыхъ усердіемъ онъ умѣло пользовался и чрезъ которыхъ успѣшно распространялъ въ народѣ сочувственныя и благорасположенныя къ своимъ нововведеніямъ воззрѣнія и мнѣнія. Кружокъ этотъ, испещренный иностранцами всѣхъ націй: нѣмцами, французами, англичанами, шведами, голландцами и т. д., съ теченіемъ времени и составилъ такъ называемое *общество,* или, выражаясь теперешнимъ языкомъ, интеллигенцію того времени, т. е., говоря проще, болѣе образованный классъ народа.

Члены его не только не протестовали противъ реформъ, но, напротивъ, только въ нихъ и ихъ продолженіи и видѣли благо страны, и лишь укрѣпляли въ Петрѣ убѣжденіе, и безъ того власт во-

№ 15303

ВЫПУСКЪ I

Россія

НАКАНУНѢ XX вѣка

А. Пороховщикова

Москва

Россіи, юные представители ея первенствующаго общественнаго класса — разумѣемъ все русское дворянство отъ владѣльцевъ раззолоченныхъ палатъ Москвы и Петербурга до смиренныхъ обитателей какого-нибудь провинціальнаго захолустья.

Что удивительнаго, если такъ называемое *общество*, подъ вліяніемъ такихъ воздѣйствій, все болѣе и болѣе обособляло себя отъ народа, на счетъ котораго жило, отчуждало свои интересы отъ общенародныхъ, презирало родной языкъ, народныя вѣрованія, даже національную одежду, переряжаясь по требованіямъ чужеземной моды? Что удивительнаго, если, съ теченіемъ времени, и вообще въ немъ притуплялось національное чутье, на счетъ котораго развивались, при случаѣ, космополитическіе инстинкты, а присущій каждому патріотизмъ, какъ инстинктъ политическаго самосохраненія, таился глубоко подъ спудомъ угнетавшихъ его чуждыхъ ему настроеній и направленій, прорываясь лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, подъ давленіемъ чрезвычайныхъ политическихъ обстоятельствъ?

Во всемъ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: да и общество ли винить въ его направленіяхъ, особенно общество той эпохи, о которой идетъ рѣчь, общество, лишенное всякой умственной самодѣятельности и иниціативы?

Какъ вездѣ, такъ и у насъ, какъ всегда, такъ, тѣмъ болѣе, и въ ту эпоху общественныя воззрѣнія, направленія, умственныя настроенія и вкусы шли по многостепенной лѣстницѣ общественныхъ отношеній сверху внизъ, и притомъ количественно усиливаясь и качественно извра-

щаясь съ каждой ступенью по нисходящей линіи: стоило верховному вождю общества проявить въ чемъ бы то ни было свое *предпочтеніе* чужому предъ роднымъ, иноземному предъ отечественнымъ, какъ въ общественныхъ слояхъ, ближайшихъ къ нему, это *предпочтеніе*, хотя бы основательное и справедливое, и направленное къ общему благу, проявлялось уже *пренебреженіемъ*, не всегда разумнымъ и основательнымъ, къ своему въ пользу чужаго, къ родному въ пользу иноземнаго; въ свою очередь, общественныя группы, стоявшія еще ступенью ниже, изъ этого *пренебреженія* вырабатывали уже полное *презрѣніе* ко всему своему и болѣзненное *стремленіе* ко всему чужеземному; на дальнѣйшихъ ступеняхъ и въ послѣдующемъ развитіи это болѣзненное *стремленіе* легко могло проявляться одновременно уже и съ *отвращеніемъ* къ чему бы то ни было, разъ оно *свое*, а не чужое, и наконецъ могло выраждаться въ жгучую *ненависть* къ своему, вмѣстѣ съ неудержимымъ влеченіемъ къ чужому потому только, что оно не свое.

Что же, однако, мы видимъ въ нашей исторіи за послѣдніе два вѣка, какъ не сплошную почти гегемонію чужеземцевъ, то окружающихъ тронъ, то даже возсѣдающихъ на немъ?

Въ иностранцахъ Лефортѣ и Гордонѣ мы видимъ самыхъ искреннихъ друзей великаго Петра; въ его любимой супругѣ мы видимъ иностранку, и даже изъ самаго низшаго класса населенія, а послѣ смерти ея геніальнаго супруга ее же видимъ и Императрицей Всероссійской. При дальнѣйшихъ преемникахъ Петра мы видимъ господ-

ство, и по временамъ чуть не главенство, разныхъ Остермановъ, Миниховъ, Лестоковъ и даже Биронов, пока, наконецъ, всероссійскій престолъ не становится достояніемъ принцессы Ангальтъ-Цербтской.

При всей искренности своего расположенія къ новому отечеству, при всемъ разнообразіи своихъ государственныхъ талантовъ, при всемъ величіи своего царственнаго служенія русскому народу, при всей славѣ своихъ побѣдъ, превознесшихъ честь русскаго оружія, свое пренебреженіе къ Россіи она выказала, какъ истая чужеземка, и посылая за совѣтами политической мудрости къ французскимъ космополитамъ, и рѣшая умственную и нравственную судьбу любимаго внука, будущаго повелителя Россіи, вдвоемъ съ *нѣмцемъ* Гриммомъ и по рекомендаціи послѣдняго выбирая воспитателемъ и наставникомъ царственному отроку *швейцарскаго* проходимца Лагарпа, только что изгнаннаго своимъ отечествомъ, республиканца и по происхожденію, и по теоретическимъ воззрѣніямъ, и по практическимъ тенденціямъ.

Великодушный и добросердечный воспитанникъ Лагарпа, Благословенный Александръ, въ своей возвышенной довѣрчивости къ людямъ, приближаетъ къ себѣ закоренѣлаго врага Россіи, князя Чарторыйскаго, который наводняетъ правительственныя сферы имперіи своими единомышленниками, и ни о чемъ не заботится, кромѣ посильнаго, хотя и подлаго предъ Царственнымъ Другомъ своимъ, служенія *отчизнѣ*; въ своей искреннѣй бесѣдѣ съ знаменитою французскою изгнанницей, г-жею Сталь, какъ она повѣству-

етъ въ своихъ воспоминаніяхъ, самъ Русскій Самодержецъ откровенно высказывается противъ принциповъ самодержавной власти, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы извиняясь предъ собесѣдницею въ томъ, что «еще не успѣлъ даровать Россіи конституціи», хотя нѣсколькими годами раньше, пользуясь талантливымъ перомъ извѣстнаго Сперанскаго, и трудился уже надъ разработкой *конституціонной хартіи* для своего государства, ⅓ котораго стонала подъ игомъ крѣпостнаго рабства, только утверждавшагося его ближайшими предшественниками и предшественницами; впослѣдствіи, за кулисами Вѣнскаго конгресса, онъ помѣстилъ того же Лагарпа, воззрѣніямъ котораго умственно покорялся, чтобы пользоваться подъ рукою его совѣтами и указаніями, послѣдствіемъ чего и явилось то, что закоренѣлый республиканецъ невидимо направлялъ рѣшенія конгресса, сообразуясь не съ пользами Россіи, а съ своими космополитическими взглядами, и заставляя всѣхъ царственныхъ участниковъ политическаго ареопага разыгрывать недостойную роль маріонетокъ, движущихся на его шнуркѣ.

Всѣ эти прискорбныя, чтобы не сказать возмутительныя явленія въ области общественной и государственной жизни Русскаго народа чѣмъ же и объяснить, какъ не утвердившеюся со временъ Петра общественною традиціей *презрѣнія* ко всему *русскому*, *родному*, и благоговѣнія предъ всѣмъ *чужимъ*, *иноземнымъ*? А при существованіи и даже преобладаніи этой гибельной традиціи, аналогичной съ наклонностью къ самоубійству, возможно ли было единственно плодотворное на-

правленіе въ политикѣ и внѣшней, и тѣмъ болѣе внутренней — т. е. направленіе національное, самостоятельно-русское, устремленное къ ясно сознаннымъ и разумно опредѣленнымъ политическимъ, нравственнымъ и экономическимъ пользамъ *народа*, направленіе, такъ настойчиво и осязательно проявившее себя въ дѣятельности всѣхъ верховныхъ вождей до-Петровской Руси и ихъ ближайшихъ слугъ и совѣтниковъ?

И дѣйствительно, начиная съ Петра, продолжая Елисаветой, Екатериной, Павломъ, и кончая Александромъ I, во всѣхъ монархахъ и монархиняхъ мы видимъ постоянное стремленіе то къ напряженію — иногда непосильному—народныхъ средствъ или ради достиженія завоевательныхъ цѣлей, или ради вспоможенія своимъ европейскимъ союзникамъ, то къ водворенію въ своей державѣ внѣшнихъ признаковъ западно-европейской культуры, хотя бы совершенно чуждыхъ народному духу, но не видимъ ни особой заботливости, ни даже расположенія даровать народу средства къ обезпеченію и развитію его гражданственности.

Увеличивъ въ нѣсколько разъ территорію государства, они не только не освободили его основнаго сословія отъ личнаго рабства дворянству, а напротивъ, утверждали этотъ отжившій принципъ закрѣпощеніемъ въ дворянскія руки массы новыхъ рабовъ, дотолѣ не испытывавшихъ невзгодъ рабства подъ государственнымъ или духовнымъ управленіемъ.

Копируя административныя учрежденія западной Европы, пересаживая ихъ цѣликомъ, даже съ

етъ въ своихъ воспоминаніяхъ, самъ Русскій Самодержецъ откровенно высказывается противъ принциповъ самодержавной власти, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы извиняясь предъ собесѣдницею въ томъ, что «еще не успѣлъ даровать Россіи конституціи», хотя нѣсколькими годами раньше, пользуясь талантливымъ перомъ извѣстнаго Сперанскаго, и трудился уже надъ разработкой *конституціонной хартіи* для своего государства, ½ котораго стонала подъ игомъ крѣпостнаго рабства, только утверждавшагося его ближайшими предшественниками и предшественницами; впослѣдствіи, за кулисами Вѣнскаго конгресса, онъ помѣстилъ того же Лагарпа, воззрѣніямъ котораго умственно покорялся, чтобы пользоваться подъ рукою его совѣтами и указаніями, послѣдствіемъ чего и явилось то, что закоренѣлый республиканецъ невидимо направлялъ рѣшенія конгресса, сообразуясь не съ пользами Россіи, а съ своими космополитическими взглядами, и заставляя всѣхъ царственныхъ участниковъ политическаго ареопага разыгрывать недостойную роль маріонетокъ, движущихся на его шнуркѣ.

Всѣ эти прискорбныя, чтобы не сказать возмутительныя явленія въ области общественной и государственной жизни Русскаго народа чѣмъ же и объяснить, какъ не утвердившеюся со временъ Петра общественною традиціей *презрѣнія* ко всему *русскому*, *родному*, и благоговѣнія предъ всѣмъ *чужимъ*, *иноземнымъ*? А при существованіи и даже преобладаніи этой гибельной традиціи, аналогичной съ наклонностью къ самоубійству, возможно ли было единственно плодотворное на-

правленіе въ политикѣ и внѣшней, и тѣмъ болѣе внутренней — т. е. направленіе національное, самостоятельно-русское, устремленное къ ясно сознаннымъ и разумно опредѣленнымъ политическимъ, нравственнымъ и экономическимъ пользамъ *народа*, направленіе, такъ настойчиво и осязательно проявившее себя въ дѣятельности всѣхъ верховныхъ вождей до-Петровской Руси и ихъ ближайшихъ слугъ и совѣтниковъ?

И дѣйствительно, начиная съ Петра, продолжая Елисаветой, Екатериной, Павломъ, и кончая Александромъ I, во всѣхъ монархахъ и монархиняхъ мы видимъ постоянное стремленіе то къ напряженію — иногда непосильному—народныхъ средствъ или ради достиженія завоевательныхъ цѣлей, или ради вспоможенія своимъ европейскимъ союзникамъ, то къ водворенію въ своей державѣ внѣшнихъ признаковъ западно-европейской культуры, хотя бы совершенно чуждыхъ народному духу, но не видимъ ни особой заботливости, ни даже расположенія даровать народу средства къ обезпеченію и развитію его гражданственности.

Увеличивъ въ нѣсколько разъ территорію государства, они не только не освободили его основнаго сословія отъ личнаго рабства дворянству, а напротивъ, утверждали этотъ отжившій принципъ закрѣпощеніемъ въ дворянскія руки массы новыхъ рабовъ, дотолѣ не испытывавшихъ невзгодъ рабства подъ государственнымъ или духовнымъ управленіемъ.

Копируя административныя учрежденія западной Европы, пересаживая ихъ цѣликомъ, даже съ

ихъ иноязычными названіями, они нимало не стѣснялись ни ихъ непримѣнимостью къ условіямъ народной жизни, ни соображеніями о необходимости согласованія ихъ съ пользами и нуждами населенія.

Даруя народу въ манифестахъ и воззваніяхъ различныя права и вольности, какъ необходимыя средства для гражданскаго преуспѣянія, и замышляя даже, въ лицѣ Александра I, отказаться въ его пользу отъ Богомъ дарованныхъ верховныхъ правъ надъ нимъ, они отказывали ему, въ теченіе болѣе чѣмъ столѣтія, въ элементарномъ правосудіи, такъ что даже свода законовъ, которыми надлежало руководиться и за нарушеніе которыхъ грозили наказанія, онъ былъ лишенъ до конца первой половины текущаго столѣтія.

Вслѣдствіе этого, огражденный отъ внѣшнихъ враговъ громаднымъ и хорошо вооруженнымъ и обученнымъ войскомъ, содержа на свой счетъ огромное число различныхъ административныхъ, законодательныхъ и судебныхъ учрежденій съ массою чиновниковъ, т. е. имѣя всѣ внѣшніе способы къ самымъ быстрымъ и широкимъ успѣхамъ гражданственности, народъ оставался, однако, на самой низшей ея ступени, ибо лишенъ былъ, въ главнѣйшей своей массѣ, и *личной* свободы, а вмѣстѣ съ нею и добропорядочнаго управленія и дѣятельнаго правосудія, такъ какъ бюрократія, исключительно вѣдавшая эти два главнѣйшія отправленія гражданской жизни, не имѣла руководящихъ правилъ своей дѣятельности, и за отсутствіемъ таковыхъ погрязала или въ затрудненіяхъ, или въ бездѣйствіи, или въ злоупотребленіяхъ.

Съ императора Николая Павловича, этого рыцаря во внѣшней политикѣ и отечески попечительнаго государя во внутреннемъ управленіи, собственно и начинается второй періодъ новой Русской исторіи: обстоятельствами своего рожденія спасенный отъ гибельно-превратнаго воспитанія, жертвою котораго содѣлался его предшественникъ, рабски преданный, въ теченіе всей своей царственной жизни, внушеннымъ ему съ отрочества, но недостойнымъ его сана, неприложимымъ къ русской государственной жизни анти-монархическимъ теоріямъ, Николай I, достигши, истинно по указанію Божію, безъ какихъ-либо своекорыстныхъ усилій и домогательствъ, Престола, на который, въ качествѣ третьяго брата, не могъ имѣть никакихъ серіозныхъ надеждъ, посвятилъ искренно и чистосердечно всѣ свои способности и силы открывшемуся для него царственному служенію, и скоро содѣлался Вождемъ, вполнѣ достойнымъ великаго народа, ему порученнаго Промысломъ Божіимъ и изволеніемъ Александра Благословеннаго.

Крѣпко держа мощною рукою своей бразды правленія, онъ возвеличилъ Россію и славою счастливыхъ внѣшнихъ войнъ, и подавленіемъ внутренняго мятежа въ вѣчномъ очагѣ русской смуты — Царствѣ Польскомъ; тридцатилѣтіе его царствованія отличительною чертою своей имѣло политическую гегемонію Россіи надо всею безъ исключенія Европой, монархи коей привыкли къ мысли, что ничего, прямо несогласнаго намѣреніямъ Русскаго Императора, ни замышлять, ни предпринимать невозможно.

Къ сожалѣнію, надъ его Имперіей по прежнему тяготѣло проклятіе крѣпостнаго рабства, связывавшаго и всѣ отправленія, и тѣмъ болѣе всякое развитіе народной и общественной жизни; при этомъ прискорбныя обстоятельства, сопровождавшія его вступленіе на престолъ и доказавшія присутствіе въ образованныхъ слояхъ общества антимонархическихъ элементовъ и направленій, устремили его умственный взоръ на западную Европу, какъ на очагъ революціонныхъ поползновеній, на западно-европейскую науку и философію, какъ на могущественныхъ проводницъ этихъ поползновеній въ области практической жизни, и расположили его къ ложному выводу, что для предохраненія страны отъ революціонныхъ стремленій желательно по возможности уменьшить вліяніе на нее науки и философіи, что и было поводомъ къ предпринятому въ его царствованіе оффиціальному гоненію на политическую, философскую, а затѣмъ и всякую мысль, и къ стѣсненію ея органовъ.

Излишекъ прямодушія, составлявшаго отраднѣйшую черту личнаго характера императора-рыцаря, располагалъ его къ такому же довѣрію въ политикѣ, какого заслуживалъ онъ самъ въ этой области своихъ дѣйствій, и заставлялъ его постоянно въ томъ раскаяваться, такъ какъ почти всегда оказывалось, что политическіе друзья не стоили довѣрія, какое онъ имъ великодушно оказывалъ. Ненависть къ революціи подвигала его на всевозможныя жертвы для ея подавленія гдѣ бы то ни было, а недостатокъ политической дальновидности и прозорливости, нераздѣльный съ рыцарской довѣрчивостью къ людямъ, былъ причи-

II.

Крестьянская реформа и ея непосредственные результаты.

О реформахъ прошедшаго царствованія и въ то время, когда онѣ только еще зачинались и обдумывались въ теоріи, и тогда, когда осуществлялись и начинали оказывать замѣтное вліяніе на ходъ всей нашей жизни, высказывалось мнѣніе, что всѣ онѣ носятъ, будто бы, *демократическій* характеръ. Даже самого благодушнаго реформатора люди, этого мнѣнія державшіеся, изображали какимъ-то демагогомъ, и притомъ въ общепринятомъ, неблагопріятномъ смыслѣ этого слова.

Высказывалось это мнѣніе и иностранцами, что совершенно естественно: западно-европейскому, аристократически и даже олигархически настроенному уму казался непостижимымъ образъ Самодержца, добрымъ изволеніемъ дарующаго блага свободы своимъ подданнымъ, ибо для этого ума привычнѣе недостойное зрѣлище націй, выторговывающихъ у своихъ королей тѣ или другія права по клочьямъ, да и то съ засученными рукавами и стиснутыми кулаками.

Выражалось тоже мнѣніе и у насъ людьми, или слишкомъ удобно себя чувствовавшими среди до-реформеннаго строя жизни, или черезъ чуръ довѣрчивыми къ заграничному вранью, и послѣдними, притомъ, по незнакомству съ

точнымъ смысломъ терминологіи, которая употребляется для обозначенія понятій, такъ или иначе соединяемыхъ съ представленіемъ о народѣ.

Что такое *демократія?* И по грамматическому значенію слова, и по соединяемому съ нимъ смыслу, она означаетъ *народовластіе,* и можетъ въ государственной жизни выражаться такими политическими учрежденіями, которыя предоставляютъ самому *народу,* и при томъ *одному* ему исключительно, и главенство, и безспорное, рѣшающее вліяніе на весь ходъ и на всѣ отправленія государственной жизни, т. е. и представляетъ тотъ именно политическій культъ, который, по мѣткому замѣчанію митрополита Филарета, изъ мысли о народѣ выработалъ идола, не стѣсняясь соображеніемъ, что для такого громаднаго идола не хватитъ никакихъ жертвъ.

И въ смыслѣ *полнаго народовластія,* кстати замѣтимъ, нигдѣ и никогда не существовало, не существуетъ и не можетъ существовать *демократіи,* по совершенному ея несоотвѣтствію съ основными началами человѣческой природы, ибо всеобщая равноправность была бы мыслима лишь при такой же всеобщей полной тождественности всѣхъ индивидуумовъ, изъ которыхъ состоитъ въ каждую данную минуту человѣческій родъ, т. е. при совершенной одинаковости всѣхъ живущихъ на землѣ людей и по умственнымъ, и по нравственнымъ, и даже по физическимъ свойствамъ и признакамъ, или, что тоже, при условіи совершеннаго уничтоженія человѣческой личности съ ея безконечнымъ индивидуальнымъ разнообразіемъ.

И какъ скоро въ любой человѣческой группѣ, начиная отъ простой семьи, это индивидуальное разнообразіе начинаетъ сказываться фактически, то уже становится и невозможностью, и даже логической нелѣпостью всеобщая *равноправность*, которая обусловливается не иначе какъ строго выдержаннымъ *равенствомъ силъ*, для человѣческой природы совершенно немыслимымъ: умный человѣкъ не можетъ не сознавать своего *преимущества* предъ глупымъ, сильный физически предъ слабымъ, трудолюбивый предъ лѣнивцемъ, заботливый предъ безпечнымъ, бережливый предъ расточителемъ.

А разъ человѣкъ сознаетъ за собою какое бы то ни было *преимущество*, онъ начинаетъ, въ той или другой мѣрѣ, тѣмъ или другимъ способомъ, пользоваться имъ: такимъ образомъ *умный* пріобрѣтаетъ къ себѣ *уваженіе* своихъ ближнихъ, создавая себѣ въ ихъ глазахъ *авторитетъ;* физически сильный вселяетъ въ нихъ *страхъ* къ себѣ, чѣмъ и упрочиваетъ свое на нихъ вліяніе и *давленіе;* трудолюбивый, заботливый и бережливый, добывая больше, чѣмъ ему нужно для жизни, хранитъ остающійся излишекъ, пріумножаетъ его, превращается въ *богача*, и пріобрѣтаетъ *экономическую силу* и значеніе. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, столь обычныхъ и естественныхъ, главное условіе демократическаго строя разбивается вдребезги, и самъ онъ оказывается неосуществимою химерой.

А что же такое демагогъ? Это такой общественный вождь, который стремится, наперекоръ человѣческой природѣ, осуществить общественно-политическій строй жизни именно на уничтоженіи человѣческой личности, жертвуя ею въ поль-

зу неосуществимаго на практикѣ равенства силъ и проистекающей изъ него равноправности: стремленія, которыхъ реформы Александра II не имѣли ни въ своей основѣ, ни въ своихъ практическихъ послѣдствіяхъ.

Весь смыслъ преобразовательныхъ трудовъ минувшаго царствованія заключался развѣ въ ниспроверженіи существующаго строя жизни, въ насильственномъ поворотѣ его на противуестественный путь?

Напротивъ, въ устраненіи роковой исторической ошибки, связавшей основную массу населенія по рукамъ и по ногамъ, устранившей ее отъ всякаго воздѣйствія на теченіе государственной жизни, обратившей ее, съ теченіемъ времени, какъ бы въ стоячее болото, по срединѣ котораго лишь пролегало русло, по коему текла эта жизнь. Таковъ былъ смыслъ главнѣйшей реформы, крестьянской. Въ примѣненіи къ сословіямъ, которыхъ она непосредственно касалась, она осуществила, съ одной стороны, элементарныя требованія справедливости, нарушенныя помянутою историческою ошибкой, съ другой—явила рядъ великодушныхъ подвиговъ человѣколюбія, направленныхъ къ тому, чтобы ввести въ обще-русскую, а слѣдовательно и общечеловѣческую семью десятки милліоновъ рабовъ, историческими обстоятельствами лишенныхъ обще-гражданскихъ правъ, несмотря на то, что они несли на себѣ главнѣйшее бремя государственныхъ повинностей.

Тогда какъ существенная задача *демократіи*— сплошная нивеллировка жизненнаго строя по са—

мой низменной мѣркѣ, представляемой жизнью народныхъ массъ, при чемъ предполагается насильственное низведеніе до этого пониженнаго гражданскаго уровня тѣхъ общественныхъ группъ, которыя естественно возвышаются надъ нимъ—наша крестьянская реформа, совершенно напротивъ, главнѣйшею своею задачей и имѣла—*возвышеніе* многомилліонной массы безправныхъ и безличныхъ *душъ* до степени свободныхъ гражданъ, пользующихся извѣстною суммой общегражданскихъ правъ, или, иначе сказать, *поднятіе* цѣлаго громаднаго класса *рабовъ* до общечеловѣческаго уровня.

Но въ чемъ же тутъ признаки *демократическаго* направленія? Не есть ли это просто филантропическій подвигъ, дѣло царственнаго человѣколюбія, соединеннаго съ государственною мудростью?

Личное благодушіе Императора Александра II, воспитанное гуманными воззрѣніями, сильно охватывавшими наше общество подъ вліяніемъ литературы, не могло не оскорбляться существованіемъ въ его державѣ отжившаго учрежденія, напоминавшаго собою варварскія времена средне-вѣковаго феодализма, и обстоятельства, сопровождавшія его вступленіе на прародительскій тронъ, ясно указывали на непригодность предшествующаго строя жизни, державшагося преимущественно на основѣ крѣпостнаго рабства. Къ этому присоединялось и то соображеніе, что два его предшественника на тронѣ, императоры Александръ I и Николай I, при всемъ своемъ желаніи уничтожить крѣпостное рабство, были отвле-

чены отъ осуществленія этой громадной реформы множествомъ другихъ царственныхъ заботъ въ области внѣшней и внутренней политики.

Соображеніе это пробуждало въ сердцѣ Александра II не безосновательныя опасенія, что, если онъ не ознаменуетъ этимъ великимъ трудомъ первыхъ же дней своего царствованія, то можетъ быть также, подобно своимъ предшественникамъ, остановленъ въ совершеніи великаго и настоятельно необходимаго дѣла какими-либо случайными препятствіями — чѣмъ и объясняется какъ бы нѣкоторая поспѣшность, съ какою предприняты были первые шаги на пути освобожденія.

Чего не случилось, о томъ праздно и разсуждать, какъ бы оно случилось, еслибы дѣйствительно случилось, и какія бы отъ того проистекли послѣдствія: и хотя въ нашемъ и тогдашнемъ, и даже теперешнемъ обществѣ не малой популярностью пользовалось и пользуется мнѣніе объ излишне будто бы торопливой стремительности освободительныхъ работъ, весьма повредившей имъ, и предпочтеніе большей постепенности въ осуществленіи реформы, но мы склонны думать, что только эта быстрота и воодушевила общество, дотолѣ чуждое эмансипаціонныхъ воззрѣній и настроеній, и—главное—ту его часть, которая лично и имущественно была затронута планами освободительной реформы, т. е. дворянство, особенно нуждавшееся въ патріотическомъ возбужденіи въ виду тѣхъ матеріальныхъ жертвъ съ его стороны, безъ которыхъ немыслимо было бы и приступить къ освобожденію.

И въ этомъ смыслѣ живость скорбныхъ впе-

чатлѣній несчастной войны, вслѣдъ за которой начались подготовительныя работы освободительной реформы, сослужила не малую службу Россіи, доказавъ ея интеллигентнымъ классамъ, въ среду коихъ входило и большинство дворянства, невозможность продолженія государственной и политической жизни на основѣ прежнихъ порядковъ, оказавшихся столь шаткими, что они довели наше отечество до небывало тягостнаго мира, и столь обманчивыми, что довели его до этой крайности путемъ почти полувѣковаго внѣшняго политическаго могущества, побѣдоносныхъ войнъ и видимаго внутренняго благополучія.

Подъ давленіемъ этихъ грустныхъ впечатлѣній сердца русскихъ патріотовъ естественно исполнялись чувствами сожалѣнія къ недавнему прошлому, а умы преклонялись предъ необходимостью замѣны этого прошлаго болѣе свѣтлымъ, прочнымъ и надежнымъ будущимъ, для обезпеченія коего не страшны никакія жертвы и не тяжелы никакія лишенія.

А такъ какъ эта свѣтлая будущность скрыта была отъ нашего отечества одною лишь темною завѣсой крѣпостнаго права, то и немудрено, что все, что ни было въ Россіи просвѣщеннаго, образованнаго, мыслящаго, истинно патріотическаго— все это примкнуло къ правительству, одушевляя его въ его реформаторскихъ начинаніяхъ и само почерпая въ немъ одушевленіе къ подъятію на себя значительной части того бремени, которое тяготѣло надъ правительствомъ.

Такимъ образомъ произошло небывалое въ исторіи человѣчества событіе, что наилучшая часть

дворянства явилась и надежнѣйшею помощницей правительства въ его усиліяхъ лишить это сословіе значительной части его давнишнихъ правъ и привиллегій, равно какъ и вѣрнѣйшихъ источниковъ его матеріальнаго достатка: не говоря уже о ближайшихъ и наиболѣе энергичныхъ сотрудникахъ и совѣтникахъ Царя-Освободителя, представлявшихъ собою цвѣтъ русской земельной аристократіи, весь многочисленный контингентъ работниковъ, затребованныхъ грандіозными размѣрами реформы, былъ пополненъ исключительно изъ нѣдръ дворянскаго сословія, равно какъ оно же дало правительству и институтъ мировыхъ посредниковъ, сослужившихъ великую службу отечеству своею усердною и успѣшною дѣятельностью по водворенію дружественныхъ, разумныхъ и прочныхъ взаимоотношеній между освобожденными крестьянами и освободившими ихъ помѣщиками.

Это отрадное явленіе исторіи нашихъ дней, свидѣтельствующее о практической мудрости, скрытой въ глубинѣ народнаго разума, объясняется, впрочемъ, и истинною сущностью отношеній, сложившихся на почвѣ крѣпостнаго права. Дѣло въ томъ, что отношенія нашихъ помѣщиковъ къ ихъ крѣпостнымъ людямъ никогда не носили характера отношеній феодальныхъ, отношеній побѣдителей къ покореннымъ, рыцарей-бароновъ къ ленникамъ: наше крѣпостное право возникло въ силу государственной необходимости, какъ могущественное, и въ пору его первоначальнаго возникновенія единственное, средство *прикрѣпленія* сельскихъ жителей къ землѣ, дабы противодѣй-

ствовать ихъ склонности къ бродяжничеству и способствовать утвержденію правильно-осѣдлой земледѣльческой жизни въ странѣ. И тогдашніе владѣльцы земель, на которыхъ осѣдали крестьяне, первоначально вовсе не призывались властительствовать надъ ихъ судьбами, а лишь наблюдать за ихъ осѣдлою земледѣльческою жизнію и пещись о ихъ благосостояніи. И какъ ни удалился институтъ крѣпостнаго права, въ своемъ дальнѣйшемъ историческомъ развитіи, отъ своихъ первоначальныхъ государственныхъ задачъ, тѣмъ не менѣе характеръ попечительства помѣщиковъ надъ крестьянами остался за нимъ до самаго его конца. За ограниченіе гражданскихъ правъ, *de facto* утвердившееся надъ помѣщичьимъ крестьянствомъ, оно получило то преимущество, что помѣщики *нравственно* обязывались гарантировать ему относительную степень матеріальнаго благосостоянія: палую скотину помѣщикъ считалъ своимъ долгомъ замѣнять своему крестьянину своею собственною, развалившуюся хату крестьянинъ считалъ себя въ правѣ чинить барскимъ лѣсомъ, а въ неурожайный годъ и кормиться, и поля засѣвать на помѣщичій счетъ. Не вездѣ это нравственное обязательство помѣщиками исполнялось, но признавалось за всѣми ними безъ изъятія, и случаи его нарушеній представлялись и не частыми, и исключительными. А потому и въ годину окончательной разверстки отношеній, созданныхъ крѣпостнымъ правомъ, отжившимъ свои дни, въ какой же роли относительно крестьянъ было явиться помѣщичьему дворянству, какъ не въ роли благопопечитель-

ныхъ хозяевъ, разстающихся съ своими питомцами, благословляющихъ ихъ на новую, независимую жизнь, жертвующихъ имъ часть своего достатка и искренно заботливыхъ о томъ, чтобъ новая ихъ жизнь стала въ наиболѣе удобныя для ихъ благосостоянія условія и сложилась въ наиболѣе обезпечивающія оное формы?

Теперь, когда эти условія такъ или иначе сложились и эти формы обозначились, можно и къ крѣпостному праву относиться безпристрастнѣе и высказываться о немъ свободнѣе; въ ту же пору, когда только намѣчалось его уничтоженіе, либеральный терроръ, возобладавшій надъ умами нашего общества, не дозволялъ никакихъ разумныхъ сужденій о немъ, выражаясь лишь огульнымъ порицаніемъ всему, что было такъ или иначе прикосновенно къ проштрафившемуся передъ либерально-прогрессивными идеями государственному учрежденію: высказывались ли не безъосновательныя опасенія за крестьянъ, что они не съумѣютъ достойно воспользоваться своею свободой, а злоупотребятъ ею; заявлялись ли соображенія о томъ, что сельское хозяйство страны можетъ понести ущербъ и количественный, и качественный за измѣненіемъ рутинной колеи, по которой оно шло, новою, не наѣзжаною дорогой; возникали ли вопросы о грядущемъ положеніи дворянства, вынуждавшагося реформой къ измѣненію всего строя своей жизни; поднимались ли разсужденія о томъ, какъ и чѣмъ замѣнить уничтожившуюся надъ крестьянствомъ помѣщичью власть, и пр. т. п.—все это приписывалось либеральными крикунами не добросовѣстному, искрен-

по происхожденію, съ достоинствомъ человѣческой личности—это другой вопросъ; но что эта форма нравственнаго контроля являлась наиболѣе дѣйствительною, чѣмъ когда-либо, гдѣ-либо и какая-либо изъ существовавшихъ ей подобныхъ—объ этомъ даже и вопроса быть не можетъ: помѣщикъ, самъ являвшійся представителемъ власти, да еще власти насильственной, не могъ и въ своихъ отношеніяхъ къ крестьянству не стоять за власть, да еще притомъ естественную; живя благосостояніемъ крестьянъ, могъ ли онъ, въ своихъ къ нимъ отношеніяхъ, не озабочиваться крѣпостію ихъ семейнаго быта, какъ естественною основой экономическаго благоденствія?

Что касается попеченія о крестьянской нравственности, то можно ли и сравнивать крѣпостнаго владѣльца съ какими бы то ни было правительственными и общественными цензорами нравовъ, будутъ ли то исправники, становые, волостные старшины, мировые судьи или новые земскіе начальники?

Всѣ они ни *лично,* ни *имущественно* не заинтересованы ни трудолюбіемъ, ни благонравіемъ, ни трезвостію крестьянина: и пока онъ не проявилъ въ себѣ отсутствія этихъ качествъ въ грубой формѣ какого-либо проступка или преступленія, противнаго государственному или общественному порядку, имъ не только нѣтъ до него никакого дѣла, но они пожалуй даже и не въ правѣ вмѣшиваться въ его поведеніе. Если, напримѣръ, крестьянинъ, по праву личной свободы, бездѣльничаетъ, не обрабатываетъ своего поля, оставляетъ пустовать свой огородъ; если онъ, при этомъ, не кор-

митъ и не одѣваетъ ни жены ни дѣтей, да вдобавокъ бьетъ ихъ и истязуетъ; если, наконецъ, онъ всѣ свои досуги и весь свой грошевый домашній скарбъ приноситъ въ жертву одному кабаку—когда, и при какихъ условіяхъ, и въ какой формѣ можетъ проявиться надъ нимъ воздѣйствіе того или другаго изъ вышепоименованныхъ представителей власти?

Становой приставъ дастъ предписаніе арестовать его, но только тогда, когда онъ совершитъ какое-либо тяжкое преступленіе; волостной старшина, купно съ міромъ, можетъ наказать его, но только когда онъ окажется недоимщикомъ; мировой судья (а теперь земскій начальникъ) можетъ заключить его въ деревенскую тюрьму на мірской хлѣбъ, но только когда жена, потерявъ и терпѣніе, и стыдъ, заявитъ жалобу на его постоянныя, быть можетъ многолѣтнія истязанія и побои, и только для того, чтобъ онъ, отъѣвшись на мірскихъ хлѣбахъ и возвратившись въ семью, возмѣстилъ ей за ея жалобу сторицею.

Во время оно, когда новоизобрѣтенный, ради удобствъ управленія громоздкимъ и обширнымъ государственно - общественнымъ механизмомъ, принципъ раздѣленія властей не проникалъ еще въ сферу патріархальныхъ отношеній крѣпостнаго быта, и на барскомъ дворѣ сосредоточивалась вся полнота человѣческой власти и административной, и судебной, и карательной, и исправительной—было не то: въ каждомъ поползновеніи къ семейному раздѣлу помѣщикъ видѣлъ посягательство на свои имущественные интересы, и дозволялъ таковой только въ силу особо-важныхъ

соображеній, его оправдывавшихъ; въ каждомъ лѣнивцѣ онъ видѣлъ негодяя, стремящагося своимъ бездѣльничествомъ сократить на извѣстную сумму его, помѣщичьи, доходы; въ каждомъ пьяницѣ онъ видѣлъ врага не только его семьи, общаго порядка и благоденствія, но и своего личнаго. Все это было совершенно естественно и понятно: еслибы половина крестьянъ стала бездѣльничать и пьянствовать, то, во первыхъ, и доходы помѣщика уменьшились бы какъ разъ на половину, да, во вторыхъ, и эта половина, собранная съ честныхъ и трудолюбивыхъ, пошла бы на воспособленіе и самимъ бездѣльникамъ и пьяницамъ, и ихъ семьямъ.

И благодаря этой-то преимущественно основѣ личнаго интереса, на которой создавались отношенія помѣщиковъ къ ихъ крѣпостнымъ, въ связи съ немыслимою въ настоящее время полнотою и нравственныхъ, и юридическихъ, и даже физическихъ правъ, какія сосредоточены были въ рукахъ помѣщика надъ крестьянами, контроль помѣстнаго дворянства надъ земледѣльческимъ классомъ народа и былъ поставленъ въ высшей степени прочно, и по тому времени, и при тѣхъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ, весьма практично.

Лучшимъ тому доказательствомъ служатъ теперешніе повсемѣстные вопли по поводу безшабашнаго хаоса, владычествующаго надъ нашею деревней съ эпохи ея освобожденія, хаоса, признаннаго правительствомъ и уже вызвавшаго противъ себя съ его стороны ограничительныя мѣры въ видѣ переустройства учрежденій, при-

митъ и не одѣваетъ ни жены ни дѣтей, да вдобавокъ бьетъ ихъ и истязуетъ; если, наконецъ, онъ всѣ свои досуги и весь свой грошевый домашній скарбъ приноситъ въ жертву одному кабаку—когда, и при какихъ условіяхъ, и въ какой формѣ можетъ проявиться надъ нимъ воздѣйствіе того или другаго изъ вышепоименованныхъ представителей власти?

Становой приставъ дастъ предписаніе арестовать его, но только тогда, когда онъ совершитъ какое-либо тяжкое преступленіе; волостной старшина, купно съ міромъ, можетъ наказать его, но только когда онъ окажется недоимщикомъ; мировой судья (а теперь земскій начальникъ) можетъ заключить его въ деревенскую тюрьму на мірской хлѣбъ, но только когда жена, потерявъ и терпѣніе, и стыдъ, заявитъ жалобу на его постоянныя, быть можетъ многолѣтнія истязанія и побои, и только для того, чтобъ онъ, отъѣвшись на мірскихъ хлѣбахъ и возвратившись въ семью, возмѣстилъ ей за ея жалобу сторицею.

Во время оно, когда новоизобрѣтенный, ради удобствъ управленія громоздкимъ и обширнымъ государственно - общественнымъ механизмомъ, принципъ раздѣленія властей не проникалъ еще въ сферу патріархальныхъ отношеній крѣпостнаго быта, и на барскомъ дворѣ сосредоточивалась вся полнота человѣческой власти и административной, и судебной, и карательной, и исправительной—было не то: въ каждомъ поползновеніи къ семейному раздѣлу помѣщикъ видѣлъ посягательство на свои имущественные интересы, и дозволялъ таковой только въ силу особо-важныхъ

чатлѣній несчастной войны, вслѣдъ за которой начались подготовительныя работы освободительной реформы, сослужила не малую службу Россіи, доказавъ ея интеллигентнымъ классамъ, въ среду коихъ входило и большинство дворянства, невозможность продолженія государственной и политической жизни на основѣ прежнихъ порядковъ, оказавшихся столь шаткими, что они довели наше отечество до небывало тягостнаго мира, и столь обманчивыми, что довели его до этой крайности путемъ почти полувѣковаго внѣшняго политическаго могущества, побѣдоносныхъ войнъ и видимаго внутренняго благополучія.

Подъ давленіемъ этихъ грустныхъ впечатлѣній сердца русскихъ патріотовъ естественно исполнялись чувствами сожалѣнія къ недавнему прошлому, а умы преклонялись предъ необходимостью замѣны этого прошлаго болѣе свѣтлымъ, прочнымъ и надежнымъ будущимъ, для обезпеченія коего не страшны никакія жертвы и не тяжелы никакія лишенія.

А такъ какъ эта свѣтлая будущность скрыта была отъ нашего отечества одною лишь темною завѣсой крѣпостнаго права, то и немудрено, что все, что ни было въ Россіи просвѣщеннаго, образованнаго, мыслящаго, истинно патріотическаго— все это примкнуло къ правительству, одушевляя его въ его реформаторскихъ начинаніяхъ и само почерпая въ немъ одушевленіе къ подъятію на себя значительной части того бремени, которое тяготѣло надъ правительствомъ.

Такимъ образомъ произошло небывалое въ исторіи человѣчества событіе, что наилучшая часть

званныхъ обезпечивать сельское благосостояніе: смыслъ и этихъ воплей, и этихъ мѣръ и заключается главнымъ образомъ въ признаніи того факта, что какъ только сняли съ мужицкой шеи тяжелое, быть можетъ, но и спасительное ярмо помѣщичьей власти, такъ мужикъ и началъ показываться всероссійской публикѣ самыми непривлекательными сторонами своего существа, и до сихъ поръ не придумано, взамѣнъ этой упраздненной власти, другой, ей хотя бы отчасти подобной, т. е. способной ограничивать крестьянство въ его неумѣренномъ пользованіи личной свободой и направлять его на надлежащій путь нравственнаго и экономическаго прогресса, и долженствовавшаго быть главнѣйшимъ послѣдствіемъ эмансипаціи и по идеѣ Освободителя, и по простому здравому смыслу.

Благодаря этому обстоятельству съ многомилліоннымъ классомъ крѣпостныхъ земледѣльцевъ повторилось, въ обширныхъ размѣрахъ и сравнительно болѣе разнообразныхъ видахъ, то же самое явленіе, которое ежедневно можно наблюдать въ любой плохо управляемой школѣ: какъ только классная дверь затворяется за уходящимъ домой учителемъ, такъ и поднимаются, за отсутствіемъ надзирателя, и шумъ, и гамъ, и брань, и ругательства, и драки, и прыжки по столамъ и окнамъ, и хожденіе на головахъ, и всевозможныя безобразія, какія только могутъ прійти въ голову ватагѣ ребятъ, почуявшей волю и возможность свободно распорядиться своимъ досугомъ.

«Словно съ цѣпи сорвались!» обыкновенно говорятъ про такихъ ребятъ: но развѣ наше-то

ствовать ихъ склонности къ бродяжничеству и способствовать утвержденію правильно-осѣдлой земледѣльческой жизни въ странѣ. И тогдашніе владѣльцы земель, на которыхъ осѣдали крестьяне, первоначально вовсе не призывались властительствовать надъ ихъ судьбами, а лишь наблюдать за ихъ осѣдлою земледѣльческою жизнію и пещись о ихъ благосостояніи. И какъ ни удалился институтъ крѣпостнаго права, въ своемъ дальнѣйшемъ историческомъ развитіи, отъ своихъ первоначальныхъ государственныхъ задачъ, тѣмъ не менѣе характеръ попечительства помѣщиковъ надъ крестьянами остался за нимъ до самаго его конца. За ограниченіе гражданскихъ правъ, *de facto* утвердившееся надъ помѣщичьимъ крестьянствомъ, оно получило то преимущество, что помѣщики *нравственно* обязывались гарантировать ему относительную степень матеріальнаго благосостоянія: палую скотину помѣщикъ считалъ своимъ долгомъ замѣнять своему крестьянину своею собственною, развалившуюся хату крестьянинъ считалъ себя въ правѣ чинить барскимъ лѣсомъ, а въ неурожайный годъ и кормиться, и поля засѣвать на помѣщичій счетъ. Не вездѣ это нравственное обязательство помѣщиками исполнялось, но признавалось за всѣми ними безъ изъятія, и случаи его нарушеній представлялись и не частыми, и исключительными. А потому и въ годину окончательной разверстки отношеній, созданныхъ крѣпостнымъ правомъ, отжившимъ свои дни, въ какой же роли относительно крестьянъ было явиться помѣщичьему дворянству, какъ не въ роли благопопечитель-

бовали трезвости, они ударились въ пьянство; имъ рекомендовали семейственность и домовитость, они стали соблазняться независимостью и бездомовничествомъ. Имъ рѣдко приходилось поблажать своимъ грубымъ вкусамъ и прихотямъ, они стали рабски подчиняться имъ.

На все это требовались средства, но ото всѣхъ этихъ новыхъ требованій къ жизни, и параллельно съ ними, уменьшалось трудолюбіе, сокращались заработки, умъ простолюдина начиналъ работать въ новомъ, доселѣ невѣдомомъ ему направленіи: *измышленія* средствъ къ удовлетворенію новоприобрѣтенныхъ и успѣвшихъ скоро окрѣпнуть прихотей, и именно—какъ и всегда бываетъ при фальшивости положенія и неосновательности вожделѣній, заступающихъ мѣсто потребностей — не *добыванія* средствъ, а непремѣнно измышленія.

Данная Богомъ и оставленная правительствомъ для цѣлей нормальнаго сельско-хозяйственнаго труда, какъ главнѣйшаго для Россіи источника и государственнаго, и частнаго благосостоянія, земля - *кормилица* — какъ, испоконъ вѣка, въ своемъ инстинктивномъ почтеніи къ ней, называлъ ее самъ народъ—стала постепенно забрасываться, небрежно воздѣлываться, безтолково и преждевременно истощаться, по той причинѣ, что не могла уже доставлять средствъ для удовлетворенія *вкусовъ* и *прихотей*, проснувшихся въ *вольномъ* мужикѣ, ограничивая свои благодѣянія, какъ и прежде, однимъ *кормленіемъ;* мѣсто *земли* въ мужицкихъ воззрѣніяхъ стали все болѣе и болѣе занимать *отхожіе про-*

мыслы, на которыхъ иные баловни фортуны скоро разживались и богатѣли.

Промыслы эти существовали и раньше, признавались и поощрялись самими помѣщиками въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ плодородіе почвы было скудно и не гарантировало ни помѣщику дохода отъ крестьянскаго земледѣльческаго труда, ни самому крестьянину прокормленія. Но для этихъ промысловъ нужны были и извѣстнаго рода знанія, и та или другая сноровка въ различныхъ спеціальностяхъ: помѣщикъ отпускалъ на промыселъ только такого мужика, отъ котораго самъ надѣялся получить лишнюю прибыль. Теперь, при свободѣ передвиженія, при возможности уходить куда угодно ни кого не спрашиваясь, мужикъ повалилъ въ города и столицы, не зная никакой работы, бросаясь на какую придется, и съ преимущественными цѣлями—не подмоги домашнему хозяйству, а проживанья на вольной волюшкѣ, съ вольною деньгою и со всѣми удобствами проматывать ее согласно съ новыми прихотями и вожделѣніями.

Отсюда—чрезмѣрный притокъ сельскаго люда въ города и столицы, гдѣ половинѣ его и дѣлать нечего, какъ развѣ кидаться въ попрошайничество или во что-нибудь еще худшее, и оскудѣніе рабочихъ рукъ въ деревнѣ, предоставленной однимъ бабамъ, а отсюда, конечно, и всѣ послѣдствія нерадиваго хозяйствованія надъ землей: недородъ хлѣбовъ и травъ, недоимки общественныя и государственныя, вѣчныя голодовки съ запродажами хлѣба на корню и займами его на обсѣменѣніе полей.

Столичные заработки деревенскихъ бѣглецовъ, могущіе составить существенное подспорье деревенскому бюджету при надлежащей нравственной уздѣ надъ работниками, какъ это и было дѣйствительно при крѣпостномъ правѣ, радикально измѣнились, опять-таки, подъ условіемъ личной свободы при неумѣніи и непривычкѣ къ надлежащему ею пользованію, и все чаще и чаще начали ставить мужиковъ въ положенія затруднительныя и даже прямо безвыходныя, то и дѣло доводя ихъ до полнаго обнищанія на чужой сторонѣ, за сотни и тысячи верстъ отъ своего родимаго гнѣзда, до просрочки паспортовъ и до возвращенія домой или добровольнаго, пѣшкомъ на босу ногу, или насильственнаго, на пароходѣ и по желѣзной дорогѣ этапнымъ порядкомъ на казенный счетъ, но въ обоихъ случаяхъ со срамомъ и для большаго еще срама по водвореніи въ родныхъ деревняхъ, или же, какъ это нерѣдко и бываетъ, до нелегальнаго проживанія въ мѣстахъ заработковъ безъ паспортовъ, а слѣд. и безъ надежной работы, а затѣмъ до поступленія въ разрядъ темныхъ людей, не имущихъ пристанища, каковыми кишатъ и столицы, и города, и всякіе другіе промышленные и торговые пункты, и, наконецъ, до погибели въ различныхъ трущобахъ пьянства, разврата и преступленій, а потомъ и въ острогахъ и каторгѣ.

Плохо воспособляемое отхожими промыслами деревенское хозяйство свободнаго крестьянства стало испытывать на себѣ и неудобства, проистекшія отъ устраненія надъ нимъ благопопечительнаго помѣщичьяго надзора и экономической о немъ

заботливости помѣщиковъ: съ момента эмансипаціи дворянство даже правительствомъ было поставлено внѣ всякаго воздѣйствія на своихъ бывшихъ крѣпостныхъ, и ужъ конечно было вполнѣ освобождено отъ прежней обязанности вспомоществованія своимъ крестьянамъ, и послѣдніе скоро должны были убѣдиться на практикѣ, что ни противъ неурожаевъ, ни противъ градобитій, ни противъ падежей скота и прочихъ невзгодъ и напастей житейскихъ, имъ и разсчитывать нечего на чью-либо постороннюю помощь, а бороться съ ними надо собственною силою, ибо ихъ прежнимъ помѣщикамъ ни до чего этого не было уже никакого дѣла.

Въ недавнемъ прошломъ тотъ же баринъ, который казался такимъ жестокимъ и дѣйствительно бывалъ подъ часъ не въ мѣру крутымъ и суровымъ, немедленно являлся и первымъ помощникомъ крестьянину, застигнутому тою или другою бѣдой и нуждой: давалъ, по надобности, и лошадь, и корову, и лѣсу на избу, и хлѣба на прокормъ и на сѣмена.

Теперь такой баринъ показался бы благодѣтелемъ, а за рѣдкостью таковыхъ, и невозможностью, однако, обходиться безъ оныхъ, ихъ пришлось искать на сторонѣ: необходимость скоро на нихъ указала, а жадность и алчность ихъ собственная и крайность и злая нужда крестьянъ облегчила обѣимъ сторонамъ первоначальныя формы для установленія постоянныхъ дѣловыхъ и финансовыхъ отношеній.

Кулаки-міроѣды, въ ограниченномъ числѣ и раньше существовавшіе, когда назрѣла въ нихъ

народная потребность, повыползли изо всѣхъ щелей и въ образѣ деревенскихъ кабатчиковъ, трактирщиковъ, лавочниковъ, скупщиковъ хлѣба, птицы, льна, холста и пр. т. п. начали застилать крестьянство своею легкою, мягкою паутиной, въ которой оно и не замедлило запутаться, и дошло до такихъ геркулесовыхъ столбовъ экономическаго разоренья, о которыхъ мы выше вскользь упомянули.

III.

Дворянство подъ вліяніемъ крестьянской реформы.

Одновременно съ тѣмъ, какъ въ освобожденномъ крестьянствѣ эмансипація вызвала и естественную потребность движенія, и злоупотребленія личною свободой, и наклонность къ созданію новыхъ удобствъ жизни и къ удовлетворенію небывалыхъ ранѣе вкусовъ и прихотей, на помѣщичьемъ дворянствѣ она не могла не отразиться совершенно противоположнымъ образомъ.

Начать съ того, что каждое новое положеніе заключаетъ въ самомъ себѣ уже извѣстную долю неудобства: пусть оно въ дѣйствительности и лучше, и выгоднѣе, первое время на новомъ мѣстѣ, въ новой квартирѣ, въ новой, хотя бы и лучшей, обстановкѣ непремѣнно ощущается нѣкоторая неловкость. Дворянству въ то время на это и указывали въ литературѣ, ободряя не унывать духомъ и доказывая, что вольнонаемный

трудъ, приложенный къ сельскому хозяйству, долженъ быть только выгоднѣе и для рабочихъ, и для нанимателей.

Въ общемъ это, конечно, безспорная истина, но бѣда въ томъ, что это *общее*-то не только не могло сказываться тогда, но не ощущается и теперь, когда переходная эпоха считаетъ за собою цѣлыхъ тридцать лѣтъ, и дай Богъ, чтобъ почувствовалось чрезъ такія же еще три десятилѣтія.

Что же касается того положенія, въ какомъ очутилось дворянство со дня освободительнаго манифеста, то оно, и помимо новизны, заключало въ себѣ много весьма важныхъ, существенныхъ и неустранимыхъ неудобствъ.

Первымъ изъ нихъ было, конечно, сокращеніе доходовъ, тогда какъ, по характеру новой жизненной обстановки, въ которую попадало дворянство вслѣдствіе реформы, для него было бы благовременнѣе нѣкоторое ихъ увеличеніе, ибо эмансипація прежде всего лишала его услугъ личнаго крѣпостнаго труда, къ которому оно привыкало въ теченіе двухъ вѣковъ, съ которымъ, въ его разнообразныхъ формахъ, сжилось и сроднилось, и который отнынѣ вынуждалось покупать на *наличныя* средства у тѣхъ же крестьянъ, отъ коихъ доселѣ получало его даромъ.

Если припомнить во всѣхъ подробностяхъ житейскую обстановку домовитой, степенной, хотя и не богатой дворянской семьи, проживавшей въ условіяхъ крѣпостнаго права, окажется, что едва ли когда она и могла ощущать острую нужду, а тѣмъ болѣе крайность въ денежной наличности: до того широко восполнялъ крестьянскій без-

платный трудъ всѣ немногосложныя потребности помѣщичьяго домоводства, что трудно бы было и придумать, чего бы не доставало для удовлетворенія тогдашняго дворянскаго комфорта, и для пріобрѣтенія чего понадобились бы наличныя деньги!

Не говоря уже о хлѣбахъ и злакахъ всевозможныхъ сортовъ и достоинствъ, скотные, птичіе и конные дворы составляли принадлежность всякаго, хотя сколько-нибудь зажиточнаго помѣщичьяго хозяйства; многочисленная дворня, помимо исправленія прямыхъ служебныхъ обязанностей при барскомъ домѣ и семействѣ, снабжена была и различнаго рода спеціальными работниками и работницами: портными и портнихами, поварами и хлѣбопеками, слесарями и сапожниками, столярами и каретниками, живописцами и музыкантами, рыбаками и охотниками, и пр. и пр. Помѣщику и его семьѣ, такимъ образомъ, являлась полная возможность не только кормиться, но и обуваться, и одѣваться, и удовлетворять незатѣйливымъ вкусамъ и прихотямъ, буквально не выѣзжая изъ своей деревни и не выходя за ворота своей усадьбы. Посмотрите, какою полною чашей представляется домашнее хозяйство даже какой-нибудь гоголевской Коробочки: чего-чего у нея не было, чѣмъ только она не торговала, чего не продавала! А вѣдь нѣтъ и указанія на то, чтобы ей понадобилось что-нибудь *купить!*

Но Коробочку безсмертный юмористъ изображаетъ, какъ только домовитую представительницу захолустнаго мелкопомѣстнаго хозяйства: во сколько же полнѣе была эта хозяйственная чаша въ дворянствѣ зажиточномъ, пользовавшемся

тѣмъ же крѣпостнымъ трудомъ, но для цѣлей жизни болѣе изысканной и утонченной? Объ этомъ и теперь еще свидѣтельствуютъ и обширные сады, и глубокіе пруды съ вымощеннымъ дномъ, и искусственные ручейки и рѣчки, и прочно, несокрушимо, комфортабельно выстроенные дома и дворцы, и великолѣпныя оранжереи, и множество другихъ разнообразныхъ затѣй, исполненныхъ нѣкогда, по причудливому вкусу помѣщиковъ, ихъ крѣпостными даровыми работниками.

И вотъ, эта необъятная масса даровaго личнаго труда, обезпечивавшаго повседневное благоденствіе помѣщичьяго домашняго обихода, была вычеркнута изъ него манифестомъ 19 февраля 1861 г.: съ этого знаменательнаго и для крестьянскихъ, и для помѣщичьихъ хозяйствъ дня та же баба, которая *обязана* была барынѣ столькими-то кошелками ягодъ, столькими-то фунтами грибовъ, столькими-то аршинами самодѣльнаго холста и пр. т. п., и эти ягоды, и грибы, и холстъ стала вольна *продавать*, хотя бы той же барынѣ, по условленной цѣнѣ. Многочисленная дворня стала *вольна* уйти отъ господъ, куда глаза глядятъ, или же оставаться у нихъ въ услуженіи, но точно также за условленное жалованье: пробилъ часъ домашнему помѣщичьему режиму съ его *собственными* портными, каретниками, булочниками, слесарями, музыкантами и артистами.

Въ большей части изъ нихъ настоятельной необходимости, конечно, не ощущалось, и они были отпущены безъ особаго сожалѣнія, какъ не способные своимъ трудомъ окупить своего жалованья и прокормленія.

Вмѣстѣ съ ними дворянство лишалось и той части крѣпостной прислуги, безъ которой обходиться было невозможно, и которая, къ тому жъ, по своей подневольной выправкѣ была и незамѣнима; труды этого немногочисленнаго класса своихъ прежнихъ дворовыхъ оно равнымъ образомъ вынуждалось оплачивать уже не одними попеченіями о нихъ и заботливостью о ихъ благоденствіи, а и наличными средствами.

Но средствъ этихъ, особенно въ виду ихъ сокращенія, уже не хватило бы на содержаніе штата домашней прислуги въ прежнихъ размѣрахъ, а уменьшеніе ея числа отразилось и на тѣхъ статьяхъ помѣщичьяго домоводства, отъ которыхъ въ прямой зависимости было его благосостояніе: ни скотные, ни птичьи, ни конные дворы, ни пасѣки, ни оранжереи съ грунтовыми сараями и парниками не могли бы оправдать требуемыхъ на нихъ денежныхъ затратъ удовлетвореніемъ надобностей и вкусовъ одной помѣщичьей семьи, и конечно стали сокращаться и вовсе прекращаться во всѣхъ тѣхъ хозяйствахъ, которыя принадлежали помѣщикамъ, не обладавшимъ крупными наличными капиталами.

Всѣмъ помѣстнымъ дворянамъ этой послѣдней категоріи жизнь въ своихъ деревняхъ, при условіяхъ вольнонаемнаго труда, такимъ образомъ не могла уже навѣрное обезпечивать и малой доли тѣхъ удобствъ, къ которымъ они привыкли и безъ которыхъ существованіе составило бы для нихъ рядъ самыхъ прискорбныхъ лишеній; къ тому же и чисто сельскохозяйственныя заботы по части хлѣбопашества наемными рабочими ру-

ками, по небывалости на практикѣ его примѣровъ и слѣд. по неумѣнію вести его, особенно непосредственно вслѣдъ за освобожденіемъ, не только не обѣщали дворянству обычныхъ выгодъ, но грозили, напротивъ, убытками и еще горшимъ разореніемъ.

Возбуждались даже опасенія и, какъ показалъ опытъ, въ первое время послѣ реформы не всегда безосновательныя, что правильная организація вольнонаемнаго труда едва ли будетъ и возможна за трудностью установленія сразу дружелюбныхъ взаимныхъ отношеній между нанимателями-дворянами, недавними крѣпостными владѣльцами, съ одной стороны, и только-что освободившимися изъ рабскаго имъ подчиненія работниками-крестьянами.

Все это вмѣстѣ взятое естественно располагало дворянъ измѣнять свои взгляды на сельскохозяйственный трудъ и деревенскую жизнь, какъ единственные дотолѣ для ихъ большинства способы и формы существованія, и чѣмъ болѣе измѣнялись ихъ взгляды въ этомъ смыслѣ, тѣмъ настойчивѣе тревожила ихъ мысль—сначала о возможности, затѣмъ — о выгодности, и наконецъ — о необходимости бросить сельскохозяйственный трудъ и замѣнить его какимъ-либо эквивалентомъ въ другихъ сферахъ экономической, общественной или административной дѣятельности.

И вотъ, одновременно съ тѣмъ, какъ крестьянство открыло свои систематическіе набѣги на города и столицы за легкимъ и обильнымъ денежнымъ заработкомъ, въ помѣстномъ дворян-

ствѣ сказалось аналогичное съ этимъ явленіе, выражаясь поголовнымъ его бѣгствомъ изъ своихъ помѣстій, оставлявшихся безъ призора и надлежащаго управленія, отъ своихъ земель, сдававшихся, кому попало, въ аренду или даже предававшихся запустѣнію, отъ своихъ лѣсовъ, обрекавшихся на расхищеніе.

Къ этому располагалось дворянство и тѣмъ способомъ, посредствомъ котораго правительство нашло возможнымъ и безопаснымъ вознаградить его за земли, отошедшія къ крестьянамъ. Дѣло въ томъ, что обезпеченная матеріально жизнь сдѣлала изъ большинства дворянъ-помѣщиковъ то, что она дѣлаетъ и изъ всякаго человѣка: людей, лишенныхъ всякаго практическаго смысла и навыка въ распоряженіи наличными деньгами. И между тѣмъ каждому такому барину, признававшему наличную деньгу никакъ не за средство существованія, а лишь за средство удовлетворенія прихотей, изысканныхъ вкусовъ, наклонностей къ комфорту и роскоши, дана была на руки процентная бумага!

Люди, доселѣ не ведшіе счета, кромѣ какъ на человѣческія души да на скирды хлѣба, награждавшіе дочерей приданымъ въ видѣ цѣлыхъ селъ съ сотнями живыхъ людей, и за свадьбу этихъ дочерей платившіе попамъ четвертями ржи, вдругъ получили на свои руки добрую половину отнятаго у нихъ недвижимаго имущества въ видѣ пачки выкупныхъ свидѣтельствъ.

Правда, они могли бы приносить хотя и меньшій, сравнительно съ прежнимъ, но все же постоянный ежегодный доходъ, но ихъ—къ прискор-

бію для дворянства—можно было и сейчасъ продать или заложить, чтобы заполучить въ свои руки, хотя и съ тяжкимъ убыткомъ, и съ затрудненіями въ ближайшемъ будущемъ, но все-таки болѣе или менѣе крупную сумму наличныхъ денегъ.

Но вѣдь предшествовавшіе опыты кредитныхъ воспособленій помѣщикамъ посредствомъ ссудной казны опекунскаго совѣта достаточно показали уже, что дворянству русскому, какъ и вообще русскому человѣку, всего болѣе свойственны беззаботность и неряшество въ денежномъ отношеніи, а сколько благоразумія способенъ проявить русскій человѣкъ, когда у него въ рукахъ неожиданно оказывается ворохъ ассигнацій, это блистательно доказалъ еще герой гоголевской *Коляски*, употребившій ссуду опекунскаго совѣта на ручную обезьяну, француза-дворецкаго и усовершенствованныя ручки къ дверямъ.

И чтобы въ крутыхъ обстоятельствахъ, послѣдовавшихъ за реформой, которая наградила дворянство кучей цѣнныхъ бумагъ, оно удовольствовалось періодическою стрижкой однихъ ихъ купоновъ, не покушаясь на ихъ полную реализацію—разсчитывать на это достаточныхъ основаній рѣшительно не было; напротивъ, назрѣвавшая мысль о невозможности деревенскаго хозяйства и необходимости отказаться отъ него прямо указывала, что дворяне опираются въ этой мысли именно на выкупныя свидѣтельства, какъ удобное средство хотя на первое время устранить матеріальныя затрудненія, связанныя съ такою радикальною перемѣной въ жизненномъ строѣ.

Обстоятельства, какъ извѣстно, подтвердили это: съ точностію до сихъ поръ неизвѣстно, куда именно ушли сотни милліоновъ, вырученныя дворянами чрезъ продажу выкупныхъ свидѣтельствъ; но что у нихъ въ рукахъ ихъ не осталось, это обнаружилось въ непродолжительномъ времени, когда началось сплошное истребленіе лѣсовъ, продававшихся на срубъ, какъ наиболѣе цѣннаго достоянія дворянства. За лѣсами послѣдовали залогъ и распродажа дворянскихъ имѣній въ земельныхъ банкахъ, затянувшихъ надъ дворянствомъ послѣднюю, поистинѣ мертвую петлю.

Не удалось дворянству и охватившее его вслѣдъ за эмансипаціей лихорадочное стремленіе проложить новые экономическіе и соціальные пути къ выходу изъ создавшагося для него тяжелаго матеріальнаго положенія: чтобы успѣшно торговать, а особенно при *нашей* коммерческой обстановкѣ, нужно родиться купцомъ, а чтобы успѣвать въ общественной дѣятельности, нужно вооружиться самоотреченіемъ и угодливостью предъ тѣмъ же купцомъ, который объявился во всѣхъ сферахъ общественной дѣятельности не только властнымъ распорядителемъ, но подчасъ и не вѣдающимъ никакихъ преградъ, самоуправнымъ властелиномъ надъ судьбами цѣлыхъ городовъ и округовъ, обильно насаждая вокругъ себя тѣ самыя начала, коими руководился въ предыдущей своей дѣятельности по куплѣ и продажѣ. Каковы же у большинства нашихъ купцевъ эти начала, народная мудрость давно повѣдала въ пословицахъ: «не обманешь—не продашь, не солжешь—не заснешь», и т. п.

Иначе, впрочемъ, и быть не могло, ибо каждый изъ призываемыхъ на общее дѣло приходитъ лишь съ тѣмъ, что имѣетъ, что унаслѣдовалъ, съ чѣмъ сроднился въ цѣломъ рядѣ поколѣній. И не купецъ въ этомъ виноватъ, а тѣ условія, въ которыхъ онъ историческими обстоятельствами былъ поставленъ: для того, чтобы сбросить съ своихъ плечъ священнѣйшую гражданскую обязанность защиты отечества, онъ приглашался къ уплатѣ гильдейскихъ повинностей; подъ условіемъ этой же уплаты онъ, хотя бы и представлялъ собою самаго недостойнаго члена общества, могъ достигать титла *почетнаго гражданина;* самыя Монаршія милости въ видѣ тѣхъ или другихъ знаковъ отличія, жалуемыхъ и дворянству, и прочимъ служилымъ сословіямъ за *личныя* заслуги Престолу и отечеству, изливались на купца лишь за то или другое съ его стороны филантропическое пожертвованіе, т. е. за отчисленіе обществу ничтожнѣйшей части отъ него же нажитыхъ средствъ.

Трудно, конечно, представить общественную обстановку, болѣе нравственно растлѣвающую, но едва ли у кого поднимется рука винить современное купечество за ту заразу, какую оно вноситъ въ общество при своемъ настоящемъ положеніи въ немъ и при измѣнившихся условіяхъ своей общественной дѣятельности, ибо, повторяемъ, каждый приходитъ на общее дѣло съ тѣмъ, что у кого есть.

Тѣмъ не менѣе фактъ остается фактомъ. Пишущій эти строки, много лѣтъ назадъ, былъ единственнымъ дворяниномъ, котораго московское ку-

печество, за цѣлое столѣтіе своей сословной жизни, почтило избраніемъ въ число представителей своего сословнаго самоуправленія: присматриваясь къ этой средѣ, изучая ея бытъ, традиціи и идеалы, онъ не могъ не проникнуться живѣйшими симпатіями къ блестящимъ изъ нея исключеніямъ, но не могъ и не поражаться малочисленностью такихъ исключеній...

И дворянству ли, всегда отличавшемуся, и теперь отличающемуся болѣе или менѣе возвышенными, идеальными традиціями, было отступаться отъ нихъ въ угоду низменныхъ преданій, руководившихъ издавна и нынѣ руководящихъ большинствомъ нашего коммерческаго класса?

Что же касается административной дѣятельности, то, хотя значительная часть дворянства и посвящаетъ ей по прежнему свои силы, она едва ли можетъ уврачевать экономическій недугъ, которымъ дворянство страдаетъ, по недостаточности служебныхъ гонораровъ, связанныхъ съ бюрократическимъ трудомъ.

Таково современное положеніе нашего дворянскаго сословія, и, обращаясь къ прошлому, нельзя не указать на излишнюю либеральность воззрѣній, положенныхъ въ основу крестьянской реформы, какъ на косвенную причину главнѣйшаго неудобства, замѣчаемаго въ этомъ положеніи—недостатка или крайняго истощенія матеріальныхъ средствъ.

Нельзя не отмѣтить, съ глубочайшимъ, притомъ, прискорбіемъ, особой черты, охарактеризовавшей всѣ реформы прошлаго царствованія: черта эта—въ высшей степени туманное *понятіе*

о свободѣ, и вслѣдствіе того черезчуръ энергическое стремленіе ко всяческой свободѣ во всемъ и для всѣхъ.

Понимаетъ ли самъ жалуемый этою свободой, что такое она за звѣрь, къ чему она ведетъ и на что годится, достоинъ ли и способенъ пользоваться ею, и даже желаетъ ли ея, объ этомъ не спрашивалось и не разсуждалось, а просто свободы всякаго сорта и размѣра, одна за другою, такъ и сыпались на народъ, какъ будто надъ Россіей кто-то опрокинулъ корзину, наполненную всевозможнымъ свободнымъ товаромъ.

Объясняется это, впрочемъ, легко и естественно тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что рыцарски мыслившій Царь-Освободитель, руководимый возвышенными идеями, въ служеніи этимъ идеямъ находившій высшее призваніе своей царственной дѣятельности, не предполагалъ и въ исполнителяхъ своихъ гуманныхъ предначертаній ничего иного, кромѣ ревности и усердія къ общему благу, теоретически обезпечивавшемуся точнымъ и правильнымъ воплощеніемъ его идей во всѣхъ проявленіяхъ практической жизни народа.

Впадая въ свойственную всѣмъ идеально мыслящимъ людямъ ошибку, состоящую въ томъ, что свои идеалы они отожествляютъ съ дѣйствительностью, не подозрѣвая, что на практикѣ все осуществляется силою необходимости, а не предписаніями идеальной программы, могъ ли благодушный Реформаторъ останавливаться надъ тою мыслью, что дворянство не сумѣетъ воспользоваться выкупнымъ капиталомъ, поступившимъ въ его распоряженіе? Могъ ли, тѣмъ болѣе, замыс-

лить какое-либо ограниченіе для него въ пользованіи этимъ капиталомъ, какъ своею собственностью?

А между тѣмъ послѣднее, въ ту именно пору, было бы въ высшей степени практично, ибо: 1) такъ или иначе заставило бы дворянъ сообразовать новыя условія своей жизни съ тѣми матеріальными, значительно сократившимися, средствами, какія оказались въ ихъ распоряженіи; 2) направило бы ихъ, вмѣсто повальнаго бѣгства изъ деревень, къ продолженію сельскохозяйственныхъ занятій въ предѣлахъ разумной бережливости и разсчетливости, требуемыхъ новою постановкой сельско-хозяйственнаго дѣла на общихъ началахъ вольнонаемнаго труда.

Еслибы, напримѣръ, вмѣсто выдачи причитавшейся дворянству выкупной суммы сполна, и притомъ легко отчуждаемою процентною бумагой, правительство распорядилось ежегодною выдачей ему однихъ причитавшихся по этой бумагѣ процентныхъ платежей, такъ бы, вѣроятно, и случилось. Большинство помѣщиковъ испытывало бы, правда, нѣкоторыя лишенія отъ невозможности продолжать жизнь по прежнему, крѣпостному шаблону, но зато: 1) дворянство не забросило бы ни своихъ земельныхъ сокровищъ, ни привычныхъ занятій; 2) не истратило бы безслѣдно выкупнаго капитала въ нѣсколько сотъ милліоновъ; 3) проценты съ этого капитала вкладывало бы въ землю, создавая, такимъ образомъ, себѣ новый, еще болѣе надежный капиталъ; 4) вслѣдствіе этого никогда бы не ощутило горькой нужды въ истребленіи за безцѣнокъ сво-

ихъ лѣсныхъ богатствъ, и 5) конечно избѣгло бы начетистыхъ услугъ земельныхъ банковъ и прочихъ всякаго сорта ростовщиковъ, и, благодаря этому, быть можетъ въ срокъ нѣсколькихъ десятилѣтій успѣло бы вернуть себѣ отнятое у него реформой экономическое и государственное положеніе.

Но—увы!—подъ опьяняющимъ впечатлѣніемъ густаго либеральнаго тумана, застилавшаго русскую политическую мысль тогдашняго времени, ни творцу реформы, ни ея труженикамъ соображенія эти не могли прійти на умъ, а еслибы даже и пришли, то конечно были бы ими отринуты, какъ недостойныя вниманія, противныя духу свободы и оскорбительныя для дворянства, которое, въ силу этихъ соображеній, какъ бы лишалось *довѣрія* въ распоряженіи своею собственностью.

И понадобилась цѣлая четверть вѣка, протекшая, такъ сказать, въ постоянныхъ оргіяхъ саморазоренія, чтобы благоразуміе взяло верхъ надъ внушеніями безшабашнаго либерализма, и чтобы правительство положило, наконецъ, предѣлъ этимъ оргіямъ и провело опредѣленную границу между понятіями о *правѣ* собственности и разумномъ ею пользованіи, съ одной стороны, и неразумнымъ произволомъ и злоупотребленіями надъ нею съ другой.

Разумѣемъ недавній законъ объ охраненіи лѣсовъ: что онъ представляетъ собою, какъ не *ограниченіе* права собственности? А между тѣмъ онъ не только не возбудилъ противъ себя общественнаго мнѣнія, а былъ имъ принятъ даже весьма сочувственно.

Но въ немъ, однако, не представилось бы и надобности, еслибъ въ свое время правительственная мудрость озаботилась аналогичнымъ этому закону постановленіемъ, направленнымъ къ охраненію *первой* половины дворянскаго достоянія, выраженной выкупными капиталами и безвозвратно для дворянства исчезнувшей.

Какъ и всегда, благоразуміе и въ этомъ случаѣ пришло нѣсколько поздно, и такъ какъ никакими его соображеніями совершившихся фактовъ ни уничтожить, ни измѣнить не представляется возможности, то и остается сумму этихъ фактовъ принять къ свѣдѣнію и изобразить такъ: частію какъ естественное и логическое послѣдствіе отнятія крѣпостныхъ крестьянъ, частію какъ результатъ неправильно задуманныхъ и проведенныхъ при этомъ въ жизнь мѣропріятій, очевиднымъ наслѣдіемъ крестьянской реформы является въ настоящее время или разореніе, или обѣднѣніе, или, даже, обнищаніе помѣстнаго дворянства, упадокъ его сельскохозяйственной дѣятельности и даже отчужденіе отъ нея, поражающая земельная его задолженность, и, какъ результатъ послѣдней, экспропріація земельной собственности въ пользу другихъ сословій, съ зависящимъ отъ сего видоизмѣненіемъ въ характерѣ землевладѣльческаго класса страны.

Все это не можетъ не отражаться на политическомъ значеніи дворянскаго сословія, ибо въ такой земледѣльческой по преимуществу странѣ, какова Россія, первенствующимъ классомъ *не можетъ быть никакой*, кромѣ землевладѣльческаго, и если дворянство справедливо считалось

доселѣ опорою престола и государства, то именно въ качествѣ таковаго, и свою политическую силу и благотворное вліяніе на государственную жизнь почерпало главнымъ образомъ въ однородности своего состава, а слѣд. и въ общности интересовъ, неизмѣнно направленныхъ, въ силу историческихъ традицій, къ славѣ и величію Россіи.

Куда направились бы интересы новаго, разношерстнаго по составу землевладѣльческаго класса, еслибъ въ окончательныхъ итогахъ дворянство уступило свою исконную роль въ пользу разночинства, и въ какой мѣрѣ явилось бы послѣднее опорою государства—это еще вопросъ.

IV.

Денежная гегемонія.

Въ дореформенной Россіи весь общественный строй покоился, можно сказать, лишь на двухъ преимущественно сословіяхъ, рѣзко опредѣленныхъ въ практическомъ быту и съ строго очерченнымъ кругомъ государственныхъ и гражданскихъ обязанностей и отношеній: на крѣпостномъ крестьянствѣ и помѣстномъ дворянствѣ.

И если сравнивать тогдашнюю Россію съ величественнымъ тысячелѣтнимъ дубомъ, то первое изобразило бы собою его исполинскіе корни, глубоко вросшіе въ землю, крѣпко въ ней разросшіеся, и изъ нея посылавшіе всему организму дерева живительные соки; второе можно бы было назвать широколиственною вѣтвистою шапкой,

распростертой надъ деревомъ, питавшейся идущими отъ его корней соками и за то защищавшей его могучій стволъ отъ многочисленныхъ атмосферическихъ вліяній, которыя могли бы нанести и ему, и его корнямъ тотъ или другой вредъ.

Крестьянство несло на себѣ большую часть и денежныхъ, и натуральныхъ повинностей; оно же, купно съ посредствующими, изъ него же выдѣлившимися и постоянно пополнявшимися общественными классами, т. е. такъ называемыми податными сословіями, отбывало и личную повинность въ видѣ солдатчины. Дворянство посвящало себя или сельско-хозяйственному труду, или государственной службѣ, или же, въ весьма ограниченномъ числѣ, крупной заводской и фабричной промышленности.

Внѣ этихъ двухъ основныхъ сословій общественная жизнь какъ бы и не существовала, подавая о себѣ лишь слабые, блѣдные признаки: духовенство въ своемъ большинствѣ прозябало жизнью, близкою къ крестьянской, а въ городахъ—къ мѣщанской, не задаваясь и не одушевляясь ни широкими духовными интересами, ни возвышенно-идеальными задачами своего званія, замкнувшись въ узкой сферѣ своихъ служебно-приходскихъ отношеній; промышленность не проявляла ни малѣйшей наклонности къ развитію, ограничиваясь установившеюся издавна рутиной и не озабочиваясь изысканіемъ новыхъ путей къ преуспѣянію; ремесла существовали въ скромныхъ традиціонныхъ размѣрахъ, разсчитанныхъ на удовлетвореніе несложныхъ потребностей большинства населенія; коммерческая дѣятельность купечества

ограничивалась немногочисленными статьями внутренней торговли, главнѣйшее значеніе между которыми имѣлъ хлѣбъ, да предметами роскоши и моды, доставлявшимися въ весьма незначительномъ количествѣ изъ-за границы.

Печать—въ нынѣшнемъ ея значеніи—не существовала, оправдывая тѣмъ извѣстное положеніе, что она есть *выраженіе общества*, ибо и общества, въ его теперешнемъ смыслѣ, тоже не было, какъ не было и общественной жизни: она распадалась на извѣстное число сословныхъ существованій, раздѣленныхъ различными преданіями и интересами, иногда другъ другу противорѣчившими и даже враждебно между собою сталкивавшимися—явленіе, настолько укоренившееся въ русской жизни, что оно и доселѣ сказывается, во всѣхъ разносоставныхъ общественныхъ учрежденіяхъ, отсутствіемъ общности побужденій и цѣлей, преобладаніемъ частныхъ, даже личныхъ интересовъ надъ несомнѣнными, настоятельными, иногда вопіющими требованіями общаго блага.

Что касается общаго тона жизни, онъ слагался изъ отношеній между дворянскою альфой и крестьянскою омегой Русской Державы, и промежь этихъ двухъ коренныхъ ея сословій только какъ бы мелькали и чиновничество, и духовенство, и купечество, и мѣщанство, ютившіяся въ городахъ, запечатлѣнныхъ тою же деревенской неподвижностью жизни, неповоротливостью мысли, отсутствіемъ дѣятельности, какія владѣли и всею страной подъ отечески-суровою рукой императора Николая.

Выше мы указали непосредственно обнаружившіеся практическіе результаты великой крестьянской реформы: вмѣсто строго опредѣленнаго, правильно установленнаго и крѣпко блюдомаго властью общественнаго строя явилось состояніе, которое принято называть *переходнымъ*.

Вмѣсто привычнаго, сѣраго, будничнаго труда для освобожденнаго крестьянства настала пора лихорадочной стремительности къ улучшенію своего *матеріальнаго* быта, къ удовлетворенію вкусовъ, дотолѣ забитыхъ суровою долей, въ которой оно прозябало, прихотей, ранѣе представлявшихся недоступными.

Для дворянства, наоборотъ, пробилъ часъ перелома всѣхъ установленныхъ традиціями условій его существованія, наступилъ экономическій кризисъ, въ ближайшемъ будущемъ грозившій матеріальными лишеніями, а во избѣжаніе ихъ требовавшій личной изобрѣтательности по изысканію средствъ, способныхъ содѣйствовать удержанію матеріальнаго благосостоянія на прежней высотѣ.

Указали мы и на то, что оба сословія не проявили ни надлежащей сдержанности въ этихъ стремленіяхъ, ни благоразумія въ изысканіи этихъ средствъ: какъ крестьяне, такъ и помѣщики кидались на то, что было имъ доступнѣе, стояло къ нимъ ближе, давало скорую возможность хотя временно извернуться въ затруднительномъ положеніи, не помышляя о завтрашнемъ днѣ, который неминуемо окажется еще затруднительнѣе.

А такъ какъ въ чудодѣйственномъ круговоротѣ безконечно разнообразныхъ обстоятельствъ и со-

отношеній, изображающихъ собою человѣческое существованіе, не бываетъ столь затруднительныхъ положеній, чтобъ изъ нихъ не могло представиться того или другаго выхода, то и для затрудненій, о которыхъ мы говоримъ, онъ былъ скоро отысканъ и выработанъ экономическою жизнью народа въ приложеніи къ потребностямъ и того и другаго сословія.

Какъ всегда и вездѣ спросъ вызываетъ предложеніе, такъ вызвала предложеніе и крестьянская нужда въ деньгахъ: явились люди и цѣлые ихъ классы, обладавшіе свободными средствами, требовавшими выгоднаго помѣщенія. А что могло бы сравниться по выгодности, какое финансовое предпріятіе могло бы обѣщать такіе барыши, какъ денежныя отношенія съ темною массой крестьянства, сегодня нуждающеюся въ наличныхъ деньгахъ для уплаты податей, завтра въ хлѣбѣ на сѣмяна, послѣ завтра въ немъ же на прокормленіе, и еще дальше—на покупку новой коровы или лошади, на водку къ храмовому празднику, на поправку развалившейся избы, на сдачу ребятъ въ рекруты, и т. д. безъ конца?

И вотъ, въ недавней роли благовременнаго и, естественно, благоразумно-разсчетливаго помощника крестьянъ въ ихъ экономическихъ бѣдахъ и напастяхъ, каковымъ являлся для нихъ, при крѣпостномъ правѣ, ихъ же помѣщикъ—выступаетъ полчище сельскихъ ростовщиковъ, и на нужду, и на просьбы крестьянъ взирающихъ только какъ на удобныя средства для собственной корысти: они и не призваны, и даже нравственнаго права не имѣютъ разбираться въ основа-

тельности или неосновательности этихъ просьбъ, и удовлетвореніе ихъ или отверженіе рѣшаютъ не соображеніями крестьянской пользы, а требованіями исключительно личнаго интереса.

На что именно нужны мужику деньги: на дѣловую надобность, или на пьяное баловство—имъ до того рѣшительно дѣла нѣтъ. Обсужденію подвергаютъ они одинъ только вопросъ: опасно или нѣтъ въ томъ или другомъ случаѣ довѣріе къ мужику, взвѣшиваютъ одну только его кредитоспособность, и если она удовлетворяетъ ихъ соображеніямъ, ничуть не стѣсняются, когда мужикъ тутъ же и проматываетъ полученное отъ нихъ богатство. Даже и сами ему въ томъ способствуютъ: ибо, по соображеніямъ мѣстныхъ удобствъ, вмѣстѣ съ ростовщичествомъ они соединяютъ въ своихъ рукахъ и всѣ отрасли деревенской коммерціи, являясь содержателями лавочекъ, харчевенъ, трактировъ, кабаковъ и т. п. заведеній, что, какъ разъ одновременно съ крестьянскою реформой, и облегчилось для нихъ введеніемъ свободной отъ откуповъ питейной торговли.

Когда дворянство, проживъ полученныя отъ правительства выкупныя свидѣтельства, быстрою распродажей и залогомъ ихъ создавъ небывалую дотолѣ на Руси биржевую спекуляцію и обогативъ ее на свой счетъ, въ свою очередь ощутило острые симптомы злаго экономическаго недуга, именуемаго безденежьемъ, практическая жизнь съ еще большей легкостью, чѣмъ крестьянамъ, указала ему наклонную плоскость разоренія, по которой оно и покатилось съ постепенно увеличивавшеюся, по законамъ физики, быстротой, допро-

давая заложенныя выкупныя бумаги для полученія разницы, сбывая за безцѣнокъ сначала лѣса, потомъ остальныя земельныя угодья, далѣе земли, занятыя нѣкогда лѣсами, наконецъ недвижимыя имущества въ сельскихъ усадьбахъ, городахъ и столицахъ.

Около дворянства сплотился особый кружокъ эксплоататоровъ, пополняемый частію наиболѣе нажившимися представителями крестьянскаго ростовщичества, частію городскимъ зажиточнымъ купечествомъ, частію даже еврейскими гешефтмахерами. Когда же, наконецъ, указанная наклонная плоскость разоренья значительною частью мелкаго и средняго достатка помѣщиковъ была пройдена, и съ нихъ уже нечего было взять самому изобрѣтательному эксплоататору — для остальной части дворянства, по какимъ-либо случайнымъ счастливымъ обстоятельствамъ уцѣлѣвшей отъ разоренія, биржевая плутократія поставила хитро придуманную, хотя по внѣшнимъ признакамъ и совершенно невинную ловушку, повѣсила надъ этой ловушкой, съ разрѣшенія правительства, вывѣску: *земельный банкъ*, и не прошло десятка лѣтъ, какъ въ этой ловушкѣ крѣпко захлопнута была вся остальная, наиболѣе зажиточная часть помѣщичьяго дворянства, съ высшею даже земельною аристократіей во главѣ, ибо если находились граждански-мужественные люди, брезговавшіе темными ростовщиками и боявшіеся ихъ, предпочитавшіе терпѣть нужду и лишенія, лишь бы не одолжаться ихъ денежными услугами, то золотая вывѣска *земельнаго банка*, да еще разрѣшеннаго правительствомъ, устраняла

эти опасенія вполнѣ и увеличивала соблазны нужды и безденежья, и въ результатѣ получилась Россія хотя и «освобожденная», но вмѣстѣ съ тѣмъ и «заложенная», т. е. вновь закрѣпощенная, въ лицѣ прежнихъ своихъ крѣпостныхъ владѣльцевъ—небольшой группѣ капиталистовъ, изъ коихъ наиболѣе вліятельную половину составляютъ люди спекуляціи, въ лицѣ же своего крестьянства—многочисленному классу міроѣдовъ, выходящихъ изъ его же среды, съ примѣсью, по мѣстамъ, еврейскаго элемента.

И эта новая, по истинѣ *страшная* крѣпость, страшная потому именно, что она *экономическая*, т. е. *добровольная*, а не *насильственная*, какою была прежняя, и потому не уязвимая даже для самыхъ энергическихъ, настойчивыхъ и постоянныхъ законодательныхъ мѣръ, еслибы таковыя и были приняты противъ нея—не замедлила оказать свое нравственно-тлетворное вліяніе едва ли не на всю толщу русскаго народа сверху до низу, едвали не на весь строй народной и общественной жизни во всѣхъ ея отрасляхъ и развѣтвленіяхъ.

Къ національной чести русскаго народа слѣдуетъ отнести, что онъ во всѣ времена, въ ряду другихъ націй, отличался наибольшимъ идеализмомъ, и какъ таковой, никогда не страдалъ ни излишней политической похотливостью, ни экономической пронырливостью; тѣмъ болѣе матеріальная нажива никогда не была написана на его международномъ знамени.

Тоже и во внутренней жизни, и въ распорядкѣ отношеній: деньги никогда не играли въ его жизни,

если не принимать въ разсчетъ *спеціально-торговаго класса*, ни важнѣйшей, ни тѣмъ паче первенствующей роли.

Есть охотники объяснять это явленіе косностью народнаго характера, тисками крѣпостнаго рабства, стѣснявшаго личную иниціативу и даже вовсе, будто бы, убившаго ее, и излишне-ревнивою административною опекой.

Но почему эти-то самыя обстоятельства, и даже эту косность, наоборотъ, не объяснять первымъ свойствомъ, свойствомъ народа по преимуществу *идеальнаго*, религіозно убѣжденнаго въ томъ, что далеко «не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ»?

Какъ бы то ни было, Россія дореформенная всѣмъ строемъ своей жизни доказывала, что для нея деньги—предметъ вовсе не первостепенной важности. Общественное значеніе отдѣльныхъ лицъ опредѣлялось массою условій, въ ряду коихъ денежная наличность занимала едва ли не послѣднее мѣсто: государственная служба, воинскіе подвиги, хотя бы самыхъ скромныхъ, незначительныхъ размѣровъ, снискивали гражданину болѣе правъ на уваженіе и почетъ, нежели милліоны накопленныхъ богатствъ. Классъ, испоконъ вѣка трудившійся надъ этимъ послѣднимъ дѣломъ, занималъ не только не выдающееся въ обществѣ положеніе, какъ, напримѣръ, всегда это было въ Англіи, а напротивъ, нѣсколько даже приниженное, являясь не *послѣднимъ* среди высшихъ сословій государства, а *первымъ* среди низшихъ, и единственными выгодами, пріобрѣтавшимися на деньги, было освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія и отъ рекрутской повинности купцовъ, записанныхъ въ

гильдіи, и то на время состоянія ихъ въ купечествѣ.

Для пріобрѣтенія даже посредствующаго между высшими и низшими классами званія, именуемаго почетнымъ гражданствомъ, купцу было обязательно *непрерывное* состояніе въ 3-й гильдіи не менѣе 30, во 2-й—20, и даже въ 1-й—10 лѣтъ; но и съ полученіемъ этого званія за нимъ только и утверждались двѣ вышесказанныя гарантіи: спины отъ полицейскихъ розогъ и лба отъ бритвы полковаго цирюльника. И по существу, и въ общемъ мнѣніи *почетный гражданинъ* оставался тѣмъ же купцомъ и почетомъ пользовался весьма сомнительнымъ, потому что всѣ знали, что этотъ почетъ имъ *не заслуженъ*, а полученъ *за деньги*.

Предъ всесильною тогда администраціей купечество, хотя бы и сопричисленное къ лику почетныхъ гражданъ, было совершенно безправною массой, и чѣмъ богаче, тѣмъ даже безправнѣе, и какъ относились къ самымъ именитымъ его представителямъ такіе администраторы, какимъ былъ, напримѣръ, въ Москвѣ знаменитый графъ Закревскій, объ этомъ хорошо, полагаемъ, помнятъ ихъ сыновья и внуки, теперь, подъ эгидой самоуправленія, расцвѣтшіе если и не нравственнымъ, не умственнымъ, то наслѣдственнымъ плутократическимъ блескомъ, въ настоящее время—увы!—слишкомъ достаточнымъ для того, чтобъ прикрыть отсутствіе моральныхъ и интеллектуальныхъ достоинствъ.

Изъ предъидущихъ строкъ никакъ, однако, не слѣдуетъ, чтобы мы одобряли общественный ре-

жимъ, допускавшій возможность администраторовъ въ родѣ гр. Закревскаго: мы указали на его управленіе лишь для поясненія, сколь ничтожнымъ положеніемъ, и сравнительно въ недавнее время, довольствовался нашъ денежный классъ, и слѣдовательно, сколь скромное значеніе нашъ народъ и общество придавали *деньгамъ* вообще.

Теперь, какъ всякому извѣстно, не то; и это *не то* получило свое начало подъ вліяніемъ и давленіемъ обстоятельствъ, вызванныхъ реформой: они едва ли не впервые указали на деньги, какъ *на силу*, способную переставлять соціальныя отношенія, ворочать общественнымъ положеніемъ цѣлыхъ сословій, возвышать одни общественные классы на счетъ приниженія другихъ, и отдѣльнымъ личностямъ доставлять разнообразные способы и пути, *прямо сомнительные*, къ внѣшнему блеску и почету, общественнымъ почестямъ и даже государственнымъ наградамъ.

Крестьянское и дворянское кулачество, запрятавъ въ свои бездонные карманы значительнѣйшую часть и мужицкаго, и помѣщичьяго благосостоянія, скоро смекнуло, какая могущественная сила заключается у него въ рукахъ. Смекнули это, къ сожалѣнію нѣсколько поздно, и застрявшія въ этомъ карманѣ, и почти невылазно, и крестьянство съ дворянствомъ, и каждая изъ этихъ столь противоположныхъ другъ другу общественныхъ группъ стала вырабатывать *новый* кодексъ нравственныхъ и соціальныхъ понятій и воззрѣній, основой коихъ были: *деньги, презрѣніе ко всему* кромѣ денегъ, *поклоненіе* одному золотому тельцу.

Несомнѣнные признаки внѣшняго благосостоянія, вѣнчавшаго эксплоататорскую ревность крестьянскихъ кулаковъ-міроѣдовъ и помѣщичьихъ ростовщиковъ и скупщиковъ, на ряду съ непрерывною цѣпью всевозможныхъ лишеній и нравственныхъ униженій, къ которой нужда приковала многочисленный классъ ихъ кліентовъ—естественно убѣждали и неповоротливую мысль первыхъ, и мятущіеся умы послѣднихъ если и не въ непререкаемой правильности этого кодекса, то по крайней мѣрѣ въ его роковой силѣ, несмотря ни на противорѣчіе его историческимъ преданіямъ народа, ни на отвращеніе послѣдняго отъ столь безнравственнаго культа, какъ культъ однѣхъ денегъ, какъ религія одной эгоистической наживы.

Но разъ этотъ кодексъ сложился въ понятіяхъ людей подъ воздѣйствіемъ впечатлѣній, вызываемыхъ обстоятельствами экономическаго кризиса, обстоятельствами, которыя въ свою очередь были созданы теоретическими увлеченіями реформаторской эпохи, онъ, этотъ кодексъ, быстро вошелъ въ жизнь, проникъ собою почти всѣ стороны гражданскаго строя и выразился въ немъ, прежде всего, союзомъ плутократіи съ бюрократіей, затѣмъ измѣной со стороны многихъ представителей бюрократической среды интересамъ государственной службы и разнаго рода пособничествомъ плутократіи, или даже прямо дезертирствомъ на ея службу изъ-за громадныхъ, непосильныхъ для государства окладовъ вознагражденія, премій и иныхъ пріемовъ дѣловаго гонорара.

Далѣе обозначилось торжественное шествіе союзниковъ на подкопы подъ народное благосостоя-

ограничивалась немногочисленными статьями внутренней торговли, главнѣйшее значеніе между которыми имѣлъ хлѣбъ, да предметами роскоши и моды, доставлявшимися въ весьма незначительномъ количествѣ изъ-за границы.

Печать—въ нынѣшнемъ ея значеніи—не существовала, оправдывая тѣмъ извѣстное положеніе, что она есть *выраженіе общества*, ибо и общества, въ его теперешнемъ смыслѣ, тоже не было, какъ не было и общественной жизни: она распадалась на извѣстное число сословныхъ существованій, раздѣленныхъ различными преданіями и интересами, иногда другъ другу противорѣчившими и даже враждебно между собою сталкивавшимися—явленіе, настолько укоренившееся въ русской жизни, что оно и доселѣ сказывается, во всѣхъ разносоставныхъ общественныхъ учрежденіяхъ, отсутствіемъ общности побужденій и цѣлей, преобладаніемъ частныхъ, даже личныхъ интересовъ надъ несомнѣнными, настоятельными, иногда вопіющими требованіями общаго блага.

Что касается общаго тона жизни, онъ слагался изъ отношеній между дворянскою альфой и крестьянскою омегой Русской Державы, и промежь этихъ двухъ коренныхъ ея сословій только какъ бы мелькали и чиновничество, и духовенство, и купечество, и мѣщанство, ютившіяся въ городахъ, запечатлѣнныхъ тою же деревенской неподвижностью жизни, неповоротливостью мысли, отсутствіемъ дѣятельности, какія владѣли и всею страной подъ отечески-суровою рукой императора Николая.

Выше мы указали непосредственно обнаружившіеся практическіе результаты великой крестьянской реформы: вмѣсто строго опредѣленнаго, правильно установленнаго и крѣпко блюдомаго властью общественнаго строя явилось состояніе, которое принято называть *переходнымъ*.

Вмѣсто привычнаго, сѣраго, будничнаго труда для освобожденнаго крестьянства настала пора лихорадочной стремительности къ улучшенію своего *матеріальнаго* быта, къ удовлетворенію вкусовъ, дотолѣ забитыхъ суровою долей, въ которой оно прозябало, прихотей, ранѣе представлявшихся недоступными.

Для дворянства, наоборотъ, пробилъ часъ перелома всѣхъ установленныхъ традиціями условій его существованія, наступилъ экономическій кризисъ, въ ближайшемъ будущемъ грозившій матеріальными лишеніями, а во избѣжаніе ихъ требовавшій личной изобрѣтательности по изысканію средствъ, способныхъ содѣйствовать удержанію матеріальнаго благосостоянія на прежней высотѣ.

Указали мы и на то, что оба сословія не проявили ни надлежащей сдержанности въ этихъ стремленіяхъ, ни благоразумія въ изысканіи этихъ средствъ: какъ крестьяне, такъ и помѣщики кидались на то, что было имъ доступнѣе, стояло къ нимъ ближе, давало скорую возможность хотя временно извернуться въ затруднительномъ положеніи, не помышляя о завтрашнемъ днѣ, который неминуемо окажется еще затруднительнѣе.

А такъ какъ въ чудодѣйственномъ круговоротѣ безконечно разнообразныхъ обстоятельствъ и со-

ніяхъ, отозвался на эти указанія замѣчаніемъ, что въ то время, когда эти учрежденія задумывались и проектировались, было не до того, чтобы всматриваться во всѣ подробности проектовъ, ибо главныя заботы дѣятелей, трудившихся надъ этими проектами, направлялись не къ тому, чтобы выработать ихъ въ форму наиболѣе совершенную, а лишь къ тому, будто бы, что бы «вырвать согласіе Верховной Власти» на ихъ практическое осуществленіе, какъ будто Верховная Власть смотрѣла на нихъ непріязненно и не сама стремилась къ ихъ введенію въ преобразованную жизнь народа, а лишь допускала оное какъ неизбѣжную уступку чьимъ-то требованіямъ.

Оставляя вопросъ о достовѣрности или апокрифичности помянутой фразы, какъ не имѣющій особой важности, и допуская даже ея подлинность, нельзя не усумниться въ ея правдивости по существу, ибо приписывать Верховной Власти, добрымъ изволеніемъ своимъ освободившей крестьянъ, нежеланіе дальнѣйшихъ преобразованій, необходимо обусловленныхъ крестьянскою реформой и изъ нея проистекавшихъ, и намѣреніе остановиться въ только что начатомъ пути и оставить въ самомъ неопредѣленномъ положеніи весь гражданскій строй государства—было бы противно не только справедливости, но и здравому смыслу.

Самоуправленіе, дарованное вмѣстѣ съ личною свободой освобожденнымъ отъ рабства крестьянскимъ обществамъ, и по требованію справедливости, и по закону государственной гармоніи не могло оставаться привиллегіей одного крестьян-

ства, ибо городскіе обыватели и сословія, и по условіямъ своего быта, и по размѣрамъ платимыхъ ими повинностей, и по своему соціальному положенію имѣли не менѣе, а гораздо болѣе, чѣмъ крестьяне, правъ на него: отсюда сама собою проистекала необходимость распространить удобства самоуправленія и на городскія населенія.

Неменьшія права на него имѣла и вся совокупность населеній того или другаго уѣзда или губерніи: отсюда проистекла необходимость земскихъ учрежденій.

Далѣе, введеніе въ гражданскую жизнь десятковъ милліоновъ безправныхъ дотолѣ рабовъ и предоставленіе имъ всего разнообразія практическихъ профессій и юридическихъ отношеній не могло не поставить на очередь и вопроса объ учрежденіяхъ, регулирующихъ эти отношенія и обезпечивающихъ эти профессіи—а за неспособностью существовавшихъ дотолѣ судебныхъ учрежденій, погрязшихъ въ крючкотворствѣ, ябедничествѣ и взяточничествѣ, къ воспринятію на себя столь высокой и трудной задачи—и вопроса о реформѣ судебной.

Такимъ образомъ крестьянская реформа являлась главнѣйшимъ и первымъ, но только однимъ звеномъ въ длинной цѣпи преобразованій, которая долженствовала плотно охватить весь устарѣвшій и обветшалый, пережившій себя строй нашей гражданской и общественной жизни, безъ того грозившій разсыпаться если не сразу, то по частямъ, и въ своемъ разрушеніи погребсти подъ своими развалинами и тѣ благіе плоды, какіе могли произойти для народа

давая заложенныя выкупныя бумаги для полученія разницы, сбывая за безцѣнокъ сначала лѣса, потомъ остальныя земельныя угодья, далѣе земли, занятыя нѣкогда лѣсами, наконецъ недвижимыя имущества въ сельскихъ усадьбахъ, городахъ и столицахъ.

Около дворянства сплотился особый кружокъ эксплоататоровъ, пополняемый частію наиболѣе нажившимися представителями крестьянскаго ростовщичества, частію городскимъ зажиточнымъ купечествомъ, частію даже еврейскими гешефтмахерами. Когда же, наконецъ, указанная наклонная плоскость разоренья значительною частью мелкаго и средняго достатка помѣщиковъ была пройдена, и съ нихъ уже нечего было взять самому изобрѣтательному эксплоататору — для остальной части дворянства, по какимъ-либо случайнымъ счастливымъ обстоятельствамъ уцѣлѣвшей отъ разоренія, биржевая плутократія поставила хитро придуманную, хотя по внѣшнимъ признакамъ и совершенно невинную ловушку, повѣсила надъ этой ловушкой, съ разрѣшенія правительства, вывѣску: *земельный банкъ*, и не прошло десятка лѣтъ, какъ въ этой ловушкѣ крѣпко захлопнута была вся остальная, наиболѣе зажиточная часть помѣщичьяго дворянства, съ высшею даже земельною аристократіей во главѣ, ибо если находились граждански-мужественные люди, брезговавшіе темными ростовщиками и боявшіеся ихъ, предпочитавшіе терпѣть нужду и лишенія, лишь бы не одолжаться ихъ денежными услугами, то золотая вывѣска *земельнаго банка*, да еще разрѣшеннаго правительствомъ, устраняла

Въ своемъ мѣстѣ и въ свое время мы укажемъ на эти отрицательные результаты двухъ важнѣйшихъ послѣ крестьянской реформъ прошедшаго царствованія, теперь же долгомъ совѣсти считаемъ заявить откровенно наше личное мнѣніе: и та и другая не удались преимущественно оттого, что первая, т. е. преобразованіе земскаго, городскаго и сословнаго управленія, совершилась безъ надлежащаго соображенія съ практическими обстоятельствами, условіями и нравственнымъ и умственнымъ состояніемъ той обширной и разнообразной среды, которой она непосредственно касалась, а вторая, т. е. преобразованіе правосудія, осуществилась не столько на основаніи соображеній съ духомъ и характеромъ народа, а равно съ практическими и даже топографическими условіями и особенностями его быта, сколько въ подражаніе готовымъ, совершенно чуждымъ нашей жизни образцамъ, и притомъ образцамъ, которые приняты за совершенство лишь нашими теоретическими мыслителями, а на практикѣ, въ мѣстахъ, откуда они заимствовались, далеко не пользуются престижемъ безупречнаго совершенства, а нѣкоторыми своими подробностями возбуждаютъ даже небезосновательное недовольство.

Что касается судебной реформы, относительно ея мы въ настоящей главѣ этимъ общимъ замѣчаніемъ и ограничимся, имѣя въ виду посвятить ей особую главу; относительно же земскаго, городскаго и сословнаго управленія считаемъ необходимымъ высказаться съ надлежащею обстоятельностью.

Ни въ чемъ съ такою очевидностью не выразились возвышенный идеализмъ благодушнаго реформатора Россіи, его благородное довѣріе къ своему народу, его безграничная преданность принципамъ нравственной свободы, какъ въ учрежденіяхъ крестьянскаго, земскаго, городскаго и сословнаго самоуправленія. Всѣ законоположенія, коими опредѣлялся его практическій распорядокъ въ своихъ подробностяхъ, составлялись какъ бы людьми *не отъ міра сего,* и притомъ въ руководство людей также не отъ міра сего: главнѣйшими гарантіями разнообразныхъ типовъ самоуправленія эти законоположенія признали *разумъ* и *совѣсть* самихъ управляющихся общественныхъ и сословныхъ группъ, руководящимъ началомъ ихъ дѣятельности зиждущееся на этихъ *собирательныхъ* разумѣ и совѣсти право свободнаго *избранія* тружениковъ общаго блага на общественныя должности, а внѣшнимъ регуляторомъ правильности ихъ дѣйствій на этихъ общественныхъ должностяхъ—гласность, предоставленную большинству общественныхъ собраній въ самоуправляющихся группахъ. Въ свое время всѣ эти либеральные устои новаго земскаго, городскаго и сословнаго быта, утвержденные зодчими, не столько знавшими человѣческую природу, сколько вѣрившими въ нее и ея воображаемыя достоинства, были привѣтствованы восторженными гимнами либеральныхъ теоретиковъ, какъ новыя начала, долженствующія преобразить нашу родину въ землю, кипящую млекомъ и медомъ.

Къ сожалѣнію, эти либеральные теоретики не сообразили того же самаго, чего не приняли въ

разсчетъ и сами преобразователи: что въ этомъ мірѣ несовершенствъ на каждую кадку меда всегда находится ложка дегтя, которой, притомъ, оказывается вполнѣ достаточно, чтобы испортить весь медъ, и что поэтому задача истинной человѣческой мудрости заключается: 1) въ томъ, чтобы предусмотрѣть роковую ложку дегтя; 2) локализировать ея вліяніе и парализировать ея дѣйствіе для сохраненія, въ возможно не поврежденномъ состояніи, всей кадки съ медомъ.

Въ медовой кадкѣ нашего самоуправленія этою ложкою дегтя, и дегтя весьма неблагоуханнаго, явились: 1) невѣжество массы населенія относительно высокихъ цѣлей, для достиженія коихъ самоуправленіе было даровано ему Верховною Властію; 2) слабость, а всего чаще и полное отсутствіе въ умахъ населенія идеи общаго блага и чувства гражданскаго долга; 3) преобладаніе въ массѣ надъ этими идеею и чувствомъ узкихъ интересовъ эгоистической личной, или, въ лучшемъ случаѣ, частной сословной пользы, и 4) непривычка населеній къ распорядкамъ самоуправленія, объясняемая почти двухсотлѣтнею, по временамъ весьма крутою, административною, полицейскою и помѣщичьею опекой, цѣлые ряды поколѣній воспитывавшей въ однихъ лишь принципахъ подчиненія приказаніямъ начальства или господина и въ полномъ отрицаніи самостоятельности и иниціативы.

И вотъ, съ такими-то сильными тормазами должна была, по мысли реформаторовъ, тронуться по пути соціальнаго и экономическаго прогресса громоздкая колесница нашего самоуправленія,

установленная на хрупкія либеральныя рессоры, спереди имѣя два ненадежныхъ колеса въ видѣ коллективныхъ разума и совѣсти, а сзади два еще менѣе надежныхъ, въ видѣ избирательнаго права и гласности. Можно ли удивляться тому, что она за четверть вѣка не только далеко не уѣхала, но еще сбилась съ прямой дороги, застряла въ грязномъ оврагѣ, два переднія колеса потеряла, а заднія привела въ состояніе совершенно непригодное? Не естественнѣе ли было бы удивляться, еслибъ она, наоборотъ, болѣе или менѣе успѣшно подвигалась по прямому пути, и предваряемая и сопровождаемая такими могущественными препятствіями, какъ тѣ, на кои мы указали?

Есть ли, въ самомъ дѣлѣ, основаніе разсчитывать на быстрый и серьезный успѣхъ земской дѣятельности, когда большинство избирателей не только не спѣшитъ ни заявлять своихъ избирательныхъ правъ, ни пользоваться ими, а зачастую еще открещивается отъ нихъ, какъ отъ лишней заботы? когда большинство даже *гласныхъ*, удостоенныхъ нравственнымъ довѣріемъ своихъ самоуправляющихся обществъ, и обязанныхъ долгомъ присяги къ достодолжному исполненію добровольно принятыхъ гражданскихъ обязанностей, не проявляютъ съ своей стороны даже самой дешевой энергіи не только къ тому, чтобы ознакомиться съ законоположеніями, опредѣляющими ихъ дѣятельность, съ сущностью своихъ правъ и обязанностей, съ содержаніемъ и характеромъ тѣхъ или другихъ подлежащихъ обсужденію и рѣшенію вопросовъ общаго блага, но и къ тому, чтобы аккуратно посѣщать свои обще-

ственныя собранія, и явившись на оныя, по долгу совѣсти трудиться надъ изученіемъ, обсужденіемъ, рѣшеніемъ предлагаемыхъ ихъ разсмотрѣнію дѣлъ, которыя, за ихъ равнодушіемъ и апатіей къ своимъ обязанностямъ, должны по необходимости откладываться, затягиваться и тѣмъ причинять неизбѣжный ущербъ общественнымъ, а слѣдовательно и государственнымъ, и общенароднымъ интересамъ?

Тѣмъ болѣе есть ли основаніе надѣяться на самоуправленіе въ виду того, что, при суммѣ вышеизложенныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, ему постоянно грозятъ пронырливыя домогательства то частныхъ сословныхъ интересовъ, то, еще даже горше, личныхъ эгоистическихъ разсчетовъ, представители которыхъ, пользуясь просторомъ, открываемымъ для ихъ поползновеній на общее благо въ силу общественной апатіи къ дѣятельности самоуправленія, безъ особаго труда и хлопотъ заполняютъ собою всѣ его сферы, пробиваются, сквозь равнодушіе общественныхъ дѣятелей, къ самому его кормилу и безпрепятственно направляютъ его, помимо цѣлей законности, общественнаго права и общаго блага, къ достиженію личныхъ цѣлей корысти или честолюбія, то есть цѣлей прямо противоположныхъ интересамъ блага общественнаго?

А сіи послѣдніе, въ связи съ самоуправленіемъ и въ зависимости отъ него, сколь разнообразны, столь же и существенны, и можно сказать безъ преувеличенія, что все и матеріальное, и умственное, и моральное благосостояніе страны ввѣрено самоуправленію: и пути сообщенія, и народное

врачеваніе, и элементарное образованіе городскихъ и сельскихъ населеній, и податное обложеніе городскихъ и сельскихъ обывателей, и ихъ экономическое состояніе и преуспѣяніе, и общественное призрѣніе неспособныхъ къ труду, и торговля и промыслы, и даже правосудіе какъ сельскихъ, такъ и городскихъ жителей — что сполна, что частію, что слегка, но — зависятъ и въ своемъ бытіи, и въ своемъ качественномъ и количественномъ состояніи отъ самоуправленія, представляемаго въ столицахъ, губернскихъ и уѣздныхъ городахъ думами, городскими управами и сословными управленіями, въ сельскихъ мѣстностяхъ наибольшей половины Европейской Россіи — земскими собраніями и управами.

И вотъ, изъ сопоставленія этой массы вопіющихъ общенародныхъ интересовъ, покоящихся въ лонѣ самоуправленія, съ тою глубиною равнодушія, какое доселѣ проявляютъ населенія къ его дѣятельности, и обнаруживается если не его мертворожденность, какъ многіе тщатся доказать, то во всякомъ случаѣ его недоношенность, а въ его реальной постановкѣ — непрактичность.

Въ разнообразной до безконечности сферѣ практической жизни бываютъ положенія, существуютъ распорядки, встрѣчаются учрежденія, или сами себя пережившія, т. е. переставшія быть нужными и полезными для населенія, или прямо для него стѣснительныя и тягостныя по несоразмѣрности приносимой ими пользы ни съ ихъ стоимостью, ни съ суммою налагаемыхъ ими на населеніе стѣсненій: уничтоженіе или преобразова-

ніе такихъ положеній, распорядковъ, учрежденій всегда встрѣчается населеніемъ, не смотря на его прославленныя косность, невѣжество и апатію, сочувственно и сопровождается его повседневной благодарностью и благословеніями. За примѣрами ходить недалеко: не говоря уже о крестьянской реформѣ, извѣстно, какъ народъ принялъ преобразованіе воинской повинности; нѣтъ сомнѣнія, что онъ съ благодарностью встрѣтитъ цѣлые десятки лѣтъ ускользающую отъ осуществленія реформу никого ни отъ чего не гарантирующей паспортной системы, или, напримѣръ, въ столицахъ тоже никого ни отъ чего не обезпечивающей полицейской прописки видовъ, подобно тому какъ встрѣтило столичное простонародье отмѣну бумажно-канцелярской волокиты по выправкѣ такъ называемыхъ адресныхъ билетовъ, *raison d'être* которыхъ и состоялъ-то всего только въ уплатѣ рублеваго больничнаго налога, при чемъ уплата эта связывалась съ потерею наличными расходами и прогуломъ рабочаго времени на сумму большую этой, или уже никакъ не меньшую.

Съ другой стороны, бываютъ положенія, для населеній столь невыносимыя, что для избавленія отъ нихъ встрѣчается надобность въ созданіи новыхъ учрежденій, хотя бы и связанныхъ съ лишнимъ матеріальнымъ отягощеніемъ народа, и всѣ такія учрежденія, не смотря на связанный съ ихъ существованіемъ небывалый прежде расходъ, населенія принимаютъ съ тѣмъ же сочувствіемъ и благодарностью. Извѣстно, какъ народъ отнесся къ новосозданному институту сельскихъ уряд-

никовъ, предугадывая въ его учрежденіи, сквозь временную и случайную недоброкачественность его личнаго состава, первый шагъ къ водворенію расшатаннаго въ сельскихъ мѣстностяхъ порядка; извѣстно, какъ благомыслящее большинство населеній отнеслось къ учрежденному въ концѣ минувшаго царствованія, подъ тягостнымъ давленіемъ политическаго террора, положенію усиленной охраны, и въ частности мы, москвичи, помнимъ всеобщее радостное изумленіе жителей по поводу глухихъ переулковъ, сразу сдѣлавшихся безопасно проходимыми и темною ночью, какъ днемъ, и по поводу очищенія улицъ и площадей въ вечернее время отъ шаекъ праздношатающейся гулящей сволочи, хотя эта усиленная охрана и обошлась одному городу Москвѣ, и продолжаетъ обходиться въ нѣсколько лишнихъ милліоновъ руб. ежегоднаго расхода.

Наконецъ, администрація Нижегородской ярмарки за послѣдніе годы въ высшей степени успѣшно соперничаетъ на поприщѣ правосудія съ судебно-мировымъ институтомъ посредствомъ учреждаемаго ею на ярмарочное время полицейскаго суда: нужно видѣть, какою толпой, за этотъ почти 2-мѣсячный сезонъ, ломятся ярмарочные гости въ этотъ временный пріютъ Ѳемиды, и какое запустѣніе, параллельно съ этимъ оживленіемъ въ судѣ полицейскомъ, царитъ за все это время въ камерахъ мироваго суда, чтобъ убѣдиться, что населенія наши отнюдь не апатичны и не равнодушны къ тому, что прямо задѣваетъ ихъ интересы, и не замедляютъ въ своемъ сочувствіи тѣмъ учрежденіямъ и мѣро-

пріятіямъ, кои, въ ихъ глазахъ и понятіяхъ, не противорѣчатъ имъ, а ихъ обезпечиваютъ, хотя бы даже такими учрежденіями и мѣропріятіями нарушалось обычное теченіе повседневной жизни и съуживались общепризнанныя прерогативы гражданской свободы частныхъ лицъ.

На той же Нижегородской ярмаркѣ, гдѣ полицейскій судъ временно упраздняетъ утонувшую въ канцелярщинѣ, неповоротливую Ѳемиду общихъ судебно-мировыхъ учрежденій, администрація, по соображеніямъ исключительнаго положенія, возстановляетъ римскую цензуру нравовъ, воскрешая суровыхъ ликторовъ съ ихъ розгами, и населеніе съ признательностью изъ устъ въ уста передаетъ о совершающихся изрѣдка фактахъ болѣе или менѣе чувствительнаго тѣлеснаго наказанія, которому эта цензура подвергаетъ гражданъ, отличившихся особеннымъ неуваженіемъ къ требованіямъ благочинія, порядка и законности.

Короче сказать — народъ, какъ и всякій живой организмъ, не можетъ не быть чувствителенъ къ тѣмъ или другимъ на него вліяніямъ и не относиться къ благопріятнымъ изъ нихъ — сочувственно, къ неблагопріятнымъ для него — непріязненно, и съ этой точки зрѣнія весьма поучительно его *отношеніе* къ самоуправленію во всѣхъ его видахъ и развѣтвленіяхъ, отношеніе, сказывающееся чаще всего непобѣдимымъ *равнодушіемъ* и *безучастностью*, иногда добродушною *насмѣшливостью*, а изрѣдка даже и злымъ *сарказмомъ*, и еще поучительнѣе *постоянство* такого отношенія, продолжающагося безъ измѣненій ровно четверть вѣка.

И ни близкое соприкосновеніе сферъ самоуправленія съ различными сферами населенія, ни полная зависимость отъ него разнообразныхъ народныхъ нуждъ и интересовъ, ни изрѣдка встрѣчающіеся примѣры образцовой его дѣятельности на пользу населенія — не могли ни побороть этого равнодушія, ни измѣнить этого неблагопріятнаго воззрѣнія: отчего бы это? отчего бы это избирательнымъ собраніямъ и земскихъ учрежденій, и городскихъ, даже столичныхъ думъ, и сословныхъ, даже столичныхъ обществъ — изображать собою и теперь ту же пустыню, какую они представляли въ первые дни нашего самоуправленія? Отчего бы засѣданіямъ земскихъ собраній, городскихъ и даже столичныхъ думъ и сословныхъ обществъ и теперь, также какъ четверть вѣка назадъ, страдать тѣмъ же дефицитомъ гласныхъ, который вынуждаетъ таскать ихъ чуть не за полы и не подъ конвоемъ на обсужденіе вопросовъ общаго *интереса?*

Интересъ во всѣ времена и во всѣхъ положеніяхъ великое слово и дѣло: когда два, три и т. д. торговыхъ или промышленныхъ труженика приходятъ къ убѣжденію, что соединенными силами они могутъ достигать лучшихъ результатовъ, нежели по одиночкѣ, они *естественнымъ* путемъ, безъ какихъ-либо съ чьей бы то ни было стороны принужденій и рекомендацій, образуютъ изъ себя товарищество; что такіе *естественные* торговые и рабочіе союзы дѣло и умное, и полезное, и народу понятное, любимое имъ и среди него популярное — это блистательно подтверждается какъ многочисленностью среди него всевозмож-

ныхъ артелей, такъ и по истинѣ изумительною порядочностью и добросовѣстностью, коими славятся всѣ эти учрежденія и въ разсужденіи взаимныхъ между ихъ членами отношеній, и въ разсужденіи ихъ дѣловыхъ отношеній съ своими кліентами.... Но это прекрасное практическое учрежденіе могло ли бы являться таковымъ, когда бы оно организовалось *насильственно* или *искусственно,* когда бы, напримѣръ, каждому торговцу и промышленнику ставилось въ обязанность торговать и промышлять *только* въ составѣ какой-либо артели, или вступленіе въ артели поощрялось бы какими-нибудь искусственными мѣрами? Едвали; всего вѣроятнѣе въ этомъ случаѣ была бы полнѣйшая деморализація артелей и паденіе артельнаго начала въ торговлѣ и промышленности.

А между тѣмъ всѣ притоны нашихъ самоуправленій такъ именно и явились на свѣтъ насильственно организованными, вызванными къ бытію одной теоріей, совершенно готовыми на подобіе гоголевскаго Акакія Акакіевича, который, по мнѣнію своихъ сослуживцевъ, такъ и родился на свѣтъ совершенно готовымъ, въ вицмундирѣ и съ лысиной на головѣ, или, еще лучше, на подобіе большинства европейскихъ политическихъ конституцій, навязанныхъ народамъ и народцамъ не спросясь ихъ надобностей и желаній, преимущественно по требованіямъ политической моды, навѣянной теоретическими ученіями нѣсколькихъ утопистовъ, или, наконецъ, на подобіе многихъ положеній и статей нашего же свода законовъ, не истекшихъ ни изъ основы народныхъ воз-

зрѣній и обычаевъ, ни изъ практики повседневнаго народнаго быта, навязанныхъ народу единственно по милости составителей свода, и большею частію просто выписанныхъ изъ чуждыхъ намъ законодательствъ, а потому и остающихся доселѣ мертвою буквой вопреки обоимъ золотымъ правиламъ: что всуе законы писать, ежели оные не исполнять, и что незнаніемъ законовъ оправдываться нельзя.

Появленіе этого новаго, непрошеннаго народомъ, чуждаго его понятіямъ и привычкамъ парламентарнаго законодательства сельскихъ и городскихъ конституцій, особенно чуть не на другой день по освобожденіи рабовъ съ пожалованіемъ имъ правъ свободнаго гражданства, для безпристрастнаго наблюдателя носитъ характеръ просто даже комичный: не успѣли десятки милліоновъ безправныхъ существъ вольно вздохнуть, не успѣли надышаться опьяняющимъ воздухомъ личной свободы, какъ правительство опрокидываетъ на ихъ головы, а вмѣстѣ и на головы недалеко въ соціальномъ отношеніи опередившихъ ихъ горожанъ, громоздкую тяжесть свободы общественной, въ видѣ права самопроизвольно вѣдать свое общее хозяйство, свои средства и доходы, свои нужды и потребности матеріальныя и интеллектуальныя, и даже чинить судъ и расправу, само устраняясь отъ всякаго почти вмѣшательства въ ихъ по всѣмъ этимъ сторонамъ жизни дѣятельность и оставляя за собою лишь право скорѣе платоническаго, нежели дѣйственнаго верховнаго за нею надзора!

Единственное оружіе, которымъ оно при этомъ благословило свободныхъ гражданъ на свободную

общественную дѣятельность — были избирательныя права, пользуясь которыми *разумно* и *добросовѣстно,* граждане и долженствовали постоянно сами себѣ обезпечивать безостановочное, безпрепятственное и безпечальное теченіе общественной жизни.

Такимъ образомъ вся философія самоуправленія сводилась, въ сущности, къ одной лишь удачѣ выборовъ: посчастливилось той или другой земской, городской или сословной избирательной группѣ не ошибиться въ *выборѣ* дѣльцовъ, и слава Богу — дѣла могутъ идти болѣе или менѣе успѣшно, а ошибки въ ихъ веденіи ограничиваться случайностями и оплошностями. *Неудаченъ* выборъ, т. е. дѣльцы оказались или малоспособными, или недобросовѣстными — и дѣла останавливаются въ своемъ теченіи или же принимаютъ невѣрное и невыгодное направленіе, а въ послѣднемъ случаѣ и намѣренно направляются не къ общественнымъ пользамъ и истиннымъ цѣлямъ самоуправленія, а къ эгоистическимъ выгодамъ недобросовѣстныхъ дѣльцовъ, хотя бы цѣною общественнаго разоренія.

И если кто-либо изъ отдѣльныхъ гражданъ той или другой избирательной группы, во-время замѣтивъ это незаконное и гибельное направленіе общественныхъ дѣлъ, вооружился бы гражданскимъ долгомъ и поспѣшилъ съ энергическими мѣрами предупрежденія, его энергія вся неминуемо пропала бы даромъ: коллективные разумъ и совѣсть общественныхъ собраній, какъ учитъ 25-лѣтній опытъ, оказываются въ такихъ случаяхъ — первый черезъ чуръ близорукимъ,

вторая — неразборчивой, и оба крайне неповоротливыми, а помимо безплоднаго обращенія къ нимъ не существуетъ и вовсе никакихъ средствъ къ исполненію подобнаго гражданскаго долга, ибо обращеніе къ администраціи оказалось бы праднымъ, за неимѣніемъ и въ ея рукахъ сколько-нибудь дѣйствительныхъ и быстрыхъ средствъ къ охраненію самоуправляющагося общества отъ грозящихъ ему злоключеній, обращеніе же къ общему правосудію можетъ имѣть смыслъ лишь въ томъ случаѣ, когда недобросовѣстные дѣльцы самоуправленія проворовываются до очевидной, вопіющей уголовщины, да и въ этомъ исключительномъ случаѣ уголовщина накрываетъ ихъ не иначе, какъ съ согласія всей избирательной группы, призвавшей ихъ къ дѣятельности.

Безъ этого условія самый распущенный нерадивецъ общаго блага, самый безсовѣстный обманщикъ общественнаго довѣрія, самый отъявленный врагъ общественнаго интереса не могутъ быть даже и преданы въ руки правосудія.

Различныя области нашего самоуправленія и столичнаго, и городскаго, и сословнаго, и земскаго, и крестьянскаго за все 25-лѣтіе ихъ существованія на каждомъ шагу даютъ поразительные факты и нерадѣнія объ общественныхъ интересахъ, и злоупотребленія ими для личныхъ цѣлей, и прямаго расхищенія общаго достоянія личною корыстью его выборныхъ распорядителей и приставниковъ — факты несомнѣнные, неопровержимые, безспорные. Между тѣмъ не было почти случаевъ, когда бы виновники ихъ были своевременно остановлены и пре-

даны правосудію, а когда даже и это случалось — или выходили сухими изъ воды, или испытывали пріятную судьбу крыловскихъ медвѣдя и щуки, тогда какъ, одновременно съ тѣмъ, отъ общественныхъ интересовъ и достоянія оставались или одни пустые сундуки (что еще милость Божія!), или (что, конечно, много хуже), рядомъ съ этими сундуками, громадныя цифры общественныхъ долговъ. Не говоримъ уже о томъ, что въ этихъ случаяхъ, конечно, всего хуже: это—постепенное растлѣніе населеній ядомъ деморализаціи, который, гибельно разливаясь въ общественномъ сознаніи, воспитываетъ въ немъ пагубную, но твердую мысль о безнаказанности самыхъ вопіющихъ злоупотребленій, если они касаются области самоуправленія.

Факты такого рода съ первыхъ же дней самоуправленія заявляются ежедневно на всѣхъ перекресткахъ, глядятъ изъ каждаго нумера любой газеты, и всему нашему земскому, крестьянскому, городскому и сословному парламентаризму сообщаютъ въ высшей степени непривлекательную окраску, характеръ коей выражается *безконтрольностью, безотвѣтственностью* и *безнаказанностью,* оправдывая такимъ образомъ настойчивое, упорное къ нему равнодушіе и нерасположеніе населеній, и въ свою очередь привлекая къ нему въ особомъ изобиліи людей безъ прочныхъ общественныхъ принциповъ, но съ опредѣленными цѣлями личнаго эгоизма или честолюбія, спекулянтовъ на общественное довѣріе, а затѣмъ и достояніе—спекулянтовъ, недостойную алчность или честолюбивыя вожделѣнія прикрывающихъ лицемѣрнымъ безкорыстіемъ и фарисейскою заботливостью о благѣ общественномъ.

Подъ тлетворнымъ воздѣйствіемъ этого гражданскаго отребья наши самоуправляющіеся конституціонные парламенты превратились въ безцѣльныя и безсмысленныя говорильни, лишенныя всякаго практическаго вліянія на подлежащія ихъ вѣдѣнію, надзору, обсужденію и рѣшенію дѣла и въ большинствѣ случаевъ замѣненныя прежней канцелярщиной; честные общественные дѣятели вынуждены уступить свое мѣсто *общественнымъ аферистамъ;* общественный разумъ не возвышается до единодушной борьбы съ послѣдними, ограничиваясь безсильными единичными протестами; общественная совѣсть дремлетъ, убаюкиваемая ихъ льстивыми обѣщаніями да дешевымъ ораторскимъ краснобайствомъ, а они, эти незаконныя дѣти избирательныхъ ошибокъ, обязанные своими успѣхами въ крестьянскомъ, земскомъ и городскомъ парламентаризмѣ прискорбнымъ теоретическимъ промахамъ земскаго и городоваго законодательства, отнюдь не признавая своего положенія прочнымъ, торопятся, пока не отстранены отъ дѣловыхъ сферъ самоуправленія, наверстать возможныя неудобства этого послѣдняго случая заблаговременно, путемъ самыхъ неразборчивыхъ аферъ за счетъ общественнаго довѣрія и самыхъ незастѣнчивыхъ плагіатовъ общественнаго достоянія.

Вся совокупность этихъ обстоятельствъ способна лишь окончательно подорвать и безъ того невысокій общественный кредитъ, какимъ наше самоуправленіе располагаетъ, что несомнѣнно и послѣдуетъ, если правительство не поспѣшитъ вырвать его изъ рукъ той нравственно нечисто-

плотной и матеріально ненасытной клики, которая почти повсемѣстно успѣла овладѣть его кормиломъ. . . .

Достигнуть этого вовсе ужъ не такъ трудно, какъ думаютъ: если отъ трехъ неблаговидныхъ терминовъ, опредѣляющихъ теперешній характеръ самоуправленія, отнять отрицательные предлоги, поставивъ его подъ аппаратъ неумолимо безпристрастнаго контроля, а дѣятелей его поставить въ прочныя рамки строгой отвѣтственности и всякое выступленіе изъ этихъ рамокъ быстро карать чувствительными, хотя бы драконовскими наказаніями—для нашего самоуправленія было бы обезпечено возрожденіе къ новой жизни, ибо разбойникамъ самоуправства, мошенникамъ парламентаризма не осталось бы въ немъ дѣла, а ихъ пустыя мѣста не замедлили бы занять честная дѣловитость и общественная добросовѣстность. Тогда бы не замедлили измѣниться и воззрѣнія на него народа, который, наконецъ, быть можетъ и подарилъ бы ему свои симпатіи.

VI.

Практика самоуправленія.

Замѣчателенъ фактъ того однообразія, того, можно сказать, единодушія, съ какимъ всѣ безъ различія наши самоуправляющіяся общества и сословія (за исключеніемъ дворянскаго), въ своей практической дѣятельности, вотъ уже въ теченіе цѣлой четверти вѣка напрягаютъ свое усердіе

къ тому, чтобы всѣмъ направленіемъ и всѣми частными подробностями этой дѣятельности неопровержимо *доказать правительству*, что установленныя имъ формы самоуправленія вовсе не соотвѣтствуютъ ни потребностямъ общества и народа, ни идеѣ общаго блага, ни даже соображеніямъ общенародной гражданской нравственности.

О крестьянскомъ самоуправленіи съ этой точки зрѣнія нечего особенно и распространяться: сельскимъ обществамъ освобожденныхъ крестьянъ оно и не *даровано* было, а просто *предписано* Положеніями 19 февраля, какъ эквивалентъ упраздненной помѣщичьей власти, и притомъ такой, который не требовалъ отъ казны никакихъ затратъ на его осуществленіе. Само собою разумѣется, что вчерашніе рабы и не могли отнестись къ своему самоуправленію ни сколько-нибудь сознательно, ни разумно, ни дѣятельно: съ пассивною покорностью они приняли это право избранія для себя ближайшихъ управителей изъ своей среды, какъ лишнюю повинность, равно какъ и сами избираемые взирали на свой свободный общественный трудъ какъ на лишнее бремя, долженствующее оплачиваться, такъ или иначе, тѣмъ обществомъ, которое ставитъ ихъ на этотъ трудъ.

Съ своей стороны и низшая полицейская администрація, вѣдавшая крестьянскую среду, вообще равнодушная къ функціямъ ея самоуправленія, поставлена была въ непосредственныя отношенія къ его главарямъ, въ лицѣ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, на почвѣ исключительно фискальнаго интереса, и ихъ нравственныя и

практическія достоинства измѣряла единственно степенью аккуратности и исправности ихъ обществъ во взносѣ податей и уплатѣ недоимокъ. Какъ, за симъ, они дѣйствуютъ въ другихъ сферахъ крестьянскаго самоуправленія, заботливо ли относятся къ нуждамъ своихъ избирателей, оправдываютъ ли своею о нихъ попечительностью выразившееся ихъ избраніемъ общественное къ нимъ довѣріе, или же, напротивъ, возбуждаютъ противъ себя справедливое недовольство и ропотъ крестьянъ—до этого, собственно говоря, было мало дѣла и прежнимъ мировымъ посредникамъ, равно какъ и послѣдующимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ, а тѣмъ паче исправникамъ и становымъ съ урядниками.

Имѣя въ своихъ рукахъ привычныя и излюбленныя средства внушенія, въ видѣ дисциплинарныхъ взысканій и даже ареста, и дополняя ихъ, при случаѣ, собственноручною расправой, издавна практиковавшейся въ сношеніяхъ низшей администраціи съ простонародьемъ, земская полиція, конечно, не могла стѣснять себя въ употребленіи этихъ средствъ и по отношенію къ старшинамъ и старостамъ, когда эти послѣдніе своею дѣйствительною или невольною нерадивостью о казенномъ интересѣ ставили ее самое въ затруднительное положеніе предъ высшими начальственными инстанціями, возбуждая тѣмъ въ ней противъ себя если и не всегда справедливое, то вполнѣ естественное неудовольствіе и раздраженіе.

Это обстоятельство, въ связи съ непривычкой къ избирательной формѣ управленія, сразу

замѣнившей единоличную, патріархальную, безконтрольную и безаппелляціонную власть помѣщичью, естественно располагало лучшую, домовитѣйшую и наиболѣе добропорядочную часть крестьянства удаляться по возможности отъ личнаго участія въ самоуправленіи, облегчая тѣмъ самымъ доступъ къ нему людей, искавшихъ выборной службы не изъ платоническаго сочувствія къ общему благу, а изъ личныхъ цѣлей корысти, изъ стремленія къ ловлѣ рыбы въ мутной водѣ крестьянскаго невѣжества и простодушія.

При наличности этихъ двухъ условій и безъ того, по самой законодательной постановкѣ своей, довольно мутная вода крестьянскаго самоуправленія не замедлила обратиться въ грязную лужу, надъ которой распоряжались алчныя шайки рыболововъ въ лицѣ выборныхъ управителей, изъ среды коихъ, съ теченіемъ времени, и образовалось ядро теперешняго крестьянскаго кулачества, столь пышнымъ и ядовитымъ цвѣтомъ расцвѣтшаго за послѣдніе годы и почти заглушившаго собою добрые всходы, посѣянные на народной нивѣ освободительною рукой.

Само собою разумѣется, что благія намѣренія, руководившія учредителями крестьянскаго самоуправленія, такъ намѣреніями и остались, и крестьянская конституція дальше Положеній 19 февраля не пошла, а если и пошла, то въ отрицательномъ направленіи: волостные старшина и писарь являются самодержавными властителями волости, волостные сходы декораціями ихъ деспотическихъ рѣшеній, волостные суды съ ихъ обычнымъ правомъ организованною насмѣшкой надъ

правосудіемъ и энергическимъ подспорьемъ питейной торговли, а сельскіе старосты въ своихъ углахъ миніатюрными копіями волостныхъ старшинъ.

Вопіющее самоуправство, безконтрольность поборовъ и распоряженій, произволъ въ расходованіи мірскихъ суммъ, повсемѣстныя растраты ихъ или недочеты, всевозможныя злоупотребленія волостныхъ старшинъ и писарей—вотъ обычныя черты, повседневныя и повсемѣстныя явленія крестьянскаго самоуправленія, никакою своею стороной, кромѣ платежа податей и недоимокъ, никого непосредственно не интересующаго, никѣмъ обязательно не надзираемаго, никѣмъ тѣмъ болѣе не контролируемаго и ни предъ кѣмъ, кромѣ равнодушныхъ къ нему избирателей, не отвѣтственнаго.

Что мудренаго, если такое самоуправленіе не пользуется народными симпатіями, а его представители, хотя бы и выборные, и даже тѣмъ паче, что они выборные, въ народномъ сознаніи успѣшно соперничаютъ съ земскими ярыгами и ярыжками до-Петровской Руси, если титулъ волостнаго старшины, волостнаго писаря, сельскаго старосты и т. д., вмѣсто подобающаго ему почтенія, вызываетъ въ умахъ народа или добродушное презрѣніе, или простодушную зависть, и если сами обладатели этихъ титуловъ, смиренно сознавая отсутствіе къ нимъ народнаго благорасположенія и примиряясь съ несочувственнымъ къ себѣ отношеніемъ населеній, находятъ въ этомъ только лишнее побужденіе вознаграждать себя, за этотъ нравственный ущербъ, матеріальными выгодами, зиждущимися на притѣсненіяхъ,

обманахъ и разореніи того же простодушнаго народа?

Что касается земскаго самоуправленія, то чрезъ всю его 25-лѣтнюю исторію, по бѣлому фону земскихъ учрежденій черными, грязными пятнами проходятъ: 1) тупое равнодушіе массы населеній къ дѣятельности земствъ; 2) корыстолюбивыя вожделѣнія меньшинства ихъ относительно участія въ такъ называемомъ земскомъ пирогѣ, и 3) обусловливаемая этими же вожделѣніями борьба партій, знаменующая себя такими явленіями, которыя имѣютъ очень мало общаго съ понятіями о гражданской добросовѣстности, и очень близко подходятъ подъ различныя статьи уголовнаго кодекса.

Равнодушіе населеній къ различнымъ функціямъ земскаго самоуправленія простирается до размѣровъ истинно баснословныхъ, и примѣры, въ которыхъ оно выражалось, могли бы показаться совершенно невѣроятными, еслибы, къ прискорбію, не были занесены на историческія скрижали земскихъ учрежденій.

Кто бы, напримѣръ, могъ повѣрить скорбной повѣсти о такихъ земскихъ собраніяхъ, на которыхъ, по положенію о земскихъ учрежденіяхъ, предстояло избрать изъ цѣлой сотни крупныхъ землевладѣльцевъ 30 гласныхъ, а явилось изъ всей этой сотни лишь 27 человѣкъ, такъ что имъ и пришлось, безъ всякихъ избирательныхъ манипуляцій, объявить всѣхъ себя гласными, оставшись, впрочемъ, и послѣ того съ—3? А между тѣмъ, по свидѣтельству земскихъ лѣтописей, этотъ

случай имѣлъ мѣсто, въ 80-хъ, кажется, годахъ въ Петровскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи.

Въ исторіи Сердобскаго земства извѣстенъ случай, когда масса землевладѣльцевъ слишкомъ въ 250 чел. высылала на избирательное собраніе сначала по 45 избирателей, а потомъ ограничилась цифрой въ 27 человѣкъ.

Не менѣе любопытные эпизоды въ этомъ смыслѣ извѣстны изъ исторіи земствъ: Воронежскаго, гдѣ однажды земское собраніе вовсе не состоялось за дефицитомъ гласныхъ, и Херсонскаго, гдѣ былъ случай, что прибывшіе на губернское земское собраніе гласные, не дожидаясь окончанія сессіи, поразъѣхались, оставивъ всего 16 человѣкъ. Въ Казани одно земское собраніе привлекло на засѣданіе всего 20 гласныхъ, и притомъ столь ненадежныхъ, что изъ нихъ четверо не замедлили выбыть изъ засѣданія, оставивъ товарищей, по выраженію избирательнаго жаргона, *не въ числѣ*. Надежды земцевъ перенеслись на слѣдующій день, но оказались тщетными, такъ какъ и всего-то прибыло гласныхъ 12 чел., и собраніе такъ и не могло состояться.

Въ Вяткѣ былъ случай, живописующій крайнее *упорство* присяжныхъ представителей земскаго самоуправленія въ нерадѣніи о своихъ обязанностяхъ: на одно изъ земскихъ собраній гласные собирались въ теченіе цѣлой недѣли въ одномъ неизмѣнно-недостаточномъ, къ тому же несчастномъ числѣ 13 человѣкъ, и если этотъ скорбный листъ земскаго равнодушія къ своему самоуправленію дополнить комическимъ фактомъ, совершившимся въ Симферопольскомъ земствѣ,

гдѣ однажды былъ избранъ въ гласные земскаго собранія мертвецъ, давно покоившійся вѣчнымъ сномъ на мѣстномъ кладбищѣ—эскизъ для картины самоуправляющейся земской Руси будетъ набросанъ достаточно.

Для дальнѣйшей отдѣлки этой картины какъ въ общемъ, такъ и въ деталяхъ, богатый матеріалъ представляютъ лѣтописи внутренней жизни земствъ, изъ которыхъ мы узнаемъ факты еще болѣе предыдущихъ поразительные. Они свидѣтельствуютъ, что, за равнодушіемъ всего населенія къ земскому самоуправленію, и пользуясь этимъ равнодушіемъ, смѣтливое меньшинство его, бросившееся на арену земской дѣятельности ради цѣлей личной корысти, опрокинуло кверху дномъ не только идеальныя упованія, возлагавшіяся на самоуправленіе при введеніи въ дѣйствіе земскихъ учрежденій, но и самый смыслъ и букву послѣднихъ, не ограничивая, при томъ, своего произвола надъ земскимъ достояніемъ ни соображеніями приличія и порядочности, ни требованіями здраваго смысла, ни даже общими рамками законности.

Такъ напримѣръ, на первыхъ же дняхъ новосозданныхъ учрежденій обнаружились чудовищныя по своей патріархальности злоупотребленія земскимъ достояніемъ со стороны дѣятелей, ставшихъ къ нему болѣе или менѣе близко: то, напримѣръ, обнаружится, какъ это было, помнится, въ одной изъ сѣверныхъ губерній, что предсѣдатель земской управы пускаетъ въ свой торговый оборотъ содержимое земскаго сундука, наживая при этомъ барыши ко-

нечно не въ этотъ пустой сундукъ, а въ свои карманы, и рискуя, въ несчастномъ случаѣ, потерять въ своихъ неудачахъ и земское достояніе; а то, еще лучше, какъ это было въ Перекопскомъ земствѣ, одинъ изъ дѣльцовъ управы уличается въ томъ, что, намѣренно и безпричинно задерживая жалованье служащихъ, суммы, долженствовавшія быть розданными въ видѣ этого жалованья имъ же, пользуясь ихъ крайностью, ссужалъ заимообразно за высокіе %, удерживая, конечно, эти % въ свою, а не земскую пользу.

Красноуфимское земство, параллельно съ отказомъ въ средствахъ на школы, назначаетъ щедрую награду предсѣдателю и членамъ управы (первому въ 500 р., послѣднимъ по 200 р. каждому) за то только, что они исполнили постановленіе собранія о раздачѣ крестьянамъ ссуды изъ земскихъ средствъ.

Балашевское земство, параллельно съ щедрыми наградами предсѣдателю управы (1000 р.), канцелярскимъ управы (720 р.) и завѣдующему городскимъ (?) училищемъ (600 р.), обходитъ своимъ сердобольнымъ вниманіемъ всѣхъ сельскихъ учителей, т. е. тружениковъ на пользу земства, наиболѣе стѣсненныхъ въ средствахъ и нуждающихся и въ нравственномъ и въ матеріальномъ поощреніи. А Днѣпровское земство и еще лучше отличилось, пожертвовавъ изъ земскихъ денегъ 500 р. на покупку серебрянаго блюда для поднесенія альбома мѣстному предводителю дворянства, по случаю оставленія имъ этой должности!

Въ Яранскомъ земствѣ, при взиманіи 3-копѣечнаго сбора за каждый рецептъ съ лицъ, обра-

щающихся къ услугамъ земской медицины—при такой, слѣдовательно, скаредности въ денежныхъ разсчетахъ, земскіе дѣльцы являли чрезмѣрную щедрость по отношенію къ себѣ и своимъ, предоставляя земскія стипендіи въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ не иначе, какъ дѣтямъ должностныхъ и служилыхъ лицъ земства.

Новоузенское земство еще лучше щегольнуло въ этомъ направленіи, назначивъ предсѣдателю своей управы, въ пособіе на воспитаніе дѣтей, по 500 р. въ годъ, а одному изъ ея членовъ—на тотъ же предметъ по 600 р.

Находились земства, которыя обнаруживали нарочитое педагогическое рвеніе, ассигнуя земскія средства на основаніе гимназій, прогимназій и иныхъ учебныхъ заведеній, какъ разъ одновременно съ поднятіемъ педагогическихъ требованій въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ общаго типа: кому бы могло придти въ голову, что въ этихъ случаяхъ гг. земцы хлопочутъ не о насажденіи просвѣщенія въ районѣ своей дѣятельности, а объ удобствахъ своихъ ребятъ, которымъ не подъ силу пришлись новые порядки и программы общихъ учебныхъ заведеній?

А между тѣмъ въ Лохвицкомъ земствѣ обнаружилась именно эта подкладка земскаго педагогическаго усердія: между земцами проявилось даже разногласіе о томъ, для какого пола дѣтей учреждать прогимназію, мужскаго или женскаго, при чемъ, естественно, отцы семействъ, изобиловавшихъ мальчиками, отстаивали мужскую прогимназію, а ожесточенными пропагато-

рами женскаго просвѣщенія оказывались счастливые производители прелестнаго пола.

Вообще гг., успѣвшіе такъ или иначе, какъ говорится на дѣловомъ жаргонѣ, примазаться къ земскому сундуку или присосаться къ земскому пирогу, въ собственныхъ интересахъ озабочивались возможнымъ разнообразіемъ начинки, которая шла на приготовленіе этого лакомаго пирога. Чѣмъ разбросаннѣе предметы земскаго вѣдѣнія, чѣмъ разнообразнѣе предметы дѣловыхъ отношеній и земскихъ заботъ, тѣмъ удобнѣе для большинства земскихъ дѣльцовъ этого типа достиженіе намѣченныхъ ими цѣлей, на подобіе того, какъ кухаркѣ, нечистой на руку, чѣмъ въ большемъ количествѣ лавокъ придется побывать за провизіей, тѣмъ больше останется барыша изъ хозяйскихъ денегъ. Очевидно въ этихъ, затаенныхъ въ глубинѣ земско-дѣловой души, соображеніяхъ, иные земцы, перепробовавъ всевозможные сорта начинокъ для земскаго пирога, включая и педагогическую — додумались даже до строительной, какъ представляющей наибольшую широту и свободу дѣйствій—и ухлопали болѣе или менѣе прочно земскіе капиталы, и даже опутали земства тягостными долгами, устраивая для земскихъ управъ съ ихъ канцеляріями собственные дома въ малодоходныхъ губернскихъ и вовсе бездоходныхъ уѣздныхъ городахъ, а затѣмъ, за счетъ этихъ же самыхъ строительныхъ расходовъ, уже въ личную собственность пріобрѣтая земли и иныя недвижимыя собственности, обезпечивавшія болѣе или менѣе хорошій и вѣрный доходъ.

Кишмя кишащія этою тлей земскія самоуправленія не могли уже держаться и на высотѣ даже внѣшняго благоприличія и порядочности въ своихъ дѣйствіяхъ: скандалы, достойные частію грязныхъ трактировъ, частію мрачныхъ притоновъ невѣжества, ознаменовали публичную дѣятельность многихъ земскихъ собраній, и между прочимъ Хорольскаго, Чухломскаго, Котельническаго, Дмитріевскаго, Рыльскаго, Льговскаго, Белебеевскаго, Сарапульскаго, Аткарскаго и др.

Вотъ, напримѣръ, предсѣдатель Хорольскаго земскаго собранія, во чтобы то ни стало желающій выкинуть вонъ одного изъ гласныхъ, оказывающаго понятную неуступчивость такому желанію—и въ публичномъ засѣданіи представителей самоуправленія разыгрывается скандалъ чуть не съ площадными ругательствами.

Или вотъ, напримѣръ, разсужденія Чухломскихъ земцевъ о безполезности санитарныхъ мѣръ и о цѣлесообразности, для оздоровленія гнилыхъ колодцевъ, поливанія ихъ Богоявленскою святою водой; или Котельническія земскія разсужденія объ улучшеніи скота и о жеребцахъ-производителяхъ, направленныя предсѣдателемъ намѣренно къ тому, чтобъ неприличіемъ выраженій заставить удалиться нѣсколькихъ дамъ, явившихся на публичное засѣданіе земскаго собранія.

А Дмитріевскіе, Рыльскіе и Вольскіе земскіе скандалы, обнаружившіе земскихъ дѣльцовъ, избирающихъ, избираемыхъ и правящихъ или вовсе безъ узаконеннаго ценза, или съ цензомъ недостаточнымъ! А, наконецъ, развѣ не земскій скандалъ—проворовавшіеся избранники земства,

грабители своихъ избирателей, оставляемые ими же, ограбленными, для продолженія своихъ подвиговъ на земской службѣ, а индѣ даже вновь избираемые на нее, какъ это случилось, между прочимъ, съ Белебеевскимъ, Сарапульскимъ и Аткарскимъ земствами?

Выше мы указали на явленіе исключительное, не часто встрѣчающееся въ исторіи даже земскаго самоуправленія: выборную службу вовсе безъ ценза. За то всевозможныя продѣлки съ закономъ о цензѣ въ земскихъ учрежденіяхъ представляютъ случаи вовсе заурядные, встрѣчающіеся на каждомъ шагу. Вамъ улыбается земская служба, а вашимъ желаніямъ благосклонно улыбаются земскіе воротилы: будьте покойны, если у васъ и нѣтъ ценза, онъ у васъ будетъ. Для этого существуетъ созданный земскимъ пройдошничествомъ, нелегальный, но широко распространенный въ нашихъ земскихъ трущобахъ институтъ такъ называемыхъ фиктивныхъ цензовъ, осуществляемыхъ путемъ или условной продажи, или сдачи въ аренду необходимаго количества десятинъ земли, или покупки ничего не стоющихъ болотъ. Есть даже особый сортъ земель, такъ и называемыхъ цензовыми, на которыхъ ничего не родится и которыя ничего не стоятъ, но которыя годятся для земскаго ценза пройдохамъ, не разбирающимъ средствъ въ стремленіи къ земскому пирогу.

Особое значеніе пріобрѣтаетъ это цензовое плутовство въ тѣхъ нерѣдкихъ случаяхъ, когда земскій пирогъ становится, почему либо, цѣлью двухъ партій, въ такихъ обстоятельствахъ крайне

ожесточающихся одна противъ другой и потому не разбирающихъ средствъ: тогда цензовыя земли каждою изъ нихъ расписываются на благопріятелей, на подобіе того, какъ для акціонерныхъ собраній расписываются акціи, чтобы обезпечить себѣ возможно большее число голосовъ.

Когда же и этого оказывается недостаточнымъ для одолѣнія противниковъ, пускаются въ ходъ разнокалиберные подкупы избирателей — угощеньемъ, посулами, даже деньгами.

Съ легкой руки Судогодскаго землевладѣльца Храповицкаго, въ борьбѣ своей съ земскою партіей испробовавшаго всѣ эти средства и выписывавшаго даже оркестръ музыки для увеселенія упившихся на его счетъ избирателей, этотъ пріемъ земской борьбы за власть сталъ все больше и больше входить въ моду, что уже и тѣмъ доказывается, что изрѣдка онъ достигаетъ даже судебной гласности.

Кому не извѣстно столкновеніе на почвѣ земскаго самоуправленія въ Духовщинскомъ уѣздѣ мѣстнаго предводителя дворянства съ знаменитымъ самодуромъ-милліонеромъ Хлудовымъ? На какія только хитрости въ этой борьбѣ не пускались ея главнѣйшіе герои: и повальное спаиваніе избирателей, и подкупы ихъ, и фиктивные цензы, и фиктивная болѣзнь предводителя дворянства, съ цѣлію замедлить открытіе сессіи— одно лишь было предано забвенію: достоинство учрежденія, подъ сѣнію котораго разыгрывались эти фокусы избирательной игры, нравственное впечатлѣніе, производимое этою игрой на ея невольныхъ участниковъ и зрителей. . . . .

правосудіемъ и энергическимъ подспорьемъ питейной торговли, а сельскіе старосты въ своихъ углахъ миніатюрными копіями волостныхъ старшинъ.

Вопіющее самоуправство, безконтрольность поборовъ и распоряженій, произволъ въ расходованіи мірскихъ суммъ, повсемѣстныя растраты ихъ или недочеты, всевозможныя злоупотребленія волостныхъ старшинъ и писарей—вотъ обычныя черты, повседневныя и повсемѣстныя явленія крестьянскаго самоуправленія, никакою своею стороной, кромѣ платежа податей и недоимокъ, никого непосредственно не интересующаго, никѣмъ обязательно не надзираемаго, никѣмъ тѣмъ болѣе не контролируемаго и ни предъ кѣмъ, кромѣ равнодушныхъ къ нему избирателей, не отвѣтственнаго.

Что мудренаго, если такое самоуправленіе не пользуется народными симпатіями, а его представители, хотя бы и выборные, и даже тѣмъ паче, что они выборные, въ народномъ сознаніи успѣшно соперничаютъ съ земскими ярыгами и ярыжками до-Петровской Руси, если титулъ волостнаго старшины, волостнаго писаря, сельскаго старосты и т. д., вмѣсто подобающаго ему почтенія, вызываетъ въ умахъ народа или добродушное презрѣніе, или простодушную зависть, и если сами обладатели этихъ титуловъ, смиренно сознавая отсутствіе къ нимъ народнаго благорасположенія и примиряясь съ несочувственнымъ къ себѣ отношеніемъ населеній, находятъ въ этомъ только лишнее побужденіе вознаграждать себя, за этотъ нравственный ущербъ, матеріальными выгодами, зиждущимися на притѣсненіяхъ,

обманахъ и разореніи того же простодушнаго народа?

Что касается земскаго самоуправленія, то чрезъ всю его 25-лѣтнюю исторію, по бѣлому фону земскихъ учрежденій черными, грязными пятнами проходятъ: 1) тупое равнодушіе массы населеній къ дѣятельности земствъ; 2) корыстолюбивыя вожделѣнія меньшинства ихъ относительно участія въ такъ называемомъ земскомъ пирогѣ, и 3) обусловливаемая этими же вожделѣніями борьба партій, знаменующая себя такими явленіями, которыя имѣютъ очень мало общаго съ понятіями о гражданской добросовѣстности, и очень близко подходятъ подъ различныя статьи уголовнаго кодекса.

Равнодушіе населеній къ различнымъ функціямъ земскаго самоуправленія простирается до размѣровъ истинно баснословныхъ, и примѣры, въ которыхъ оно выражалось, могли бы показаться совершенно невѣроятными, еслибы, къ прискорбію, не были занесены на историческія скрижали земскихъ учрежденій.

Кто бы, напримѣръ, могъ повѣрить скорбной повѣсти о такихъ земскихъ собраніяхъ, на которыхъ, по положенію о земскихъ учрежденіяхъ, предстояло избрать изъ цѣлой сотни крупныхъ землевладѣльцевъ 30 гласныхъ, а явилось изъ всей этой сотни лишь 27 человѣкъ, такъ что имъ и пришлось, безъ всякихъ избирательныхъ манипуляцій, объявить всѣхъ себя гласными, оставшись, впрочемъ, и послѣ того съ—3? А между тѣмъ, по свидѣтельству земскихъ лѣтописей, этотъ

дрессированную и повинующуюся чьей-то однообразной командѣ!

До того похожи повсемѣстно употребляемыя ими средства къ захвату въ свое пользованіе общественныхъ городскихъ достояній, къ устраненію отъ участія въ этомъ пользованіи другихъ городскихъ сословій и къ полновластному, почти деспотическому распоряженію и командованію надъ всѣми сторонами и отраслями городской жизни, не исключая даже, по мѣстамъ и по временамъ, и самой администраціи!

Разумѣя всю массу нашихъ городскихъ поселеній, нельзя опускать изъ виду того общаго соображенія, что большинство, и притомъ бѣднѣйшее, этихъ поселеній составляютъ такъ называемые мѣщане—коренное сословіе горожанъ, и по отношенію къ нему всѣ остальные классы городскихъ обществъ представляютъ незначительное меньшинство. Слѣдовательно, и самоуправленіе, какъ реформа, разсчитанная на улучшеніе городской жизни и предоставленіе городскимъ населеніямъ всѣхъ возможныхъ средствъ къ ея развитію и къ собственному гражданскому преуспѣянію, долженствовало особливо озаботиться судьбою этого громаднаго большинства гражданъ. Такъ повелѣвали логика и здравый смыслъ; къ сожалѣнію, наша хартія городской конституціи, въ своемъ приложеніи къ практической жизни, не смогла осуществить этихъ повелѣній, а отдала все самоуправленіе городовъ, а слѣдовательно и все разнообразіе городскихъ общественныхъ интересовъ, въ жертву одному лишь купеческому сословію—въ жертву, т. е. *въ добычу*.

И какъ это чуткое къ добычѣ сословіе воспользовалось промахомъ Городоваго Положенія, лѣтописи нашихъ самоуправляющихся городовъ представляютъ блестящіе своею безотрадностью примѣры.

Не успѣвало въ томъ или другомъ городѣ новое Положеніе вступить въ обязательную силу, какъ мѣстные купеческіе толстосумы заполоняли думу, а гдѣ ихъ наличности не хватало для обезпеченія себѣ абсолютнаго большинства, набирали на этотъ предметъ клевретовъ и преданныхъ рабовъ изъ другихъ сословій. Когда, такимъ образомъ, полновластіе ихъ въ совѣтахъ самоуправленія становилось безспорнымъ, обыкновенно выдвигался на арену общественнаго обсужденія одинъ и тотъ же вопросъ—который можно назвать, пожалуй, аграрнымъ.

Дѣло въ томъ, что большинство нашихъ уѣздныхъ, особенно же захолустныхъ, городовъ, представляя собою во многихъ отношеніяхъ тѣ же села и деревни, лишь снабженныя необычайнымъ обиліемъ всякаго рода начальства, испоконъ вѣка владѣютъ болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ земли, къ нимъ приписанной, которая, тоже испоконъ вѣка, въ каждомъ такомъ городѣ и раздавалась въ аренду городскимъ мѣщанамъ, чтобы они, пользуясь ею сообразно ея качеству и соразмѣрно наличному количеству представляемыхъ ими душъ, снискивали трудомъ рукъ своихъ средства къ существованію. Города не имѣли обычая притѣснять своихъ же бѣднѣйшихъ согражданъ, и сдавали имъ эти земли безъ разсчетовъ на большіе ба-

рыши, по установленнымъ мѣстными обычаями цѣнамъ.

Когда же, подъ эгидою Городоваго Положенія, алчный торговый классъ, хотя и изображавшій, въ общемъ числѣ городскихъ населеній, ничтожное меньшинство, явился подавляющимъ большинствомъ въ средѣ избранниковъ городскихъ самоуправленій, эти городскія земли, доселѣ бывшія почти единственнымъ средствомъ пропитанія бѣднѣйшему большинству жителей, оказались первымъ объектомъ его хищническаго вниманія.

Вслѣдъ за введеніемъ муниципальнаго самоуправленія то въ томъ, то въ другомъ муниципалитетѣ выдвигался вопросъ, повидимому въ высшей степени благонамѣренный, навѣянный какъ будто бы заботливостью о городскихъ интересахъ и попечительностью объ общемъ благѣ городскихъ населеній. Это былъ вопросъ о невыгодной, убыточной эксплоатаціи городскихъ имуществъ и о необходимости изысканія мѣръ къ извлеченію изъ нихъ наибольшей доходности, съ цѣлію употребленія ея на надобности городскаго благоустройства. Вопросъ всюду рѣшался по камертону замаскированныхъ купеческихъ алчныхъ вожделѣній, рѣшеніе это повсюду оказывалось почти тождественнымъ, и выражалось постановленіями объ отобраніи городскихъ земель изъ мѣщанскаго пользованія и объ отдачѣ ихъ въ аренду установленнымъ для общественныхъ имуществъ порядкомъ, т. е. съ публичныхъ торговъ.

Повидимому, дѣло такими рѣшеніями устанавливалось и на незыблемую почву законности,

и на свойственную самоуправленію высоту безпристрастныхъ отношеній къ общественному интересу: но какъ часто въ практической жизни *summum jus*, т. е. высочайшая, абстрактная справедливость оказывается *summa injuria*, т. е. вопіющею неправдой, такъ и въ данномъ случаѣ помянутыя рѣшенія явились могущественнымъ средствомъ къ угнетенію безгласнаго большинства неразборчивымъ въ средствахъ къ наживѣ меньшинствомъ.

Правда, нищимъ мѣщанамъ, дотолѣ пахавшимъ и сѣявшимъ на нѣсколькихъ десятинахъ приходившейся каждому изъ нихъ на долю городской земли, не воспрещалось являться и на вновь заведенные торги: но, вопервыхъ, земля съ торговъ сдавалась въ аренду болѣе или менѣе крупными участками, брать которые каждому въ отдѣльности изъ мѣщанъ было не подъ силу, да не представлялось и надобности, а во вторыхъ, участіе въ торгахъ, по обычаю, обусловливалось взносомъ опредѣленнаго залога, котораго обладателямъ перекосившихся деревянныхъ лачужекъ добыть было не откуда.

Отсюда проистекалъ тотъ фактъ, что торги, устраивавшіеся согласно съ требованіями закона, являлись какою-то комедіей, финаломъ которой неизбѣжно являлся переходъ аренды изъ рукъ многочисленнаго неимущаго мѣщанства въ загребистыя лапы нѣсколькихъ торгашей, способныхъ и къ взносу предварительнаго залога и къ надбавкѣ арендной платы до возможно высшаго предѣла. Такъ это вездѣ и было, и повсюду въ тѣхъ городахъ, гдѣ имѣлись такія зе-

рами женскаго просвѣщенія оказывались счастливые производители прелестнаго пола.

Вообще гг., успѣвшіе такъ или иначе, какъ говорится на дѣловомъ жаргонѣ, примазаться къ земскому сундуку или присосаться къ земскому пирогу, въ собственныхъ интересахъ озабочивались возможнымъ разнообразіемъ начинки, которая шла на приготовленіе этого лакомаго пирога. Чѣмъ разбросаннѣе предметы земскаго вѣдѣнія, чѣмъ разнообразнѣе предметы дѣловыхъ отношеній и земскихъ заботъ, тѣмъ удобнѣе для большинства земскихъ дѣльцовъ этого типа достиженіе намѣченныхъ ими цѣлей, на подобіе того, какъ кухаркѣ, нечистой на руку, чѣмъ въ большемъ количествѣ лавокъ придется побывать за провизіей, тѣмъ больше останется барыша изъ хозяйскихъ денегъ. Очевидно въ этихъ, затаенныхъ въ глубинѣ земско-дѣловой души, соображеніяхъ, иные земцы, перепробовавъ всевозможные сорта начинокъ для земскаго пирога, включая и педагогическую — додумались даже до строительной, какъ представляющей наибольшую широту и свободу дѣйствій—и ухлопали болѣе или менѣе прочно земскіе капиталы, и даже опутали земства тягостными долгами, устраивая для земскихъ управъ съ ихъ канцеляріями собственные дома въ малодоходныхъ губернскихъ и вовсе бездоходныхъ уѣздныхъ городахъ, а затѣмъ, за счетъ этихъ же самыхъ строительныхъ расходовъ, уже въ личную собственность пріобрѣтая земли и иныя недвижимыя собственности, обезпечивавшія болѣе или менѣе хорошій и вѣрный доходъ.

Кишмя кишащія этою тлей земскія самоуправленія не могли уже держаться и на высотѣ даже внѣшняго благоприличія и порядочности въ своихъ дѣйствіяхъ: скандалы, достойные частію грязныхъ трактировъ, частію мрачныхъ притоновъ невѣжества, ознаменовали публичную дѣятельность многихъ земскихъ собраній, и между прочимъ Хорольскаго, Чухломскаго, Котельническаго, Дмитріевскаго, Рыльскаго, Льговскаго, Белебеевскаго, Сарапульскаго, Аткарскаго и др.

Вотъ, напримѣръ, предсѣдатель Хорольскаго земскаго собранія, во чтобы то ни стало желающій выкинуть вонъ одного изъ гласныхъ, оказывающаго понятную неуступчивость такому желанію—и въ публичномъ засѣданіи представителей самоуправленія разыгрывается скандалъ чуть не съ площадными ругательствами.

Или вотъ, напримѣръ, разсужденія Чухломскихъ земцевъ о безполезности санитарныхъ мѣръ и о цѣлесообразности, для оздоровленія гнилыхъ колодцевъ, поливанія ихъ Богоявленскою святою водой; или Котельническія земскія разсужденія объ улучшеніи скота и о жеребцахъ-производителяхъ, направленныя предсѣдателемъ намѣренно къ тому, чтобъ неприличіемъ выраженій заставить удалиться нѣсколькихъ дамъ, явившихся на публичное засѣданіе земскаго собранія.

А Дмитріевскіе, Рыльскіе и Вольскіе земскіе скандалы, обнаружившіе земскихъ дѣльцовъ, избирающихъ, избираемыхъ и правящихъ или вовсе безъ узаконеннаго ценза, или съ цензомъ недостаточнымъ! А, наконецъ, развѣ не земскій скандалъ—проворовавшіеся избранники земства,

грабители своихъ избирателей, оставляемые ими же, ограбленными, для продолженія своихъ подвиговъ на земской службѣ, а индѣ даже вновь избираемые на нее, какъ это случилось, между прочимъ, съ Белебеевскимъ, Сарапульскимъ и Аткарскимъ земствами?

Выше мы указали на явленіе исключительное, не часто встрѣчающееся въ исторіи даже земскаго самоуправленія: выборную службу вовсе безъ ценза. За то всевозможныя продѣлки съ закономъ о цензѣ въ земскихъ учрежденіяхъ представляютъ случаи вовсе заурядные, встрѣчающіеся на каждомъ шагу. Вамъ улыбается земская служба, а вашимъ желаніямъ благосклонно улыбаются земскіе воротилы: будьте покойны, если у васъ и нѣтъ ценза, онъ у васъ будетъ. Для этого существуетъ созданный земскимъ пройдошничествомъ, нелегальный, но широко распространенный въ нашихъ земскихъ трущобахъ институтъ такъ называемыхъ фиктивныхъ цензовъ, осуществляемыхъ путемъ или условной продажи, или сдачи въ аренду необходимаго количества десятинъ земли, или покупки ничего не стоющихъ болотъ. Есть даже особый сортъ земель, такъ и называемыхъ цензовыми, на которыхъ ничего не родится и которыя ничего не стоятъ, но которыя годятся для земскаго ценза пройдохамъ, не разбирающимъ средствъ въ стремленіи къ земскому пирогу.

Особое значеніе пріобрѣтаетъ это цензовое плутовство въ тѣхъ нерѣдкихъ случаяхъ, когда земскій пирогъ становится, почему либо, цѣлью двухъ партій, въ такихъ обстоятельствахъ крайне

ожесточающихся одна противъ другой и потому не разбирающихъ средствъ: тогда цензовыя земли каждою изъ нихъ расписываются на благопріятелей, на подобіе того, какъ для акціонерныхъ собраній расписываются акціи, чтобы обезпечить себѣ возможно большее число голосовъ.

Когда же и этого оказывается недостаточнымъ для одолѣнія противниковъ, пускаются въ ходъ разнокалиберные подкупы избирателей — угощеньемъ, посулами, даже деньгами.

Съ легкой руки Судогодскаго землевладѣльца Храповицкаго, въ борьбѣ своей съ земскою партіей испробовавшаго всѣ эти средства и выписывавшаго даже оркестръ музыки для увеселенія упившихся на его счетъ избирателей, этотъ пріемъ земской борьбы за власть сталъ все больше и больше входить въ моду, что уже и тѣмъ доказывается, что изрѣдка онъ достигаетъ даже судебной гласности.

Кому не извѣстно столкновеніе на почвѣ земскаго самоуправленія въ Духовщинскомъ уѣздѣ мѣстнаго предводителя дворянства съ знаменитымъ самодуромъ-милліонеромъ Хлудовымъ? На какія только хитрости въ этой борьбѣ не пускались ея главнѣйшіе герои: и повальное спаиваніе избирателей, и подкупы ихъ, и фиктивные цензы, и фиктивная болѣзнь предводителя дворянства, съ цѣлію замедлить открытіе сессіи— одно лишь было предано забвенію: достоинство учрежденія, подъ сѣнію котораго разыгрывались эти фокусы избирательной игры, нравственное впечатлѣніе, производимое этою игрой на ея невольныхъ участниковъ и зрителей. . . . .

Но—увы!—эти добропорядочныя соображенія, повидимому, обречены на вѣчное забвеніе въ сферѣ нашего самоуправленія, когда она наполняется кликами и воплями двухъ партій, борющихся изъ за власти, а особенно—когда одну изъ нихъ представляетъ купечество: въ исторіи земскихъ учрежденій не рѣдкость такіе случаи, когда купечество какого-либо промышленнаго или фабричнаго района, задавшись мыслью отстранить стоящую у земскихъ дѣлъ партію и замѣнить ее своею собственною, для того, чтобы дискредитировать предъ населеніемъ земскую дѣятельность, вдругъ поголовно прекращало платежи земскихъ сборовъ. Само собою разумѣется, что искусственно созданная недоимка росла не по днямъ, а по часамъ, земская управа сидѣла безъ денегъ и держала служащихъ безъ жалованья, и въ концѣ концевъ о земскихъ дѣятеляхъ, быть можетъ и безупречныхъ, получалось впечатлѣніе и укоренялось мнѣніе, какъ о людяхъ и нерадивыхъ къ своимъ обязанностямъ, и неспособныхъ къ дѣятельности, которая имъ ввѣрена.

Недоимки, конечно, увеличивались въ такихъ случаяхъ только до той поры, когда непріятные купцамъ земцы устранялись, и совершенно исчезали изъ земскаго бюджета, лишь излюбленные купечествомъ дѣятели принимали въ руки бразды земскаго управленія.

А принимали они эти бразды съ опредѣленно намѣченными заблаговременно цѣлями: сокращеній въ земскомъ обложеніи фабрикъ и заводовъ, освобожденія заводчиковъ и фабрикантовъ отъ тягостныхъ для нихъ заботъ о школь-

номъ и больничномъ благоустройствѣ ихъ заведеній, устройства на земскій счетъ подъѣздныхъ шоссе отъ фабрикъ и заводовъ къ желѣзнодорожнымъ станціямъ и т. п., и вообще верховнаго водительства надъ земскими дѣлами и ихъ общаго направленія согласно съ частными купеческими интересами.

Въ земскомъ самоуправленіи, впрочемъ, купечество если и играетъ видную роль, то только по мѣстамъ, въ округахъ, изобилующихъ фабриками и заводами, да въ тѣхъ еще не весьма многочисленныхъ, гдѣ сосредоточиваются перешедшія къ нему отъ дворянства земельныя имущества. Главное же его торжество, торжество исключительное—въ области самоуправленія городскаго.

Про эту неблагополучную область можно не обинуясь сказать, что она вся поголовно, если не въ кабалѣ, если не въ крѣпостномъ рабствѣ, то въ полновластномъ распоряженіи, а слѣдовательно и *въ самой безпощадной эксплоатаціи купечества*. И нельзя достаточно надивиться той выдержанности, той настойчивости, тому поразительному единодушію, какое проявляетъ это сословіе, разсѣянное по градамъ и весямъ нашего отечества, когда дѣло касается его частныхъ, сословныхъ интересовъ въ сферѣ городскихъ самоуправленій: наблюдающій *à vol d'oiseau* получаетъ впечатлѣніе, какъ будто эти нѣсколько сотъ сословныхъ группъ, немногочисленныхъ, невѣжественныхъ, разсѣянныхъ на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ верстъ—составляютъ одну коммерческую армію, отлично

дрессированную и повинующуюся чьей-то однообразной командѣ!

До того похожи повсемѣстно употребляемыя ими средства къ захвату въ свое пользованіе общественныхъ городскихъ достояній, къ устраненію отъ участія въ этомъ пользованіи другихъ городскихъ сословій и къ полновластному, почти деспотическому распоряженію и командованію надъ всѣми сторонами и отраслями городской жизни, не исключая даже, по мѣстамъ и по временамъ, и самой администраціи!

Разумѣя всю массу нашихъ городскихъ поселеній, нельзя опускать изъ виду того общаго соображенія, что большинство, и притомъ бѣднѣйшее, этихъ поселеній составляютъ такъ называемые мѣщане—коренное сословіе горожанъ, и по отношенію къ нему всѣ остальные классы городскихъ обществъ представляютъ незначительное меньшинство. Слѣдовательно, и самоуправленіе, какъ реформа, разсчитанная на улучшеніе городской жизни и предоставленіе городскимъ населеніямъ всѣхъ возможныхъ средствъ къ ея развитію и къ собственному гражданскому преуспѣянію, долженствовало особливо озаботиться судьбою этого громаднаго большинства гражданъ. Такъ повелѣвали логика и здравый смыслъ; къ сожалѣнію, наша хартія городской конституціи, въ своемъ приложеніи къ практической жизни, не смогла осуществить этихъ повелѣній, а отдала все самоуправленіе городовъ, а слѣдовательно и все разнообразіе городскихъ общественныхъ интересовъ, въ жертву одному лишь купеческому сословію—въ жертву, т. е. *въ добычу*.

И какъ это чуткое къ добычѣ сословіе воспользовалось промахомъ Городоваго Положенія, лѣтописи нашихъ самоуправляющихся городовъ представляютъ блестящіе своею безотрадностью примѣры.

Не успѣвало въ томъ или другомъ городѣ новое Положеніе вступить въ обязательную силу, какъ мѣстные купеческіе толстосумы заполоняли думу, а гдѣ ихъ наличности не хватало для обезпеченія себѣ абсолютнаго большинства, набирали на этотъ предметъ клевретовъ и преданныхъ рабовъ изъ другихъ сословій. Когда, такимъ образомъ, полновластіе ихъ въ совѣтахъ самоуправленія становилось безспорнымъ, обыкновенно выдвигался на арену общественнаго обсужденія одинъ и тотъ же вопросъ—который можно назвать, пожалуй, аграрнымъ.

Дѣло въ томъ, что большинство нашихъ уѣздныхъ, особенно же захолустныхъ, городовъ, представляя собою во многихъ отношеніяхъ тѣ же села и деревни, лишь снабженныя необычайнымъ обиліемъ всякаго рода начальства, испоконъ вѣка владѣютъ болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ земли, къ нимъ приписанной, которая, тоже испоконъ вѣка, въ каждомъ такомъ городѣ и раздавалась въ аренду городскимъ мѣщанамъ, чтобы они, пользуясь ею сообразно ея качеству и соразмѣрно наличному количеству представляемыхъ ими душъ, снискивали трудомъ рукъ своихъ средства къ существованію. Города не имѣли обычая притѣснять своихъ же бѣднѣйшихъ согражданъ, и сдавали имъ эти земли безъ разсчетовъ на большіе ба-

рыши, по установленнымъ мѣстными обычаями цѣнамъ.

Когда же, подъ эгидою Городоваго Положенія, алчный торговый классъ, хотя и изображавшій, въ общемъ числѣ городскихъ населеній, ничтожное меньшинство, явился подавляющимъ большинствомъ въ средѣ избранниковъ городскихъ самоуправленій, эти городскія земли, доселѣ бывшія почти единственнымъ средствомъ пропитанія бѣднѣйшему большинству жителей, оказались первымъ объектомъ его хищническаго вниманія.

Вслѣдъ за введеніемъ муниципальнаго самоуправленія то въ томъ, то въ другомъ муниципалитетѣ выдвигался вопросъ, повидимому въ высшей степени благонамѣренный, навѣянный какъ будто бы заботливостью о городскихъ интересахъ и попечительностью объ общемъ благѣ городскихъ населеній. Это былъ вопросъ о невыгодной, убыточной эксплоатаціи городскихъ имуществъ и о необходимости изысканія мѣръ къ извлеченію изъ нихъ наибольшей доходности, съ цѣлію употребленія ея на надобности городскаго благоустройства. Вопросъ всюду рѣшался по камертону замаскированныхъ купеческихъ алчныхъ вожделѣній, рѣшеніе это повсюду оказывалось почти тождественнымъ, и выражалось постановленіями объ отобраніи городскихъ земель изъ мѣщанскаго пользованія и объ отдачѣ ихъ въ аренду установленнымъ для общественныхъ имуществъ порядкомъ, т. е. съ публичныхъ торговъ.

Повидимому, дѣло такими рѣшеніями устанавливалось и на незыблемую почву законности,

и на свойственную самоуправленію высоту безпристрастныхъ отношеній къ общественному интересу: но какъ часто въ практической жизни *summum jus*, т. е. высочайшая, абстрактная справедливость оказывается *summa injuria*, т. е. вопіющею неправдой, такъ и въ данномъ случаѣ помянутыя рѣшенія явились могущественнымъ средствомъ къ угнетенію безгласнаго большинства неразборчивымъ въ средствахъ къ наживѣ меньшинствомъ.

Правда, нищимъ мѣщанамъ, дотолѣ пахавшимъ и сѣявшимъ на нѣсколькихъ десятинахъ приходившейся каждому изъ нихъ на долю городской земли, не воспрещалось являться и на вновь заведенные торги: но, вопервыхъ, земля съ торговъ сдавалась въ аренду болѣе или менѣе крупными участками, брать которые каждому въ отдѣльности изъ мѣщанъ было не подъ силу, да не представлялось и надобности, а во вторыхъ, участіе въ торгахъ, по обычаю, обусловливалось взносомъ опредѣленнаго залога, котораго обладателямъ перекосившихся деревянныхъ лачужекъ добыть было не откуда.

Отсюда проистекалъ тотъ фактъ, что торги, устраивавшіеся согласно съ требованіями закона, являлись какою-то комедіей, финаломъ которой неизбѣжно являлся переходъ аренды изъ рукъ многочисленнаго неимущаго мѣщанства въ загребистыя лапы нѣсколькихъ торгашей, способныхъ и къ взносу предварительнаго залога и къ надбавкѣ арендной платы до возможно высшаго предѣла. Такъ это вездѣ и было, и повсюду въ тѣхъ городахъ, гдѣ имѣлись такія зе-

мельныя угодья, они перешли въ руки мѣстныхъ толстосумовъ, и конечно не для сельско хозяйственныхъ надъ ними упражненій, ибо новые арендаторы съ земледѣльческимъ трудомъ были знакомы немного болѣе, чѣмъ съ китайской грамотой, а для недобросовѣстныхъ маклаческихъ оборотовъ. Въ чемъ эти обороты состояли, на этотъ предметъ земскія лѣтописи сохраняютъ множество характерныхъ преданій.

Въ самоуправленіи г. Сквиры, напримѣръ, былъ случай, что всю городскую землю подѣлилъ между собою персоналъ думскихъ гласныхъ на 12-лѣтній арендный срокъ, за арендную плату по 3 р. съ десятины, вмѣсто обычной для той мѣстности платы въ 10—12 р., при чемъ на долю каждаго арендатора пришлось по 12 десятинъ.

Въ Ставрополѣ-Кавказскомъ отнятыя у мѣщанъ городскія земли розданы мѣстнымъ богачамъ большими участками въ аренду за плату 2—3 р. съ десятины, а эти богачи уже сами отъ себя дробятъ ихъ на мелкія доли и раздаютъ въ аренду тѣмъ же мѣщанамъ, но по цѣнѣ въ 10, 15 и 20 р. за десятину.

Въ Трубчевскѣ городская дума принадлежащія городу огородныя земли сдаетъ купцамъ въ аренду по 15 р. за дес., а тѣ отъ себя передаютъ мѣщанамъ, издавна привыкшимъ къ огородничеству на этихъ земляхъ, по 75 р. за дес. Какъ подобный образъ дѣйствій самоуправленія, состоящаго изъ однихъ купеческихъ толстосумовъ, оцѣнивается остальнымъ населеніемъ, это ясно сказалось въ одномъ изъ публичныхъ засѣданій Трубчевской думы, при обсужденіи вопроса

о постройкѣ дома для городскаго училища, ожесточеннымъ столкновеніемъ гласныхъ-мѣщанъ, вотировавшихъ за постройку, съ гласными-купцами, отрицавшими ея необходимость. Не стѣсняясь достоинствомъ мѣста и своего званія, разоренные мѣщане дали полную волю озлобленію, накопившемуся въ ихъ сердцахъ противъ эксплоататоровъ, и бурныя пренія скоро перешли въ буйную взаимную брань, которая ознаменовалась брошенными отъ мѣщанъ въ гласныхъ-купцевъ позорными обвиненіями, уличавшими послѣднихъ въ неблаговидной продажѣ на срубъ за безцѣнокъ принадлежащаго городу строеваго лѣса, въ мошенничествахъ при постройкѣ казармъ, въ плутняхъ при раздачѣ пособій погорѣльцамъ и т. п. Замѣчательно, что купцы-гласные смиренно проглотили всѣ эти мѣщанскія пилюли, и поторопились уважить расходившихся гражданъ согласіемъ на ихъ предложеніе, чѣмъ благополучно для себя и покончили распрю.

Подобныя непріязненныя отношенія гласныхъ-мѣщанъ къ думскому купечеству, объясняемыя безсовѣстными земельными захватами послѣдняго, замѣчаются во множествѣ уѣздныхъ городовъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ выражаются даже постоянною взаимною враждою и борьбою обоихъ сословій, при чемъ въ иныхъ городахъ мѣщане побѣждаютъ купцевъ, отвоевывая себѣ обратно изъ рукъ богатыхъ узурпаторовъ свое прежнее достояніе, въ иныхъ толстыя мошны купечества склоняютъ побѣду на его сторону.

Такъ, въ Цивильскѣ купцы съумѣли отстоять свои захваты, и мѣщане потерпѣли пораженіе

въ цѣломъ рядѣ муниципальныхъ (конечно словесныхъ) битвъ, но Царевококшайскіе мѣщане были счастливѣе и поле битвы, а вмѣстѣ съ нимъ и поля, захваченныя у нихъ купечествомъ, остались за ними.

Въ Уржумѣ исходъ борьбы также готовился для нихъ благопріятный, еслибъ думскіе дипломаты не ухитрились устроить перемирія, добившись передачи дѣла на разсмотрѣніе самаго безнадежнаго коллегіальнаго учрежденія въ мірѣ, именуемаго особою думскою коммиссіей.

Въ Петровскѣ, въ Вольскѣ, въ Котельничѣ, въ Новомосковскѣ—ведется постоянная глухая муниципальная борьба изъ за этихъ же аграрныхъ купеческихъ захватовъ, и нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы взаимное недовольство и раздраженіе, разъ оно зародилось въ умахъ цѣлыхъ двухъ сословій, могло уничтожиться само собою, и гораздо вѣроятнѣе предположить, что муниципальныя учрежденія въ этихъ городахъ станутъ со временемъ ареною такихъ же враждебныхъ схватокъ, какъ и въ выше названныхъ городахъ, а затѣмъ и въ Кадниковѣ, и въ Орѣховѣ, и въ Камышинѣ, гдѣ хотя еще не обнаруживалось ясно опредѣлившейся сословной борьбы, но наличность причинъ, ее вызывающихъ, таже самая, что и во всѣхъ раньше названныхъ городахъ.

И это тѣмъ несомнѣннѣе, что купечество, разъ вкусивши сладости захватовъ, не легко разстается съ ними, и не останавливается ни предъ какими, даже недобропорядочными, средствами,

только бы удержать въ своихъ цѣпкихъ когтяхъ неправедно доставшуюся добычу.

Чигиринская исторія аграрной борьбы мѣщанства съ купечествомъ, замѣчательная въ высшей степени осмысленнымъ, разумнымъ, можно сказать дипломатическимъ и вмѣстѣ отважнымъ образомъ дѣйствій, какой проявили мѣщане, со стороны купечества ознаменовалась цѣлымъ рядомъ недостойныхъ выходокъ по отношенію къ его противникамъ, выходокъ, завершившихся даже ложными доносами начальству, и если эти позорныя средства борьбы не обезпечили ему въ данномъ случаѣ успѣха, то самая возможность ихъ уже доказываетъ, что купечество, ради обезпеченія за собою хотя бы неправедной мзды, способно на самую ожесточенную и отчаянную борьбу.

Еще болѣе безшабашнаго рвенія и самой отчаянной энергіи проявило оно къ тому, чтобы зажать въ одномъ своемъ кулакѣ и общественный городской кредитъ, къ насажденію коего, развитію и преуспѣянію, въ видахъ поднятія городской промышленности и торговли, правительство приложило особое стараніе учрежденіемъ городскихъ общественныхъ банковъ.

Само собою разумѣется, что и по истинному, идеальному смыслу этихъ кредитныхъ учрежденій, и по особенному характеру денежныхъ средствъ, положенныхъ въ ихъ основу и въ обезпеченіе ихъ финансовыхъ предпріятій, и по соображеніямъ общаго блага, городскіе банки были задуманы законодателемъ на тотъ предметъ, чтобы даровать удобства дешеваго кредита большинству

горожанъ, добывающихъ средства къ существованію тѣми или другими промыслами и торговыми занятіями. Но, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, общее свойство всѣхъ реформаторскихъ мѣропріятій прошедшаго царствованія составлялъ возвышенный, безграничный идеализмъ, не считавшійся ни съ несовершенствами человѣческихъ учрежденій, ни съ практическими препятствіями, воздвигаемыми жизнью на пути самыхъ даже зрѣло обдуманныхъ мѣропріятій, ни тѣмъ болѣе съ неблагопріятными для ихъ успѣшности намѣреніями и поползновеніями людей, призванныхъ къ направленію ихъ въ интересахъ общей пользы.

Создавая, въ формѣ городскихъ общественныхъ банковъ, повсемѣстное благодѣяніе, способное широко распространить среди городскихъ населеній промышленность и торговлю, законодатель, заранѣе разсчитавшій на непреложное осуществленіе Городоваго Положенія въ его идеальной обстановкѣ, не могъ уже не допустить и другой логической ошибки, неизбѣжно вытекавшей изъ этой первой, поставивъ, съ теоретической точки зрѣнія совершенно правильно, эти городскія кредитныя учрежденія въ органическую связь и даже зависимость отъ городскаго самоуправленія, и даже самое ихъ существованіе и дѣятельность обезпечивъ городскими капиталами и недвижимыми имуществами всѣхъ городскихъ обывателей.

Въ силу этой, теоретически правильной связи и зависимости, и эти въ сущности благодѣтельныя для городскихъ населеній кредитныя учрежденія исказили свой идеальный характеръ въ

томъ же самомъ смыслѣ и направленіи и по той же мѣркѣ, какъ практика самоуправленія исказила его идеалъ, начертанный Городовымъ Положеніемъ: и какъ въ городскомъ самоуправленіи, вопреки его всесословности, фактическимъ распорядителемъ городскихъ судебъ почти повсемѣстно явилось одно лишь купечество, такъ оно же одно исключительно завладѣло и городскимъ общественнымъ кредитомъ, осуществленнымъ въ видѣ банковъ, обезпеченныхъ всѣмъ городскимъ достояніемъ, т. е. имуществомъ всѣхъ гражданъ въ совокупности и каждаго въ отдѣльности.

Такимъ образомъ, учрежденія, созданныя для всѣхъ горожанъ, и преимущественно, конечно, для тѣхъ изъ нихъ, кто наиболѣе нуждался въ дешевомъ кредитѣ, оказались запертыми на глухо для большинства этихъ именно людей, которымъ и должны, и могли быть полезны, и широко отверстыми опять для однихъ купцовъ, т. е. для гражданъ сравнительно наиболѣе зажиточныхъ, имѣющихъ или свободные капиталы, или, по крайней мѣрѣ, различнаго размѣра денежные обороты.

Алчные инстинкты этихъ людей, воспитанные и преданіями, и профессіей, могли ли не разыграться и съ теченіемъ времени не разбушеваться, когда они увидѣли себя обладателями золотоносныхъ розсыпей, руководителями учрежденій, способныхъ превращать оберточную бумагу въ ассигнаціи и на оборотъ? Могли ли эти люди, освоившись съ организаціей и механизмомъ чудодѣйственныхъ учрежденій, изъ естественнаго въ нихъ чувства эгоистической зависти, не приспособить ихъ къ служенію исключительно *своимъ*

коммерческимъ интересамъ, и не устранить отъ нихъ, какими бы то ни было способами, остальное громадное большинство городскихъ населеній, хотя бы съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы, при этомъ послѣднемъ условіи, легче и безнаказаннѣе эксплоатировать его безденежье и постоянную нужду въ наличномъ оборотномъ капиталѣ? Соображеніе, что ремесленникъ или мелкій торгашъ, имѣй они свободный доступъ къ дешевому кредиту, не пошли бы къ нимъ за дорогимъ — не заключало трудности и замысловатости, и потому захлопнуть передъ этимъ людомъ крышку банковскихъ сундуковъ, чтобы направить его къ своимъ кошелькамъ—представлялось для купечества первѣйшею и существеннѣйшею задачей коммерческой политики.

Когда эта задача была разрѣшена въ желательномъ для него смыслѣ, и оно, въ лицѣ богатѣйшихъ своихъ представителей, принялось хозяйничать надъ общественнымъ кредитомъ, первое соображеніе, представшее предъ нимъ, состояло въ томъ, что деньги вовсе не такая вещь, отъ которой можно бы было отказаться, когда она сама напрашивается въ руки. Что съ этой вещью дѣлать, какъ ею распорядиться—это вопросъ другой, и притомъ лежащій въ дальнемъ ящикѣ, и вопросъ этотъ будетъ время обсудить, когда уже деньги въ карманѣ.

И вотъ, первымъ дѣяніемъ, которымъ ознаменовала себя купеческая власть надъ общественнымъ кредитомъ, была патріархальная дѣлежка и разверстка по собственнымъ карманамъ всей денежной наличности, какъ фондовой, такъ и

текущей. Способы этой разверстки поражаютъ своею одинаковостью во всѣхъ городскихъ банкахъ: вексельные займы безъ малѣйшаго соображенія съ кредитоспособностью заемщиковъ, съ требованіями здраваго смысла и съ предписаніями устава банковъ, учетъ векселей отъ встрѣчнаго - поперечнаго, точно также безъ малѣйшаго соображенія съ ихъ благонадежностью или сомнительностью; переписка такихъ векселей изъ года въ годъ, служившая наилучшимъ доказательствомъ ихъ полнѣйшей неблагонадежности; залогъ недвижимыхъ имуществъ безъ соображенія съ ихъ реальной стоимостью, и биржевыхъ бумагъ не только малоцѣнныхъ, но и вовсе ничего не стоющихъ, и даже акцій по несуществующимъ предпріятіямъ; всевозможныя неблаговидныя уловки для привлеченія денежныхъ вкладовъ, начиная съ возвышеннаго по онымъ процента, продолжая лживыми рекламами и кончая фальшивыми отчетами; стремленіе, всего чаще успѣшное, къ подкупамъ административныхъ и общественныхъ властей, со стороны коихъ могла угрожать опасность обнаруженія всѣхъ вышепоименованныхъ преступленій, которыя достойно увѣнчивались такимъ же преступнымъ расхищеніемъ чужаго достоянія, поступавшаго въ кассы банковъ въ видѣ вкладовъ отъ массы лицъ, городскому кредиту совершенно непричастныхъ и постороннихъ.

Обезпечивъ, такимъ образомъ, себя отъ соперничества другихъ сословій въ пользованіи общественными и частными средствами городскихъ банковъ, купечество не избѣгло и того труднаго къ разрѣшенію вопроса, о которомъ мы выше

упомянули: какъ воспользоваться оказавшимся въ его личномъ распоряженіи изобиліемъ денежныхъ средствъ, особенно въ виду грознаго и недалекаго будущаго, когда нужно же будетъ какъ-либо и чѣмъ-либо оправдать и предъ обществомъ, и предъ правительствомъ, и быть можетъ даже предъ правосудіемъ всю эту наглость лжи, обмановъ, вымогательствъ и хищеній?

А такъ какъ ни мѣстная жизнь, ни окружающая практическая обстановка не представляли способовъ къ прочному, благоразумному и выгодному употребленію большей части этого избытка наличныхъ средствъ, то обладатели ихъ и очутились предъ весьма неутѣшительною, постыдною и роковою дилеммой: или сорить деньгами зря, на фальшивыя потребности личной роскоши, не думая о завтрашнемъ днѣ, или создавать, для ихъ употребленія, хотя и безтолковаго, дутыя, фиктивныя, завѣдомо убыточныя и разорительныя предпріятія, въ единственномъ почти разсчетѣ сослаться на ихъ безуспѣшность, какъ на причину растраты общественнаго достоянія.

Замѣчательно и въ этомъ дѣлѣ однообразіе пріемовъ и единодушіе стремленій, проявленныхъ всероссійскимъ коммерческимъ сословіемъ на всемъ пространствѣ Имперіи, «отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды» въ ея длину, и «отъ потрясеннаго Кремля до стѣнъ недвижнаго Китая» въ поперечникѣ. Пробѣгая длинный скорбный листъ городскихъ банковъ, окончательно проворовавшихся и погибшихъ, уличенныхъ въ томъ и гибнущихъ, а равно обвиняемыхъ въ томъ же и обреченныхъ на гибель, листъ, кото-

рому конца не предвидится и который грозитъ неизбѣжнымъ дополненіемъ даже въ тѣ минуты, когда мы пишемъ эти строки — недоумѣваешь тому одному только, какой порядокъ сообщить этому похоронному синодику нашего общественнаго кредита: хронологическій или топографическій, или же расположить его въ соотвѣтствіи съ размѣрами совершавшихся въ томъ или другомъ банкѣ хищничествъ, или же съ тою или другой степенью обнаруженной при этомъ ловкости и утонченности пріемовъ?

Въ длинной вереницѣ русскихъ городовъ, опозоренныхъ банкрутствомъ ихъ общественнаго кредита, на ряду съ такими центральными пунктами, какова, напримѣръ, Одесса, мелькаютъ ничтожныя уѣздныя захолустья въ родѣ Рославля и Кролевца, рядомъ съ Тамбовомъ, Воронежемъ и Саратовомъ—Алексинъ, Опочка и Гавриловскій посадъ, рядомъ съ Тверью и Ярославлемъ — Одоевъ и Мензелинскъ; съ Орломъ соперничаютъ Камышинъ и Сапожокъ, съ Ковровымъ Козловъ, съ Дмитровомъ Кашира, съ Николаевымъ Михайловъ, съ Маріуполемъ и Котельничемъ Владикавказъ и крѣп. Грозная, etc. etc., и надъ всѣми ими, какъ надъ ничтожествомъ величіе, возвышается Скопинъ, нѣкогда ничтожный уѣздный городишка Рязанской губерніи, нынѣ же стяжавшая всемірную славу родина пресловутаго купца Рыкова, опустѣвшее и разоренное, но зато полное мрачныхъ воспоминаній недавнее гнѣздо необузданной разбойничьей шайки, изъ своего захолустья умѣвшей грабить всю Россію въ теченіе многихъ лѣтъ, своими преступленіями пустившей

вѣтственностью и безнаказанностью способно нравственно развращать даже честныхъ гражданъ, а плутамъ, мошенникамъ, грабителямъ и честолюбцамъ доставлять средства къ пріобрѣтенію не только общественнаго положенія и вліянія, но и единоличнаго господства и владычества надъ всею совокупностью сторонъ, изъ коихъ слагается административная, общественная и даже частная жизнь не только какихъ-нибудь деревушекъ, а цѣлыхъ городовъ съ населеніемъ маленькаго германскаго герцогства прежнихъ временъ.

И въ этомъ смыслѣ исчадіе Скопина, его прискорбной памяти почетный гражданинъ и неограниченный самодержецъ заслуживаетъ хотя, конечно, не удивленія, но все-таки вниманія и изученія, тѣмъ болѣе, что его жалкими миніатюрами доселѣ кишатъ самоуправленія громаднаго большинства нашихъ селъ, городовъ и даже—incredibile dictu!—столицъ.

Бѣднякъ по происхожденію, пріемышъ зажиточнаго мѣстнаго купца, получившій отъ своего названнаго отца, вмѣстѣ съ именемъ, весьма значительныя денежныя средства и проживший ихъ, Рыковъ, на подобіе многихъ пронырливыхъ неудачниковъ, сообразилъ, что сфера городскаго управленія представляетъ весьма подходящую ему арену для безпрепятственныхъ и наиболѣе безопасныхъ упражненій надъ перемѣщеніемъ общественныхъ денегъ въ собственные карманы, и, по безвыходности положенія, сначала крѣпко присосался къ Думѣ и при своей хитрости и настойчивости скоро выдѣлился поверхъ ея въ качествѣ городскаго головы.

Но ничтожество уѣзднаго городишки, мало чѣмъ отличавшагося отъ деревни, не давало ему простора для хищнической дѣятельности, къ которой у него сказывались неудержимыя поползновенія, и вскорѣ по полученіи главенства въ Думѣ онъ возбуждаетъ вопросъ объ учрежденіи при ней городскаго банка. Вопросъ разрѣшается благополучно, основывается банкъ съ ничтожнымъ капиталомъ, и онъ мѣняетъ думское предсѣдательское кресло на директорскій стулъ въ банкѣ.

Высокіе проценты по вкладамъ, значительно превышавшіе чистую доходность даже столичныхъ недвижимостей, безчисленныя рекламы въ газетахъ—устремили въ новоявленный банкъ такую массу капиталовъ, что онъ сразу выросъ какъ бы въ солидное финансовое учрежденіе и пріобрѣлъ популярность не только въ своей губерніи и округѣ, а рѣшительно на всемъ пространствѣ Россіи.

Шли годы, популярность увеличивалась, приливъ чужихъ денегъ усиливался, и ихъ, не смотря на щедрое расшвыриваніе, становилось некуда дѣвать: помѣщать за меньшіе проценты въ другія кредитныя учрежденія не было смысла, на какія-либо солидныя предпріятія съ разсчетомъ на большую прибыльность не хватало ни ума, ни знаній, ни опытности—правильной прибыли на уплату процентовъ по вкладамъ банкъ давать не могъ. Вмѣсто благовременной и честной ликвидаціи, или же радикальнаго и безпощаднаго сокращенія операцій, управляемый Рыковымъ банкъ, алчный до чужихъ денегъ, пошелъ страшнымъ путемъ мошенничествъ, подлоговъ, фиктивныхъ

отчетовъ съ дутыми цифрами и сочиненными барышами, въ сущности не добывая на уплату процентовъ по прежнимъ вкладамъ и производя таковую на счетъ новыхъ вкладчиковъ, на свою бѣду изобильно присылавшихъ въ банкъ свои сбереженія.

Между тѣмъ нѣсколько лѣтъ финансовой славы, пріобрѣтенной искусствомъ ловкаго выманиванія денегъ, развили директорское самолюбіе и жажду наживы до крайней степени, такъ что сознаться въ своей недобросовѣстности являлось для Рыкова дѣломъ рѣшительно невозможнымъ. И вотъ, онъ выбралъ наиболѣе удобный для себя способъ дѣйствій: жить пока живется, а тамъ будь что будетъ. Но чтобы позволили жить такимъ образомъ какъ можно дольше, нужно было принимать самыя разнообразныя мѣры: купить умъ и волю своихъ обывателей, подкупить властей предержащихъ, устранять всякую возможность дурныхъ толковъ о дѣлахъ банка, и т. д. т. п.

Что касается своихъ согражданъ, съ ними Рыковъ распорядился просто: не имѣя ни малѣйшаго разсчета щадить чужія деньги, онъ надо всѣми ними скоро затянулъ мертвыя долговыя петли, такъ что не оставалось почти никого въ городѣ, кто бы не былъ долженъ банку, отъ городскаго головы до простаго разсыльнаго включительно.

Щедрость Рыкова къ согражданамъ рѣшительно не имѣла границъ: «кредитъ въ банкѣ былъ такъ легокъ, что брали деньги почти всѣ жители Скопина, и платежемъ никого изъ нихъ не стѣсняли». Давались деньги рѣшительно всѣмъ, кто просилъ. Проценты платились только по ничтож-

нымъ долгамъ, а при перепискѣ крупныхъ векселей прикладывались къ суммѣ. «Ставить бланки на векселяхъ допускались люди даже завѣдомо неимущіе, простые разсыльные, не знавшіе ни цѣны векселей, ни отъ кого они написаны». Такъ, нѣкто Шамовъ, не имѣя ничего, былъ допущенъ къ поручительству за Аѳанасова на 294 тыс. р., и самъ Рыковъ говорилъ: «пусть поставитъ бланкъ кто-нибудь, лишь бы былъ грамотный». При такихъ распорядкахъ немудрено, что городской голова Овчинниковъ, при состояніи въ 15 тыс., задолжалъ банку 260 тыс. р.

До какой степени простиралась свобода многоразличныхъ мошенническихъ пріемовъ для сообщенія безпорядочнымъ дѣйствіямъ банка хотя бы кажущейся благовидности, ясно изъ примѣра 78-лѣтняго старца, мѣщанина Овчинникова, человѣка совершенно не имущаго, который, однако, представлялъ отъ своего имени въ банкъ заявленія о вкладахъ на два милліона рублей, о продажѣ и покупкѣ процентныхъ бумагъ на три, четыре милліона, и предъ судомъ чистосердечно сознался, что подписывалъ эти заявленія, какъ онъ выразился, «такъ, *для бумаги*, потому что *сами* Иванъ Гавриловичъ приказали».

Рыковскія щедроты въ отношеніи согражданъ превознесли его престижъ въ ихъ глазахъ столь высоко, что, по справедливости, онъ былъ истиннымъ хозяиномъ города, а вся собирательная муниципальная власть, отъ городскаго головы до послѣдняго думскаго писца, за удовольствіе и честь считала въ своей служебной дѣятельности рабски повиноваться его внушеніямъ и велѣніямъ.

На городскихъ выборахъ должные банку избиратели и гласные всегда выбирали только лицъ, указанныхъ Рыковымъ. Въ Думѣ Рыковъ садился рядомъ съ головой, и по каждому вопросу, предлагавшемуся на обсужденіе гласныхъ, прежде всѣхъ высказывалъ *свое* мнѣніе, каковое и принималось всѣмъ собраніемъ безъ аппелляцій. Если же и бывали протесты, то они всегда оставлялись Думой безъ вниманія.

Для разсмотрѣнія годовыхъ отчетовъ банка думскія собранія назначались по нарочитымъ рецептамъ Рыкова, не стѣснявшагося никакимъ плутовствомъ для удаленія отъ этихъ собраній лицъ, почему-либо казавшихся ему неудобными и не безопасными: однихъ изъ таковыхъ лицъ подъ благовиднымъ предлогомъ удаляли предъ собраніями изъ города, другимъ не присылали повѣстокъ, третьимъ вручали ихъ за нѣсколько минутъ до засѣданія, да и самыя засѣданія начинались въ необычно поздніе часы, иногда даже послѣ полуночи, и т. п. Этимъ достигалось то, что отчеты утверждались безъ преній и разсмотрѣнія и послѣ того Рыкову за его банковую дѣятельность выражалась признательность Думы.

Одиночные протесты, правда, раздавались, но конечно успѣха имѣть не могли. Такъ, еще въ 1868 г. нѣкто Леоновъ, во главѣ другихъ шести обывателей, предостерегалъ Думу на счетъ банка и состоянія его операцій, но ихъ заявленіе было оставлено *безъ послѣдствій*. Черезъ 6 лѣтъ, въ 1874 г., ихъ же заявленіе отъ губернатора Волкова возвращено *не разсмотрѣннымъ*, какъ написанное *не по формѣ*. Жалобы, посылавшіяся

министерству финансовъ, оставлялись безъ вниманія то потому, что представлялись не на гербовой бумагѣ, то потому, что министерство признавало себя не компетентнымъ къ ихъ разсмотрѣнію. Въ виду сего граждане рѣшились прекратить ихъ, окончательно укрѣпившись въ мысли, что *борьба съ Рыковымъ невозможна*. И дѣйствительно, вліяніе его въ городѣ было почти безгранично. Всѣ вѣровали въ Ивана Гавриловича Рыкова, «*все равно какъ въ Бога*, и трепетали передъ нимъ».

А онъ упрочивалъ это вліяніе связями съ бюрократическимъ міромъ, какъ губернскимъ такъ и столичнымъ, заводя должниковъ въ самыхъ различныхъ чиновничьихъ сферахъ, благодѣтельствуя то кредитомъ, то наличными подачками рѣшительно всѣмъ, кому можно было. Такъ, на постоянномъ жалованьи у Рыкова состояли: исправникъ и его помощникъ, помощники пристава, мировой судья, секретарь городской управы, директоръ и инспекторъ реальнаго училища, причты двухъ городскихъ церквей, соборные пѣвчіе, городскіе трубочисты, полицейскіе нижніе чины, телеграфисты, секретарь полицейскаго управленія, судебные пристава, писцы мироваго судьи, почтмейстеръ. Кредитомъ банка пользовались: совѣтникъ Рязанскаго губернскаго правленія Румянцевъ, членъ Тульскаго окружнаго суда Бабинъ, Рязанскій вице-губернаторъ Волковъ, Рязанскій губернаторъ Болдыревъ, прокуроръ Рязанскаго окружнаго суда Полторацкій, князь Оболенскій, графъ Граббе, сенаторъ Червинскій, генералъ-лейтенантъ Фишеръ, дворянскіе предводители Рюминъ и Рѣдкинъ, и т. д. т. п.

На городскихъ выборахъ должные банку избиратели и гласные всегда выбирали только лицъ, указанныхъ Рыковымъ. Въ Думѣ Рыковъ садился рядомъ съ головой, и по каждому вопросу, предлагавшемуся на обсужденіе гласныхъ, прежде всѣхъ высказывалъ *свое* мнѣніе, каковое и принималось всѣмъ собраніемъ безъ аппелляцій. Если же и бывали протесты, то они всегда оставлялись Думой безъ вниманія.

Для разсмотрѣнія годовыхъ отчетовъ банка думскія собранія назначались по нарочитымъ рецептамъ Рыкова, не стѣснявшагося никакимъ плутовствомъ для удаленія отъ этихъ собраній лицъ, почему-либо казавшихся ему неудобными и не безопасными: однихъ изъ таковыхъ лицъ подъ благовиднымъ предлогомъ удаляли предъ собраніями изъ города, другимъ не присылали повѣстокъ, третьимъ вручали ихъ за нѣсколько минутъ до засѣданія, да и самыя засѣданія начинались въ необычно поздніе часы, иногда даже послѣ полуночи, и т. п. Этимъ достигалось то, что отчеты утверждались безъ преній и разсмотрѣнія и послѣ того Рыкову за его банковую дѣятельность выражалась признательность Думы.

Одиночные протесты, правда, раздавались, но конечно успѣха имѣть не могли. Такъ, еще въ 1868 г. нѣкто Леоновъ, во главѣ другихъ шести обывателей, предостерегалъ Думу на счетъ банка и состоянія его операцій, но ихъ заявленіе было оставлено *безъ послѣдствій*. Черезъ 6 лѣтъ, въ 1874 г., ихъ же заявленіе отъ губернатора Волкова возвращено *не разсмотрѣннымъ*, какъ написанное *не по формѣ*. Жалобы, посылавшіяся

министерству финансовъ, оставлялись безъ вниманія то потому, что представлялись не на гербовой бумагѣ, то потому, что министерство признавало себя не компетентнымъ къ ихъ разсмотрѣнію. Въ виду сего граждане рѣшились прекратить ихъ, окончательно укрѣпившись въ мысли, что *борьба съ Рыковымъ невозможна.* И дѣйствительно, вліяніе его въ городѣ было почти безгранично. Всѣ вѣровали въ Ивана Гавриловича Рыкова, *«все равно какъ въ Бога,* и трепетали передъ нимъ».

А онъ упрочивалъ это вліяніе связями съ бюрократическимъ міромъ, какъ губернскимъ такъ и столичнымъ, заводя должниковъ въ самыхъ различныхъ чиновничьихъ сферахъ, благодѣтельствуя то кредитомъ, то наличными подачками рѣшительно всѣмъ, кому можно было. Такъ, на постоянномъ жалованьи у Рыкова состояли: исправникъ и его помощникъ, помощники пристава, мировой судья, секретарь городской управы, директоръ и инспекторъ реальнаго училища, причты двухъ городскихъ церквей, соборные пѣвчіе, городскіе трубочисты, полицейскіе нижніе чины, телеграфисты, секретарь полицейскаго управленія, судебные пристава, писцы мироваго судьи, почтмейстеръ. Кредитомъ банка пользовались: совѣтникъ Рязанскаго губернскаго правленія Румянцевъ, членъ Тульскаго окружнаго суда Бабинъ, Рязанскій вице-губернаторъ Волковъ, Рязанскій губернаторъ Болдыревъ, прокуроръ Рязанскаго окружнаго суда Полторацкій, князь Оболенскій, графъ Граббе, сенаторъ Червинскій, генералъ-лейтенантъ Фишеръ, дворянскіе предводители Рюминъ и Рѣдкинъ, и т. д. т. п.

Всѣ эти долги были безъ отдачи, потому что и самъ Рыковъ не любилъ требовать ихъ отъ такихъ должниковъ, предпочитая держать ихъ въ матеріальной отъ себя зависимости на случай надобности.

Въ процессѣ Скопинскаго банка находятся указанія и на матеріальную зависимость отъ Рыкова чиновниковъ министерства финансовъ, чѣмъ, конечно, и объясняются поблажки ему со стороны кредитной канцеляріи этого министерства, которая еще лѣтъ за пять до краха *знала*, что онъ неизбѣженъ, что отчеты составляются лживые, въ книгахъ завелись подлоги въ родѣ фиктивной продажи и покупки цѣнностей, и т. п., но ограничилась тѣмъ, что *поставила* это ему *на видъ* и словесно обязала его этого впредь не дѣлать.

По этому поводу впослѣдствіи, на судѣ, самъ Рыковъ высказалъ не безосновательное сожалѣніе, что министерство финансовъ только *совѣтовало*, а *не приказывало* прекратить допущенныя имъ неправильности, что не было въ то время *узды* для банковыхъ дѣятелей.

Зато, когда давно ожидавшійся крахъ послѣдовалъ, оказалось, что всѣ вкладчики, числомъ до 6000 чел. (духовенство, чиновники и военные, церкви и монастыри), ограблены приблизительно на сумму слишкомъ 8 милл. р., изъ которыхъ часть ушла на кредитъ чиновникамъ, часть на подкупъ мѣстныхъ властей, часть на пожертвованія и филантропическіе расходы, весьма значительная часть въ карманы скопинскихъ обывателей, и самимъ Рыковымъ взято отъ 1 до

1½ милл. р. Вмѣстѣ же съ процентами онъ оказался должнымъ банку свыше 7 милл. р., располагая имуществомъ всего лишь на 150,000 р.

Что касается періода своего Скопинскаго единодержавія, Рыковъ во все его продолженіе являлъ себя истиннымъ азіатскимъ деспотомъ: будучи, по словамъ свидѣтеля Бернарда, человѣкомъ грубымъ и несноснымъ, въ банкѣ онъ не допускалъ никого до серьезнаго участія въ дѣлахъ, и дѣлалъ единственно то, чего самъ хотѣлъ. Остальные всѣ были такъ, «для счету, для числа». Съ каждаго служащаго отбиралась подписка—хранить всѣ дѣла банка въ тайнѣ. Въ городской публичной библіотекѣ, по распоряженію Рыкова, скрывались отъ читателей тѣ нумера газетъ и журналовъ, гдѣ случались неблагопріятные отзывы о немъ или о банкѣ; иногда такіе нумера не достигали своихъ подписчиковъ и чрезъ почту; на той же почтѣ задерживались письма съ корреспонденціями о немъ или о банкѣ, посылавшіяся въ редакціи разныхъ газетъ. Во всѣхъ сферахъ городской жизни Рыковъ пользовался властью самодержавной. Не даромъ однажды онъ сказалъ: «велика птица исправникъ! Захочу и вагонъ исправниковъ мнѣ привезутъ». По его требованію мировой судья даже съ судебными уставами не церемонился, подвергая отвѣтчиковъ даже по гражданскимъ дѣламъ приводу на судъ черезъ полицію.

Черезъ полицію же онъ выгонялъ изъ города, кого хотѣлъ. Одинъ изъ служащихъ банка, Финогеновъ, жилъ на квартирѣ у нѣкоего Брежнева съ сослуживцами своими, Ланскими. Однажды

явился къ нимъ, *по приказанію* Рыкова, *переданному исправникомъ*, помощникъ пристава, и развелъ ихъ всѣхъ по разнымъ квартирамъ. Такъ они по волѣ Рыкова и должны были разъѣхаться, а впослѣдствіи одного изъ Ланскихъ Рыковъ и вовсе выгналъ изъ города, запретивъ его держать гдѣ-либо на квартирѣ. Доктору Битному-Шляхту, за ссору съ Рыковымъ, пришлось поплатиться переводомъ изъ Скопина со службы въ Касимовъ. А съ нѣкіимъ дворянином Мухановымъ, служившимъ въ банкѣ и не понравившимся директору, обошлись съ истинно-азіатскою простотой: разочли, отправили на вокзалъ, усадили въ вагонъ и такимъ образомъ выпроводили изъ города. Также точно распорядились и съ библіотекаремъ, г. Бернардъ.

Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно; все это было бы невѣроятно, когда бы не было такъ несомнѣнно.

Но что всего грустнѣе и, къ истинному прискорбію всякаго честно мыслящаго гражданина, всего несомнѣннѣе, это—роковая живучесть Рыкова среди нашихъ всевозможныхъ самоуправляющихся обществъ. Напрасно думаютъ, что Рыковъ сосланъ и влачитъ жалкое существованіе тамъ гдѣ-то въ Сибирскихъ тундрахъ: рѣдкая волость, рѣдкое городское сословіе, рѣдкая городская дума не обладаетъ своимъ Рыковымъ того или другаго размѣра, отъ самыхъ грандіозныхъ до самыхъ микроскопическихъ. Духъ Ивана Гавриловича, его принципы, заключающіеся въ отрицаніи всякихъ принциповъ, его пріемы, состоящіе изъ наглости и безстыдства, обмана и нрав-

ственнаго насилія, живутъ и будутъ жить у насъ дотолѣ, пока правительство не покинетъ своего равнодушія къ общественному самоуправленію и не очиститъ его, въ сущности, плодородной нивы отъ сорныхъ травъ, заглушившихъ ее за эти двадцать пять лѣтъ ея *безпризорнаго* прозябанія. Лучшее тому доказательство — чтобъ не ходить далеко—лѣтописи нашего московскаго общественнаго и сословнаго самоуправленія.

Хотя Москва не дошла еще въ своихъ внѣшнихъ муниципальныхъ распорядкахъ до чего-либо подобнаго Скопинскимъ, Орловскимъ и инымъ безобразіямъ, но полнѣйшая тождественность муниципальнаго режима, одинаковость пріемовъ, практикуемыхъ представителями и вождями самоуправленія, замѣчательное сходство ихъ дѣловаго направленія и настроенія съ направленіемъ и настроеніемъ ихъ провинціальныхъ прототиповъ, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что и столичное самоуправленіе отъ прискорбной судьбы провинціальнаго отдѣлено только временемъ.

Въ частности Москва уже и теперь, изъ 25-лѣтней исторіи своего самоуправляющагося муниципалитета, можетъ указать цѣлый рядъ фактовъ, если и не вполнѣ достойныхъ стать на ряду съ образчиками Рыковскаго и Авиловскаго самоуправства, то по практическому характеру своему болѣе или менѣе, къ нимъ близкихъ и имъ сродныхъ, а по нравственному значенію и внутреннему смыслу съ ними и вовсе тождественныхъ.

Мысленно припоминая эту исторію, съ перваго своего дня и доселѣ прошедшую на нашихъ глазахъ, можемъ, положа руку на сердце, сказать, что въ ней ни одного дня не приходится на долю того, что принято опредѣлять терминомъ *самоуправленія*, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе водворяется, растетъ и укрѣпляется одно самоуправство главарей муниципальнаго управленія съ ихъ ближайшими сотрудниками, карьеристами общественной службы — самоуправство, поощряемое изумительными къ нему равнодушіемъ и апатіей чуть не двухъ сотъ истинныхъ, по теоріи законодателя, правителей города, и *еще болѣе изумительной безучастностью всего населенія*.

Дебютомъ московскаго самоуправленія, до воцаренія въ немъ гостиннодворскихъ традицій и идеаловъ, явилось, какъ извѣстно, газовое освѣщеніе. Почему первѣйшая заботливость горожанъ устремилась именно къ этому предмету городскаго хозяйства, хотя въ то время, какъ и теперь, ¼ вѣка спустя, не доставало даже воды для питья? Да потому, что горожанъ объ этомъ и не спрашивали, а гласные остались безгласными предъ волей городскаго головы. А головой былъ князь Щербатовъ, аристократъ по рожденію и воспитанію, европеецъ по образу жизни, вкусамъ и привычкамъ, газовый же свѣтъ въ ту эпоху составлялъ послѣднее слово городскаго комфорта и освѣтительной техники.

Что касается реализаціи этого послѣдняго слова на практикѣ, въ этомъ отношеніи юный самоуправляющійся муниципалитетъ во-очію доказалъ всему свѣту, что онъ былъ совершенно

неспособенъ къ удовлетворительному рѣшенію задачи, за которую взялся: нельзя, при этомъ, сказать, что онъ оказался выше этой задачи, или ниже ея—нѣтъ, онъ какъ-то странно перескочилъ черезъ нее, такъ и оставивъ ее нерѣшенною.

Дѣло газоваго освѣщенія осуществилось такимъ удивительнымъ способомъ, при которомъ и предприниматели, вошедшіе въ договоръ съ Москвою, неоднократно радикально разорялись, и газовые фонари своимъ мракомъ и тьмою успѣшно соперничали съ своими масляными и керосиновыми конкуррентами, и городъ ограничился въ своихъ освѣтительныхъ вожделѣніяхъ сравнительно необширною площадью, заключенною въ поясѣ Землянаго вала, и обыватели ничуть не увлеклись этимъ усовершенствованнымъ видомъ освѣщенія, упорно игнорируя его со дня его возникновенія и доселѣ.

Подробное разсмотрѣніе и изученіе всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла однихъ приводило къ заключенію, что въ его неожиданномъ фіаско виновато самоуправленіе, другихъ — заставляло обвинять предпринимателей, но если дерево познается по плодамъ, и труды человѣческіе оцѣниваются сообразно проистекающей отъ нихъ пользѣ, то, избѣгая излишнихъ подробностей, нельзя не признать, что древо муниципальной мудрости, возрастившее столь кислый и горькій плодъ, каково наше газовое освѣщеніе, не далеко ушло отъ евангельской безплодной смоковницы, и муниципальные труды, подъятые для насажденія и произращенія такого плода, заслуживаютъ развѣ

самой дешевой оцѣнки и ровно никакой признательности со стороны населенія.

Послѣдующими дѣяніями молодаго самоуправленія на пути муниципальной славы явились сооруженія мостовъ.

Этими сооруженіями самоуправленіе опять не столько серьезно занялось, сколько увлеклось: начавъ ихъ съ Бородинскаго моста, въ которомъ, дѣйствительно, съ незапамятныхъ временъ ощущалась настоятельная потребность, ибо существовавшій деревянный Дорогомиловскій мостъ на все время весенняго разлива Москвы-рѣки отрѣзалъ всякое сообщеніе съ городомъ для цѣлой Дорогомиловской слободы съ окружающими ее фабриками, заводами и пригородными поселками — городъ продолжалъ свою дѣятельность въ этомъ направленіи послѣдовательною постройкою мостовъ: Краснохолмскаго— который вовсе ужъ не представлялъ такой жгучей необходимости для населенія, ибо находится въ разстояніи не болѣе 1½ верстъ отъ постояннаго же Москворѣцкаго моста; такъ называемаго Высокаго чрезъ Яузу — въ которомъ сказывалось еще меньше надобности, ибо онъ расположенъ въ ¼ в. отъ постояннаго же такъ называемаго Яузскаго моста; затѣмъ Коммиссаріатскаго, находящагося не болѣе, какъ въ ½-верстѣ отъ Москворѣцкаго, далѣе Крымскаго, расположеннаго въ довольно близкомъ разстояніи отъ большаго Каменнаго моста, и, наконецъ, Новоспасскаго, стоящаго тоже въ весьма недалекомъ разстояніи отъ Краснохолмскаго.

Всѣ эти сооруженія и каждое порознь, и взятыя въ совокупности, потребовали затраты огромнаго капитала, и хотя нельзя отрицать и значительной пользы, какую они приносятъ населенію, облегчая ему пути сообщенія, но нельзя не признать и того, что по части этого рода сооруженій самоуправленіе слишкомъ не въ мѣру проявило усердія: изо всѣхъ этихъ мостовъ съ тремя-четырьмя по крайней мѣрѣ можно бы было пообождать, обративъ издержанныя на нихъ огромныя суммы на удовлетвореніе массы другихъ потребностей населенія, въ которыхъ нужда ощущалась и тогда, какъ ощущается и теперь, между тѣмъ какъ по иному изъ этихъ мостовъ пройдетъ и проѣдетъ какая-нибудь сотня-другая людей въ цѣлый день.

Еще болѣе усердія не по разуму выказало самоуправленіе легкомысленною затратой крупной суммы городскихъ денегъ на постройку такъ называемаго Крытаго рынка: это аляповатое, не приспособленное къ нуждамъ торговцевъ сооруженіе, чуть не цѣлый десятокъ лѣтъ пустовавшее за совершеннымъ отсутствіемъ съемщиковъ, и доселѣ безобразитъ собою одну изъ городскихъ площадей, служа непререкаемымъ доказательствомъ, что подъ эгидой самоуправленія возможны какія угодно злоупотребленія общественныхъ средствъ, помимо дѣйствительныхъ потребностей, на блажныя фантазіи праздномыслія или даже на удовлетвореніе алчныхъ вожделѣній недобросовѣстности.

Исторія построенія этого неудачнаго рынка повѣствуетъ, что о немъ не только никто ни

изъ обывателей, ни изъ торговцевъ не ходатайствовалъ предъ самоуправленіемъ, но даже и не намекалъ, и явился онъ сюрпризомъ и для тѣхъ и для другихъ, и сюрпризомъ рѣшительно не нужнымъ, ибо многіе годы ни на одно изъ его въ высшей степени неудобныхъ торговыхъ помѣщеній не находилось нанимателей.

Значитъ, какъ первая о немъ мысль зародилась, такъ и ея практическое осуществленіе совершилось вовсе безъ участія не только городскихъ жителей, но и представителей, а развѣ съ вѣдома и по желанію немногочисленной группы аферистовъ, успѣвшей возобладать надъ самоуправленіемъ.

Между тѣмъ обывательскихъ средствъ это негодное сооруженіе поглотило весьма достаточную сумму, помнится, около 100 тыс. р., и уже тогда только, когда этотъ капиталъ былъ такъ непроизводительно затраченъ, обнаружилось, что зданіе воздвигалось безъ всякаго соображенія съ нуждами и желаніями людей, для которыхъ предназначалось, или, говоря проще, строилось невѣдомо зачѣмъ, и только дискредитировало предъ населеніемъ авторитетъ самоуправленія, представляемаго Думой, дотолѣ ничѣмъ серьезно не поколебленный.

Изъ дальнѣйшихъ предпріятій нашего самоуправленія, осуществленныхъ въ ближайшій къ намъ періодъ времени, особенно выдаются: постройка Александровскихъ казармъ, эксплоатація Сокольничьей рощи и сооруженіе бойни. Каждое изъ нихъ служитъ, въ той или другой степени, неопровержимымъ свидѣтельствомъ, что съ по-

стройки Крытаго рынка начался новый періодъ московскаго самоуправленія, т. е. періодъ постепеннаго торжества ничуть не симпатичныхъ пріемовъ городскаго хозяйствованія, впервые обнаружившихся, безъ особенной впрочемъ смѣлости и дерзости, въ исторіи этого сооруженія; поэтому каждое изъ нихъ, полагаемъ, заслуживаетъ болѣе или менѣе обстоятельнаго упоминанія.

Постройка казармъ совершилась при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Во исполненіе Высочайшей воли Дума рѣшила ее въ размѣрахъ, удовлетворительныхъ для помѣщенія двухъ полковъ. По ст. 16-й Высочайше утвержденнаго Положенія о преобразованіи воинской квартирной повинности, приступать къ этой постройкѣ слѣдовало не иначе, какъ по разсмотрѣніи думскихъ проектовъ Строительнымъ Отдѣленіемъ Губернскаго Правленія и особыми лицами по назначенію мѣстнаго воинскаго начальства, обсужденіи ихъ въ особомъ Губернскомъ Распорядительномъ Комитетѣ и утвержденіи военнымъ министерствомъ.

Наше самоуправленіе, напротивъ, начало какъ разъ съ того, чѣмъ слѣдовало кончать, т. е. сначала приступило къ постройкамъ, а затѣмъ уже представило проекты на разсмотрѣніе указанныхъ вѣдомствъ, такъ что, когда первая изъ этихъ инстанцій приступила только къ осмотру мѣстности, выбранной для постройки, то застала работы уже въ полномъ ходу, и не только фундаментъ, но даже и часть стѣнъ выведенными.

Между тѣмъ представленные на разсмотрѣніе и утвержденіе проекты оказались никуда негод-

ными. Такъ, протоколомъ Строительнаго Отдѣленія Губернскаго Правленія отъ 15 декабря 1877 г. они признаны были неудовлетворительными, вслѣдствіе чего и были возвращены въ Городскую Управу для передѣлки. Постройки, однако, это обстоятельство не остановило.

Вслѣдъ затѣмъ поступила въ Управу записка депутатовъ военнаго вѣдомства, съ своей стороны признававшая эти проекты тоже негодными, и полагавшая необходимымъ постройку остановить, а проекты подвергнуть надлежащимъ измѣненіямъ и предварительному разсмотрѣнію въ вышеуказанномъ порядкѣ.

Управа, не останавливая и послѣ того постройки, а напротивъ, еще ретивѣе продолжая ее, передѣлала, однако, проектъ (при чемъ не преминула составить и дополнительную смѣту на переломку, измѣненія и дополненія сообразно измѣненному проекту, въ суммѣ 434.533 р. 57 к.), но препроводила его уже не въ Строительное Отдѣленіе Губернскаго Правленія, какъ бы слѣдовало, а прямо въ Губернскій Распорядительный Комитетъ.

Послѣдній, впрочемъ, не замедлилъ передать его на заключеніе тогоже Строительнаго Отдѣленія, и такъ какъ нѣкоторыя изъ сдѣланныхъ Управѣ указаній и новымъ проектомъ не были приняты во вниманіе, то и возникли новыя пререканія, представленныя на рѣшеніе военнаго министра.

Постройка, тѣмъ временемъ, все продолжалась, благо къ прежде ассигнованнымъ средствамъ при-

соединены были и указанные новой дополнительной смѣтой чуть не полмилліона рублей. А въ Петербургѣ, по распоряженію военнаго министра, учреждена была, при Главномъ Инженерномъ Управленіи, особая коммиссія для разсмотрѣнія присланнаго дѣла и разбора возникшихъ пререканій, при чемъ Управѣ было предложено командировать уполномоченныхъ для засѣданія въ этой коммиссіи—одного изъ ея членовъ и двухъ архитекторовъ.

Выборъ управы палъ на строителя Крытаго рынка, г. Холмскаго, и архитекторовъ Попова и Залѣсскаго. Результатомъ ихъ поѣздки явилась новая дополнительная смѣта въ 63,000 слишкомъ рублей, составившая, вмѣстѣ съ другими дополнительными же смѣтами, такой сюрпризъ городу въ 520 слишкомъ тысячъ рублей, что Управа признала за лучшее до поры до времени вовсе не заявлять о немъ ни плательщикамъ, ни ихъ представителямъ, и городъ впервые о немъ узналъ чуть ли не черезъ два года послѣ того, какъ деньги были израсходованы Управой даже *безъ спроса и безъ думской ассигновки.*

Но и всѣ эти мытарства не привели дѣла къ концу и оказались необходимыми новыя ходатайства о томъ, чтобы, во вниманіе къ цѣнности матеріаловъ, дозволено было не ломать нѣкоторыя части каменныхъ построекъ, сложенныхъ на цементѣ, а для сокращенія расхода нѣкоторыя каменныя стѣны замѣнить деревянными, и только послѣ этихъ ходатайствъ просимое раз-

рѣшеніе послѣдовало, чѣмъ и окончились всѣ препирательства.

Какже, по крайней мѣрѣ, наше самоуправленіе, не справлявшееся съ законами и тѣмъ причинившее городу свыше чѣмъ ½-милліонный убытокъ— совершило самое дѣло, т. е. хорошо ли и добросовѣстно ли исполнило постройку?

Увы! Отвѣтъ и на этотъ вопросъ не можетъ быть удовлетворительнымъ. Пишущій эти строки въ свое время имѣлъ случай двукратно осматривать казарменныя постройки и второй разъ, желая провѣрить свои наблюденія, произвелъ подробный осмотръ казармъ въ сообществѣ съ архитекторомъ Фрейденбергомъ, какъ патентованнымъ спеціалистомъ дѣла. Результаты обоихъ осмотровъ оказались въ высшей степени неутѣшительными, равно какъ и заключенія особой коммиссіи, назначенной Думою, подъ предсѣдательствомъ гласнаго, проф. Муромцева, для разсмотрѣнія отчета по постройкѣ казармъ и освидѣтельствованія ихъ. Только коммиссія Московскаго Архитектурнаго Общества въ своемъ заключеніи высказалась иначе, но за то записка полковника Таубе явилась подтвержденіемъ двухъ предыдущихъ заключеній.

Такимъ образомъ, къ имѣвшимся въ дѣлѣ мнѣніямъ о проектѣ казармъ Строительнаго Отдѣленія Московскаго Губернскаго Правленія и депутатовъ военнаго вѣдомства, а равно и заключеніямъ, явившимся въ результатѣ нашего осмотра казармъ совмѣстно съ г. Фрейденбергомъ, прибавились: заключенія Думской коммиссіи,

мнѣніе коммиссіи Архитектурнаго Общества, и наконецъ, записка полковаго командира, полковника Таубе, съ практическими замѣчаніями о неудобствахъ обитанія нововыстроенныхъ казарменныхъ помѣщеній.

Сопоставленіе всѣхъ этихъ мнѣній и отзывовъ, и по ихъ существу, и по ихъ разнохарактерности, на столько интересно, что мы считаемъ болѣе удобнымъ, ради наглядности, изложить ихъ въ видѣ таблицы, не отступая, притомъ, и отъ хронологическаго порядка. Вотъ они:

I.	II.
«Въ проектахъ (по постройкѣ казармъ) не обозначены способъ отвода дождевыхъ и грунтовыхъ водъ, изолированіе фундаментовъ и подваловъ отъ сырости, отопленіе и вентиляція»... «Зданія не имѣютъ брантмауеровъ выше крыши»..... «Расположеніе офицерскихъ квартиръ крайне неудобно;... карцерныя печи расположены не у капитальныхъ стѣнъ;... помѣщеній для писарей и учебной команды вовсе не имѣется», и пр. и пр. «Вообще проекты казармъ какъ въ техническомъ отношеніи, такъ и по расположенію и вмѣстимости составлены неудовлетворительно»... (Мнѣніе Строительнаго Отдѣленія Моск. Губ. Правленія—протоколъ 15 дек. 1877 г.)	«Гигіена и выработанное на ея началахъ Высочайше утвержденное Положеніе въ проектахъ игнорированы»..... «Вся мѣстность, прилегающая непосредственно къ заднему фасу казарменныхъ зданій, покрыта сплошь испражненіями воловъ, такъ какъ съ давнихъ поръ мѣсто это служитъ для стоянки гуртовъ, которые нерѣдко заносятъ заразительныя болѣзни»..... «Форма и группировка казармъ и относящихся къ нимъ строеній въ гигіеническомъ отношеніи избраны наихудшія;... корридоры, соединяющіе ретирады, слишкомъ коротки;... стѣнъ нѣтъ, а все столбы, и потому пирамидъ для ружей, ранцевъ, котелковъ, патронныхъ сумокъ и пр. негдѣ повѣсить»... «Въ двухъ ротахъ нѣтъ комнатъ ни для унтеръ-офицеровъ, ни для вольноопредѣляющихся;... по числу ротъ недостаетъ очаговъ, нѣкоторыя столовыя удалены отъ кухонь на столько, что придется подносить пищу на разстояніи до 43 саж.»... «Въ классныхъ комнатахъ учебной команды, гдѣ ученики находятся почти весь день, нечѣмъ будетъ дышать, а размѣщеніе таково, что часть учениковъ не въ состояніи будетъ даже слышать голоса учителя»... «Въ фасадѣ явное противорѣчіе съ пла-

номъ»..... «Проектъ составленъ крайне неудовлетворительно, такъ какъ, не смотря на громадныя затраты, кромѣ рутинныхъ образцовъ казармъ, могущихъ быть годными за полстолѣтіе назадъ, не введено ничего того, что въ послѣднее время указали опытъ и наука»..... (Мнѣніе инженеровъ и депутатовъ военнаго вѣдомства).

III.

«Три двора были болѣе чѣмъ на половину залиты водой;... дворы не только не замощены, но даже не спланированы для надлежащаго стока, хотя за спланировку ихъ заплачено 3735 р. 54 к... Входъ на чердакъ въ офицерскомъ корпусѣ по деревянной лѣстницѣ, а всѣ потолочныя балки совершенно открыты и отъ пожара не защищены. Помои во всѣхъ корпусахъ выносятся саженъ за 40 отъ строенія, вслѣдствіе чего кадки съ помоями и отбросами стоятъ въ корридорахъ или на черныхъ лѣстницахъ (даже въ офицерскомъ корпусѣ)... Въ солдатскихъ корпусахъ всѣ нижніе этажи сыры, а мѣстами стѣны совершенно мокры и покрыты плѣсенью даже выше подоконниковъ. Въ помѣщеніи 6-й роты Нарвскаго полка во время сильной оттепели «вода, по словамъ обитателей, въ родѣ ключа бѣжитъ на полъ сквозь стѣну». Въ лазаретѣ, въ кухонномъ отдѣленіи, стѣна такъ сыра, что матрацъ на кровати, стоящей около нея, оказался совершенно мокрымъ; въ пріемномъ покоѣ и въ помѣщеніи полковаго каптенармуса холодно какъ въ погребѣ, ибо тепло изъ душниковъ не идетъ. Кровати въ спальнѣ нестроевой роты того же полка помѣщены частью у совершенно сырыхъ стѣнъ, за неимѣніемъ другаго мѣста, и по отзывамъ обитателей, по утрамъ тяжело вставать отъ головной боли; вообще въ этой части казармъ очень холодно. Въ комнатѣ фельдшера и сосѣдней съ нею, гдѣ работаютъ сапожники, никакого отопленія нѣтъ. Столярная работа по всѣмъ казармамъ въ высшей степени не-

VI.

Приступая къ постройкѣ казармъ безъ разсмотрѣнія и утвержденія проекта въ спеціальныхъ, для того указанныхъ закономъ учрежденіяхъ, городъ, очевидно, «рисковалъ, что выстроенныя казармы или вовсе не будутъ приняты или ихъ придется передѣлывать»....

Первая «передѣлка въ проектѣ повлекла за собою увеличеніе смѣтной стоимости построекъ на 359,986р. (а не на 434,533 р. 57 к., какъ ошибочно исчислено въ докладѣ Городской управы за № 125)» *).

Вся «стоимость казармъ — 2,095,778 р. 54 к. (а не 2,115, 121 р. 17 к., какъ ошибочно напечатано въ докладѣ Управы и не 2,056,108р. 55¾ к., какъ выводитъ исполнительная коммиссія). Такимъ образомъ передержка противъ смѣты—521,663 р. 65 к.» **). Объ этой передержкѣ городская Дума была извѣщена «почти черезъ два года послѣ того, какъ деньги были израсходованы, докладомъ Управы за № 125», который, въ свою очередь, «былъ разсмотрѣнъ Думой только черезъ годъ по его представленіи», при чемъ всѣ распоряженія Управы были утверждены.

«Не найдено актовъ: о пріемѣ 800 тыс.кирпича, о работахъ подрядчиковъ Александрова и Веденѣева на сумму 10,683 р. (хотя и уплачено имъ 9,614 р. 70 к.), обмѣра работъ Губонина; нѣкоторыя смѣты вовсе не были провѣрены Городскою Управой (даже смѣта въ

*) Какова ошибка на 75.000 р.!

**) Тогда какъ исполнительная коммиссія указывала на экономію въ 400 слишкомъ тыс. р.! Такова бухгалтерія!

летворительна. Форточки въ хъ могутъ отворяться въ большствѣ случаевъ не иначе, какъ помощи лѣстницъ...» и т. д. т. п. Ьчанія, явившіяся результата осмотра казармъ, произведенавторомъ при участіи архиора Фрейденберга).

31,609 р. 47 к., по мастерскимъ). Въ отчетѣ исполнительной коммиссіи по солдатскимъ корпусамъ кирпича показано по каждому корпусу болѣе надлежащаго на 75348 шт.»

«Обстановка всего дѣла не мало повліяла на увеличеніе количества израсходованнаго кирпича сравнительно съ количествомъ, исчисленнымъ по смѣтамъ. Тоже повторилось и относительно бутовой кладки въ фундаментахъ».

«Вмѣсто исчисленныхъ по смѣтамъ 588 пуд. пакли употреблено было въ дѣло 2456 пуд., ибо подрядчикъ конопатныхъ работъ не былъ заинтересованъ соблюденіемъ экономіи въ хозяйскомъ матеріалѣ... Нѣкоторымъ подрядчикамъ работа была сдана по цѣнамъ слишкомъ высокимъ... Всѣ вышеприведенныя обстоятельства были прямымъ послѣдствіемъ хозяйственнаго способа производства работъ, руководимыхъ, по видимому, людьми не совсѣмъ опытными и знакомыми со всѣми подробностями строительнаго дѣла...»

Казармы «выстроены прочно и *безъ существенныхъ недостатковъ*... Въ полуподвальныхъ этажахъ замѣчается нѣкоторая сырость, особенно въ столовыхъ...» Въ помѣщеніяхъ для склада хлѣба и оружія сырость на столько значительна, что «лишаетъ возможности сдѣлать изъ этихъ помѣщеній надлежащее употребленіе... Большая сырость въ кухняхъ нестроевыхъ ротъ...» Въ полковыхъ канцеляріяхъ вентиляція «совсѣмъ не дѣйствуетъ, воздухъ спертъ и испорченъ.... Въ ротныхъ помѣщеніяхъ воздухъ сухъ за отсутствіемъ увлажающихъ аппаратовъ. Въ лазаретѣ Копорскаго полка, въ помѣщеніяхъ аптеки и фельдшера, чрезвычайно холодно, зимою не свыше 8° тепла, а часто и меньше; многія печи въ Штабномъ корпусѣ дымятъ, а кухонный чадъ проникаетъ въ помѣщенія офицерскихъ собраній и въ квартиры, при очисткѣ ретирадъ развивается въ ротныхъ помѣщеніяхъ зловоніе, лѣтомъ же запахъ отъ ретирадъ замѣчается постоянно и помимо очистки».... (Заключенія Думской коммиссіи по разсмотрѣнію отчета и освидѣтельствованію казармъ).

V.

«Внѣшній видъ казармъ простъ, но имѣетъ художественный характеръ.»

...«Повсюду чистый воздухъ; на стеклахъ оконъ не было пота, что доказываетъ, что въ помѣщеніяхъ не было избытка влажности даже въ полуподвальномъ этажѣ»... «Въ полковыхъ лазаретахъ комнаты и корридоры свѣтлые, теплые и чистые; воздухъ чистый, особенно въ лазаретѣ, ближайшемъ къ городу».

«Казармы вообще стоятъ во всѣхъ отношеніяхъ на ряду съ лучшими изъ современныхъ зданій этого рода, какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ». (Мнѣніе коммиссіи Московскаго Архитектурнаго Общества) *).

IV.

«Въ полковомъ лазаретѣ для удовлетворенія нуждъ находящихся въ немъ нижнихъ чиновъ и приходящихъ больныхъ, всего до 150 чел., одно судно.... Дежурная комната для фельдшера такъ холодна, что не смотря ни на какія мѣры, температура не превышаетъ 5° R. Въ швальнѣ, гдѣ работаютъ до 125 чел., крайне тѣсно и не имѣется ретираднаго мѣста, какъ при всѣхъ вообще мастерскихъ... Въ плотничной мастерской нѣтъ двойныхъ дверей, сыро и холодно... Комната для фельдшера нестроевой роты сыра и холодна, какъ и комната для храненія оружія... Весь полуподвальный этажъ главнаго корпуса заливается водою, стекающею со двора... На незамощенныхъ дворахъ казармъ въ ненастное время невылазная грязь, въ сухое страшная пыль, проникающая въ казармы... Въ офицерскомъ собраніи полы почти во всѣхъ комнатахъ потрескались, мѣстами опустились и поднялись, и требуютъ частію капитальнаго ремонта, частію замѣны новыми... Въ квартирѣ командира полка въ одной комнатѣ протекаетъ сверху, въ другой крайне сыро, въ углахъ и на стѣнахъ плѣсень... Вода въ колодцахъ известковая и мало годная къ употребленію... Ступени лѣстницъ со стороны главнаго фасада такъ высоки, что въ гололедицу трудно подняться безъ посторонней помощи».... (Записка командира Копорскаго полка, полковника Таубе).

Такимъ образомъ, всѣ мнѣнія и заключенія и о проектахъ казармъ, и о выполненіи ихъ (если не считать мнѣнія Архитектурнаго Общества, которое пожелало отдѣлаться отъ серьезнаго порученія общими фразами въ разрѣзъ очевидной истинѣ), сходятся къ одному: что самоуправленіе, взявшись за эту огромную постройку, нача-

*) Такова смѣлость обращенія съ истиной цѣлой коммиссіи спеціалистовъ!

ло ее противузаконно, продолжало безтолково и безпечно и окончило скверно, промотавъ, при этомъ, свыше ½-милліона городскихъ денегъ безъ всякаго на то со стороны города полномочія и скрывая отъ него этотъ свой неслыханный поступокъ въ теченіе почти трехъ лѣтъ...

Что же, получили ли его вожаки за все это съ чьей-либо стороны *возмездіе?* Да, получили: приговоромъ Московской Думы отъ 20 октября 1880 г. постановлено всѣ распоряженія Городской Управы по постройкѣ казармъ утвердить, а предсѣдателю и членамъ исполнительной коммиссіи по этой постройкѣ выразить *глубокую благодарность Думы.*

Да еще и этого мало: городу Москвѣ за постройку такихъ казармъ исходатайствована была Высочайшая благодарность, а купцу Протопопову, какъ предсѣдателю исполнительной коммиссіи, даже орденъ Станислава 3-й степени!

Это странное торжество общественной нерадивости и недобросовѣстности, не только превознесенныхъ неразборчивою признательностью городскихъ представителей, но и удостоенныхъ даже Высочайшаго отличія, окончательно развязало руки той группѣ аферистовъ, вліяніе которой на наше самоуправленіе сказалось еще въ сооруженіи Крытаго рынка.

Но на это предпріятіе, какъ оно ни было, сравнительно, ничтожно по размѣрамъ, все же, однако, пальцами указывали, какъ на образчикъ безсмысленнаго и — говоря прямо — безсовѣстнаго расточительства обывательскихъ налоговъ. Казармы, испытавшія на себѣ хозяйственный спо-

собъ этой группы, примѣненный къ безслѣдному поглощенію болѣе полумилліона городскихъ денегъ, и еще къ пріобрѣтенію этимъ путемъ гражданскихъ отличій,—доказали, что при существующемъ строѣ гражданскихъ отношеній для подобной моли, разъ она завелась въ самоуправленіи, нѣтъ никакихъ предѣловъ и границъ, равно какъ и противъ нея, въ ея естественномъ стремленіи подтачивать общественное достояніе и благосостояніе, не выдумано средствъ...

Сокольничья роща вынесла на своихъ могучихъ вѣтвяхъ послѣдующій опытъ въ этомъ смыслѣ, сотнями необъятнаго размѣра пней, оставшихся отъ 10-и 15-саженныхъ лѣсныхъ великановъ, доказавъ, что подъ эгидою самоуправленія, даже столичнаго, возможны не однѣ двусмысленныя передержки на постройкахъ, не одни безслѣдныя исчезновенія сотенъ тысячъ оплаченныхъ городомъ кирпичей, но и прямо хищническія порубки заповѣдныхъ лѣсовъ, составляющихъ истинно безцѣнное сокровище города. Сущность этой Сокольничьей исторіи въ нашемъ самоуправленіи слѣдующая.

Вслѣдъ за уступкой, по Высочайшей милости въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра Николаевича, въ пользу города исторической Сокольничьей и Оленьей рощи и вскорѣ по введеніи въ ней муниципальнаго хозяйства по Москвѣ распространились слухи о томъ, будто это хозяйство далеко не въ добромъ порядкѣ: будто очистка лѣса отъ бурелома и сухоподстойника производится не въ мѣру широкою и либеральною рукой, и будто вмѣстѣ съ хворостомъ и

валежникомъ лѣсъ очищается и отъ величественныхъ сосенъ и елей, которыя были бы способны еще на долгіе годы служить его лучшимъ украшеніемъ и гордостью.

Небольшая кучка гласныхъ третьяго разряда, заинтересовавшись этими слухами, не полѣнилась провѣрить ихъ на мѣстѣ, и, послѣ нѣсколькихъ добровольныхъ экскурсій по 500 десятинамъ Сокольничьяго лѣса, безъ особеннаго труда убѣдилась въ ихъ основательности. Тогда отъ коновода этой кучки поступило въ Думу заявленіе съ указаніемъ на то, что хищническое истребленіе лѣса въ данномъ случаѣ особенно неблаговидно, такъ какъ городъ далеко еще не разсчитался съ казною и въ той незначительной суммѣ, за какую, по особой Высочайшей милости, пріобрѣлъ это лѣсное сокровище, обязавшись уплачивать оную съ весьма льготною разсрочкой. Къ этому указанію присоединено было и то, что при передачѣ рощи городу Августѣйшій хозяинъ ея поставилъ ему въ непремѣнную обязанность отнюдь не истреблять ея лѣсонасажденій, а заботливо пещись о ихъ сохраненіи.

Заявленіе было передано въ особую коммиссію, которая, не въ примѣръ прочимъ, энергично принялась за порученный ей трудъ. Ея энергія была благовременно поддержана покойнымъ публицистомъ Н. П. Гиляровымъ-Платоновымъ, къ которому присоединились и остальные представители тогдашней московской публицистики. Печатныя обнаруженія и обличенія полились crescendo и вызвали такое волненіе въ московскомъ обществѣ, что городской голова, честно признавши

себя нравственнымъ, по крайней мѣрѣ, виновникомъ Сокольническаго лѣсорасхищенія, счелъ необходимымъ отказаться отъ службы, а вскорѣ за нимъ послѣдовали и два наиболѣе вліятельныхъ въ то время дѣятелей Городской Управы.

Коммиссія тѣмъ временемъ продолжала ревностно трудиться надъ подробнымъ разслѣдованіемъ злоупотребленій въ Сокольничьемъ лѣсномъ хозяйствѣ, и когда окончила его, немедленно же и получила возможность убѣдиться въ безплодности своихъ трудовъ: представители города своимъ приговоромъ постановили дѣло предать волѣ Божіей и сдать въ архивъ, какъ будто устраненіемъ городскаго головы съ двумя его сотрудниками устранялись и разореніе, нанесенное драгоцѣнному городскому имуществу, и убытки, нанесенные имъ городу!

Какъ знаменіе времени отмѣчаемъ тотъ фактъ, что у самого городскаго головы хотя хватило честности скорѣе уйти въ отставку, но гражданскаго мужества на столько, чтобъ просить и требовать гласнаго разслѣдованія и суда надъ собою, чтобы очистить свое имя отъ нареканій—не оказалось...

Когда теперешнему руководителю Московскаго городскаго хозяйства пришло въ голову выдвинуть на очередь вопросъ, первоначальнымъ иниціаторомъ котораго и ревностнымъ пропагаторомъ много раньше былъ пишущій эти строки — вопросъ о сооруженіи городскихъ боенъ, ни за проектами, ни за смѣтами, ни за чужими для ихъ выполненія деньгами дѣло,

конечно, не стало: за послѣдними, въ размѣрѣ двухъ милліоновъ рублей, рѣшено было обратиться въ Берлинъ, при полной возможности получить тѣже деньги простою подпиской у себя дома; къ составленію техническаго проекта на столь сложное и дорогое сооруженіе приглашены были гг. Оберъ и Саблинъ. Они не задержали дѣла и на основаніи ни кѣмъ не разсмотрѣннаго, непровѣреннаго и никакими компетентными лицами или учрежденіями не одобреннаго ихъ проекта составлена была смѣта. Ее тоже не подвергали ни подробному разсмотрѣнію, ни провѣркѣ, и вмѣстѣ съ проектомъ выставили въ Думѣ, для ознакомленія гласныхъ съ обоими этими документами.

Пишущій эти строки, недоумѣвая подобному отношенію къ столь важнымъ для городскаго хозяйства дѣламъ, и опираясь на свою многолѣтнюю строительную практику, на теоретическія свѣдѣнія по строительной части и на спеціальное изученіе вопроса о постройкѣ боенъ въ Петербургѣ и за границей, посвятилъ цѣлую недѣлю на изученіе помянутыхъ документовъ, и въ заявленіи Думѣ, составившемъ результатъ этого изученія, высказался такъ: «Признать нынѣ представляемый проектъ достойнымъ окончательнаго утвержденія Думы, какъ того желаютъ управа и исполнительная коммиссія, нельзя уже потому, что *вопреки закону, вопреки установленному во всѣхъ вѣдомствахъ и учрежденіяхъ порядку и обычаю, вопреки,* наконецъ, *здравому смыслу*, техническій проектъ гг. Обера и Саблина на 2-милліонное и столь сложное сооруженіе не былъ не только одоб-

ренъ, но даже разсмотрѣнъ ни однимъ изъ установленныхъ для того техническихъ учрежденій. Единственный техникъ изъ числа 13 лицъ, подписавшихъ докладъ и изъявившихъ себя *компетентными* въ рѣшеніи такого рода спеціальныхъ вопросовъ—и тотъ, сколько мнѣ извѣстно, никогда не былъ ни архитекторомъ, ни гидротехникомъ, ни механикомъ, а вся дѣятельность его была сосредоточена на желѣзнодорожномъ отдѣлѣ строительнаго искусства, который въ данномъ случаѣ не имѣетъ ровно никакого примѣненія. Далѣе, изъ доклада видно, что въ городской строительный совѣтъ были переданы для провѣрки однѣ лишь смѣты, составленныя по этому проекту, *исправленному*, какъ въ докладѣ указано, 13-ю лицами соединеннаго собранія, и что итогъ, *послѣ провѣрки*, составляетъ 1,880,722 р. 77 к. Такая провѣрка 2-милліонной смѣты и самое *заявленіе* исполнительнаго органа, что смѣты провѣрены, представляютъ собой *еще болѣе прискорбное нововведеніе въ нашемъ городскомъ общественномъ управленіи*, чѣмъ даже сейчасъ указанное устраненіе техническаго института отъ дѣла техники: провѣрка смѣты не глядя въ проекты—да развѣ это физически возможно? Развѣ возможно провѣрить требуемое смѣтами количество матеріаловъ и рабочихъ, не имѣя подъ рукой плановъ и разрѣзовъ, по которымъ эти смѣты составлялись? Я просматривалъ эти 2-милліонныя, кое-гдѣ обрызганныя красными чернилами смѣты, и обязанъ заявить, что *онѣ не провѣрены, а только подписаны.*»

Голосъ этотъ остался гласомъ вопіющаго въ

пустыни: «намъ приходится первый разъ за все время входить въ такое подробное разсмотрѣніе проектовъ», сказали мнѣ ихъ составители «не поднимайте этого вопроса», добавилъ при этомъ одинъ изъ нихъ: «такъ было угодно *самому* головѣ».

Заявленіе, составившее трудъ въ нѣсколько листовъ, по краткости остававшагося до засѣданія времени, не могло быть представлено городскому головѣ въ указываемый Городовымъ Положеніемъ срокъ (за три дня до засѣданія), а на собраніи Думы, согласно предложенію ея руководителя, оставлено ею безъ разсмотрѣнія, и все, что авторъ его, побуждаемый гражданскимъ долгомъ, успѣлъ сдѣлать, это—предать все дѣло гласности.

Подобное отношеніе руководителей городскаго общественнаго самоуправленія къ его представителямъ и къ ихъ заботамъ объ интересахъ города, какъ чуждое требованіямъ Городоваго Положенія, оправдано быть, конечно, ничѣмъ не можетъ, и было бы отчасти объяснимо лишь въ томъ случаѣ, еслибы творцы проекта и смѣты представляли собою авторитетъ столь общепризнанный и безспорный, что всякая провѣрка ихъ трудовъ оказывалась бы излишней.

Но о составителяхъ проекта и смѣты по постройкѣ боенъ сказать этого отнюдь нельзя. Одинъ изъ нихъ извѣстенъ Москвѣ какъ строитель двухэтажнаго деревяннаго въ каменныхъ столбахъ Александровскаго пассажа, сооруженнаго безъ малѣйшаго слѣда какихъ-либо утвержденныхъ плановъ. Другой и вовсе никаки-

ми городскими сооруженіями въ Москвѣ не занимался, а состоялъ много лѣтъ въ провинціи начальникомъ желѣзнодорожнаго участка, а потому ни тотъ ни другой авторитетами строительнаго дѣла названы быть не могутъ.

Очевидно, выбирая ихъ на это дѣло и облекая ихъ довѣріемъ всей Москвы, олигархическій кружокъ городскаго самоуправленія пѣлъ въ унисонъ своему самодержавному владыкѣ; сей же послѣдній и на этотъ разъ, какъ и всегда, руководствовался двумя излюбленными имъ принципами: «нраву моему не препятствуй», во первыхъ, и: «или панъ, или пропалъ»—во вторыхъ.

Послѣдняя фраза, помимо своего исконнаго значенія въ ряду пословицъ и поговорокъ русскаго народа, за послѣдніе годы пріобрѣла и еще другое, частное и мѣстное значеніе, какъ основной принципъ московскаго самоуправленія, провозглашенный торжественно и откровенно его руководителемъ на публичномъ засѣданіи Думы, въ заключеніе преній о разрѣшеніи такъ называемаго водопроводнаго вопроса.

Въ этомъ засѣданіи, которое покойный издатель *Современныхъ Извѣстій* небезосновательно назвалъ *позорнымъ* (т. е. въ томъ смыслѣ, что оно окончилось отказомъ гласныхъ отъ участія въ трудахъ по одному изъ важнѣйшихъ предметовъ городскаго хозяйства), г. голова, разсуждая о различныхъ способахъ разрѣшенія этого хозяйственнаго вопроса, не безъ преднамѣреннаго, конечно, умысла высказался за избраніе, для сей цѣли, одного *какого-либо* лица и за предоставленіе этому лицу неограниченной власти дѣйствовать

по единоличному своему усмотрѣнію, т. е., какъ тогда и было указано печатью, за *водопроводную диктатуру*.

Умыселъ этотъ заключался, понятно, въ чемъ: изучивъ и интеллектуальныя, и моральныя, и соціальныя свойства и стремленія своей муниципальной паствы, предварительно достаточно выдрессировавъ ее въ искусствѣ благовременнаго, по звонку или паролю, *сидѣнья* и *вставанья*, могъ ли г. голова усомниться, что и на сей разъ она поспѣшитъ утвердить его предложеніе своею санкціей? А разъ эта санкція послѣдуетъ, кого же и облечь диктаторскою властью, какъ не самого проповѣдника диктатуры?

Какъ извѣстно, это именно и случилось: шумными овaціями новому водопроводному диктатору Дума выразила свою признательность за изъявленную имъ готовность принять хлопотливую обузу съ ея коллегіальныхъ плечъ на свои рамена, самъ же диктаторъ, въ прочувствованной рѣчи, высказалъ собранію свой взглядъ на трудную задачу, ему ввѣренную.

Смыслъ рѣчи заключался въ томъ, что водопроводъ будетъ строить онъ, голова, никогда дотолѣ никакого водопровода не строившій, ни техники, ни практики дѣла не вѣдающій; для того же, чтобы имѣть болѣе свободнаго времени для таковой пробы своихъ силъ въ водопроводномъ дѣлѣ, онъ, голова, передаетъ часть прямыхъ своихъ обязанностей своему товарищу, только-что взявшемуся за совершенно незнакомое ему дѣло двухмилліонной постройки боенъ по проектамъ, даже никѣмъ не разсмотрѣннымъ

и не утвержденнымъ; а о могущемъ послѣдовать отъ такого самоуправства результатѣ голова выразился, по отношенію къ себѣ самому, такъ: «панъ или пропалъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, повторяя думѣ обѣщаніе всегда говорить «откровенно», голова въ слѣдующихъ словахъ выяснилъ и могущія быть послѣдствія такой безшабашной постановки дѣла: «если Богъ поможетъ исполнить — поблагодарите, а не осуществится—можетъ быть и не увидите» (засѣд. 2 мая 1886 г., см. стенографическій отчетъ Гор. Думы).

Другими словами: Москва займетъ столько-то милліоновъ на устройство водопровода, чтобы оплачивать этими деньгами водопроводные опыты своего головы, купца Алексѣева, при чемъ, если за эти милліоны Богъ поможетъ ему дать городу воду, то городъ поблагодаритъ его, а если «не осуществится», т. е. если Богъ не поможетъ, то городъ не только не увидитъ воды и занятыхъ для нея милліоновъ, но, «быть можетъ, не увидитъ» и самого купца Алексѣева (какъ это и случилось при разгромѣ городскихъ рядовъ).

Въ томъ же водопроводномъ дѣлѣ встрѣчается и еще фактъ, свидѣтельствующій о томъ, какіе глубокіе корни пустили въ нашемъ самоуправленіи гостиннодворскіе пріемы неряшливаго и пренебрежительнаго обращенія съ истиной и всякаго рода лжи и обмановъ: извѣстный инженеръ В. А. Титовъ, приглашенный Думой для разсмотрѣнія проектовъ водоснабженія, составленныхъ, съ одной стороны, г. Линдлеемъ, извѣстнымъ строителемъ водопроводовъ въ нѣсколькихъ Западно-Европейскихъ городахъ, а съ другой нашими

инженерами, никогда и никакихъ водопроводовъ не строившими, гг. Кнорре, Шуховымъ и Лембке, изложилъ мнѣніе свое въ двухъ пространныхъ печатныхъ запискахъ, въ которыхъ прежде всего читателя поражаетъ вопросительный знакъ, поставленный имъ передъ словомъ «инженеровъ». По справкѣ оказалось, что знакъ этотъ выражаетъ недоумѣніе г. Титова по поводу присвоенія нѣкоторымъ изъ вышепомянутыхъ лицъ непринадлежащаго имъ званія инженеровъ, каковыми они никогда и не были; изъ дальнѣйшихъ же справокъ обнаружилось, что господа эти вовсе и проекта на водоснабженіе не составляли, а составилъ его извѣстный труженикъ нашего муниципалитета, магистръ ботаники А. Н. Петунниковъ.

Отъ упомянутаго выше торжественнаго и трогательнаго засѣданія 2 мая 1886 г. съ рѣчами, слезами, рукопожатіями и объятіями идетъ уже четвертый годъ, а о водопроводѣ ни слуху, ни духу, потому ли, что правительство воспрепятствовало гостиннодворской затѣѣ, т. е. водопроводной диктатурѣ, или по инымъ причинамъ; у города по прежнему нѣтъ ни воды, ни даже свѣдѣній о томъ, куда утекла та вода, которую брался доставить голова при условіи диктатуры, по проектамъ инженеровъ, которыхъ г. Титовъ отличилъ вопросительнымъ знакомъ.

Одинъ только принципъ, исповѣданный головою въ первыя минуты его диктатуры — принципъ дѣйствованія не на основѣ закона и здраваго смысла, а просто на удачу, руководясь правиломъ: «панъ или пропалъ» — продолжаетъ по прежнему парить въ сферахъ нашего самоуправленія и вре-

мя отъ времени вдохновлять его вождя. Несомнѣннымъ тому доказательствомъ является эпизодъ, совершившійся при погребеніи городскихъ рядовъ, погребеніи, произведенномъ, какъ извѣстно, одною полицейской властью, безъ участія муниципальной. На все московское населеніе, и въ особенности на цѣлыя тысячи торговаго люда, мы помнимъ, эта безучастность городскаго самоуправленія къ такому выдающемуся факту городской жизни, какъ поголовное изгнаніе изъ за прилавковъ на улицу чуть не половины столичнаго торговаго класса—произвела по истинѣ потрясающее впечатлѣніе, усиленное, къ тому же, страшнымъ фактомъ самоубійства въ храмѣ Господнемъ, учиненнаго однимъ изъ такихъ выгнанныхъ на улицу торговцевъ.

Въ этомъ эпизодѣ городской голова далъ населенію блистательное подтвержденіе искренности вышеприведеннаго обѣщанія, такъ ясно и точно формулированнаго имъ въ засѣданіи 2 мая 1886 г.—«если Богъ поможетъ исполнить, поблагодарите, а не осуществится, можетъ быть и не увидите»: увѣряя рядскихъ торговцевъ, что онъ не допуститъ закрытія рядовъ до окончанія предпринятой Думой постройки временныхъ помѣщеній (вопреки объявленному торговцамъ Высочайшему повелѣнію закрыть ряды 1 октября и очевидной невозможности къ этому сроку окончить постройку временныхъ рядовъ по неумѣлому веденію дѣла), г. голова, какъ только увидалъ, что обѣщанія его не осуществились, немедленно исчезъ изъ Москвы... Искавшіе его по всему городу обманутые и разоренные торговцы получали

вездѣ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что голова уѣхалъ на югъ...

Таково самоуправленіе даже въ столицѣ. Доказательствомъ же того, что подобный ходъ дѣлъ отнюдь не оскорбляетъ огромнаго большинства гласныхъ, а напротивъ, вполнѣ ими одобряется, служитъ поднесенный головѣ, въ засѣданіи 20 декабря 1888 года, отъ имени 115 гласныхъ адресъ, заканчивающійся словами: «Въ виду всего этого (т. е. всей предшествующей его дѣятельности въ качествѣ головы), гласные Московской Городской Думы почли своимъ долгомъ заявить вамъ публично свое *полное и горячее сочувствіе.*«

Этихъ эпизодовъ изъ исторіи нашего *самоуправленія*, полагаемъ, достаточно для заключенія, что того,что въ теоріи принято обозначать этимъ терминомъ, у насъ вовсе и не существовало, и доселѣ не существуетъ: каждый изъ этихъ фактовъ въ отдѣльности указываетъ на то, что все городовое положеніе, въ своемъ практическомъ примѣненіи, сводилось и сводится у насъ или къ олигархіи, когда глава самоуправленія не отличается силою характера, или къ единовластію и деспотизму, когда онъ обладаетъ личною смѣлостью и дерзостью.

Что касается всего населенія Москвы, простирающагося, безъ сомнѣнія, до милліона душъ, то кто же изъ этого милліона принимаетъ участіе въ самоуправленіи?

Отдаленное, посредственное и ничуть не осязательное—нѣсколько тысячъ душъ избирателей.

Непосредственное, но столь же мало осязательное—180 избранниковъ, изъ коихъ болѣе поло-

вины даже рѣдко являются для исполненія своихъ общественныхъ обязанностей.

Непосредственное и нѣсколько болѣе осязательное — какая - нибудь четверть этого числа, менѣе 50 лицъ, проявляющихъ свою энергію хотя бы исправнымъ посѣщеніемъ думскихъ собраній; но и изъ этого числа тоже по крайней мѣрѣ половину составляютъ такъ называемые безгласные, никогда не заявляющіе ни своихъ мнѣній, ни какихъ - либо соображеній по предмету общественной пользы, и согласные, т. е. такіе, которые готовы согласиться на что угодно и съ чѣмъ угодно въ угоду не только предсѣдателю, но и случайному сосѣду на собраніи.

Такимъ образомъ, общественное мнѣніе первопрестольной столицы по дѣламъ городскаго самоуправленія и хозяйства представляется какими нибудь двумя дюжинами дѣльцовъ, изъ коихъ половина еще, пожалуй, и къ самоуправленію-то пристегивается не безъ задней мысли о своихъ личныхъ интересахъ, или вовсе не заботясь объ общественныхъ, или же стараясь искусственными средствами направлять общественное дѣло не къ общему благу населенія, а къ цѣлямъ личной или корпоративной корысти и тщеславія.

Слѣдовательно, безупречно благонадежныхъ въ смыслѣ общественной пользы отъ всего представительства Москвы остается развѣ какой нибудь десятокъ гласныхъ, да и изъ этого ничтожнаго числа необходимо вычесть половину на малоспособныхъ, слабохарактерныхъ и т. п.—и вотъ когда только получится приблизительно вѣрная цифра

гласныхъ, заботящихся честно и энергично объ интересахъ исключительно общественныхъ, неспособныхъ сдаваться ни на просьбы, ни на ласкательства.

Но эта цифра, поразительная своей ничтожностью, самою силою вещей обречена на вѣчное меньшинство, на непрестающій протестъ, всего болѣе утомительный для самихъ протестантовъ которые, въ большинствѣ случаевъ, и оканчиваютъ свою общественную дѣятельность добровольнымъ устраненіемъ себя изъ состава Думы, послѣ многократныхъ опытовъ, блистательно подтверждающихъ незыблемую истину, что «одинъ въ полѣ не воинъ».

Тоже торжество олигархической разнузданности, поощряемой равнодушіемъ общественниковъ къ интересамъ общаго блага, представляютъ и сословныя самоуправленія, созданныя по шаблону общественныхъ городскихъ. Непререкаемое тому доказательство имѣется въ 25-лѣтней исторіи нашего-же московскаго мѣщанскаго самоуправляющагося общества. Всѣ эти избранники мѣщанства, призываемые на общественную дѣятельность лишь ради сбора податей съ членовъ своего сословія, да доходовъ съ своихъ недвижимыхъ имуществъ и капиталовъ и расходованія ихъ на содержаніе престарѣлыхъ и бѣдныхъ своихъ собратій—цѣлую четверть столѣтія только тѣмъ и занимались, что, распадаясь на двѣ партіи, междоусобничали другъ съ другомъ и то низлагали враждебныхъ имъ старшинъ, то возводили въ этотъ санъ своихъ клевретовъ, пока, наконецъ,

ми городскими сооруженіями въ Москвѣ не занимался, а состоялъ много лѣтъ въ провинціи начальникомъ желѣзнодорожнаго участка, а потому ни тотъ ни другой авторитетами строительнаго дѣла названы быть не могутъ.

Очевидно, выбирая ихъ на это дѣло и облекая ихъ довѣріемъ всей Москвы, олигархическій кружокъ городскаго самоуправленія пѣлъ въ унисонъ своему самодержавному владыкѣ; сей же послѣдній и на этотъ разъ, какъ и всегда, руководствовался двумя излюбленными имъ принципами: «нраву моему не препятствуй», во первыхъ, и: «или панъ, или пропалъ»—во вторыхъ.

Послѣдняя фраза, помимо своего исконнаго значенія въ ряду пословицъ и поговорокъ русскаго народа, за послѣдніе годы пріобрѣла и еще другое, частное и мѣстное значеніе, какъ основной принципъ московскаго самоуправленія, провозглашенный торжественно и откровенно его руководителемъ на публичномъ засѣданіи Думы, въ заключеніе преній о разрѣшеніи такъ называемаго водопроводнаго вопроса.

Въ этомъ засѣданіи, которое покойный издатель *Современныхъ Извѣстій* небезосновательно назвалъ *позорнымъ* (т. е. въ томъ смыслѣ, что оно окончилось отказомъ гласныхъ отъ участія въ трудахъ по одному изъ важнѣйшихъ предметовъ городскаго хозяйства), г. голова, разсуждая о различныхъ способахъ разрѣшенія этого хозяйственнаго вопроса, не безъ преднамѣреннаго, конечно, умысла высказался за избраніе, для сей цѣли, одного *какого-либо* лица и за предоставленіе этому лицу неограниченной власти дѣйствовать

не дремали: оставшись старшиною на второй срокъ, г. Шестеркинъ не дотянулъ до его конца, какъ уже и попалъ подъ судъ за собственныя неблаговидныя манипуляціи на сословныхъ избирательныхъ сходкахъ и за потворство своимъ подручнымъ къ упражненію въ таковыхъ же.

Русскій человѣкъ, по пословицѣ, заднимъ умомъ крѣпокъ, и въ эпизодѣ съ г. Шестеркинымъ мѣщане лишній разъ доказали справедливость этой сентенціи: пока, упоенные торжествомъ надъ своимъ врагомъ, противники его удовлетворяли свою мстительность надъ его портретомъ, низринувъ его со стѣнъ залы сословныхъ собраній и водворивъ на темномъ чердакѣ, ревизія мѣщанскаго дѣлопроизводства, денежной отчетности и наличности обнаружила, что и грудные и совершеннолѣтніе мѣщане раскошеливались далеко не на одну общественную пользу, ибо, за время своего старшинства надъ сословіемъ, г. Шестеркинъ надѣлъ на него, безъ малѣйшихъ съ чьей либо стороны препятствій, тяжкое ярмо почти двухсоттысячнаго долга, уплатой коего и придется, быть можетъ, заняться не одному поколѣнію московскаго мѣщанства.

Освободившись отъ г. Шестеркина, мѣщане не освободились, однако, отъ духа партійныхъ раздоровъ, и не успѣлъ преемникъ его оглядѣться въ оставшемся послѣ него разорѣніи и сколько нибудь упорядочить дѣла общества, какъ и онъ самъ очутился членомъ и вожакомъ одной партіи, тогда какъ другая половина общественниковъ сформировала другую, конечно не съ миролюбивыми намѣреніями, что уже и сейчасъ сказывается

и на дѣлахъ, и на публичныхъ собраніяхъ общества....

Что же, неужели и это самоуправленіе?

А если такъ, то что же въ немъ привлекательнаго, а главное, что же въ немъ практически полезнаго, удобнаго, выгоднаго и нравственно благотворнаго?

VII.

Администрація.

Хорошей администраціи у насъ никогда не было: съ начала Руси она поперемѣнно находилась подъ воздѣйствіемъ то тѣхъ, то другихъ политическихъ невзгодъ—сперва княжескихъ междоусобицъ, потомъ татарскаго ига, затѣмъ смутнаго времени междуцарствія.

За весь этотъ періодъ нѣсколькихъ столѣтій властелинамъ Русской земли въ пору было думать о сохраненіи ея отъ внѣшнихъ враговъ, а не объ устроеніи внутренняго благосостоянія, заботы о которомъ по необходимости отлагались на грядущія времена. Постоянно пребывая на военномъ положеніи, самъ народъ привыкъ къ тягостнымъ нестроеніямъ быта гражданскаго, и въ своей практической мудрости не ставилъ ихъ въ вину своимъ вѣнценосцамъ, инстинктивно понимая ихъ безпомощность въ этомъ смыслѣ, и невозможность, одновременно съ борьбою противъ внѣшнихъ враговъ, находить досугъ и средства для насажденія

и правильнаго возращенія прочныхъ основъ гражданской жизни.

И если побѣдоносные военачальники, для отдохновенія отъ бранныхъ подвиговъ на ратномъ полѣ посылавшіеся воеводами по различнымъ концамъ Русскаго царства, не могли и по дикости нравовъ тогдашней эпохи, и по собственной соціальной неразвитости, возвыситься до безкорыстнаго служенія своему гражданскому долгу, и на свои государственныя обязанности смотрѣли, въ большинствѣ случаевъ, какъ на средство кормленія, воспитывая въ такихъ же взглядахъ и своихъ подчиненныхъ дьяковъ, поддьячихъ, ярыгъ и ярыжекъ — народъ безмолвно тяготился этимъ порядкомъ, но болѣе или менѣе осязательно противъ него протестовать не признавалъ нужнымъ, справедливо соображая, что кромѣ взаимнаго между нимъ и верховною властью раздраженія подобные протесты ничего не произведутъ, а это злое начало взаимнаго раздраженія не замедлитъ отразиться и на внѣшнихъ политическихъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ государства, чѣмъ и не преминутъ воспользоваться со всѣхъ сторонъ окружавшіе его враги.

Династія Романовыхъ застала уже значительно развитую и многочисленную гражданскую администрацію, которая однакожъ представляла собою отнюдь не гармоническое цѣлое, а громоздкую, вѣками по частямъ слагавшуюся, лишенную всякаго опредѣленнаго плана и облика постройку.

И не успѣли, за періодъ менѣе столѣтія, три первые представителя этой династіи разобраться какъ слѣдуетъ въ этой неуклюжей исторической хра-

минѣ, она попала въ руки такого зодчаго, какъ Великій Петръ, который распорядился съ нею точно также, какъ съ своимъ французскимъ парикомъ, т. е. подстригъ, подрѣзалъ, укоротилъ и вообще видоизмѣнилъ ее сообразно своимъ личнымъ воззрѣніямъ, планамъ и вкусамъ, не заботясь ни о согласованіи ея съ нравами и обычаями народа, ни о строгомъ соотвѣтствіи ея съ его истинными интересами и даже нуждами.

И хотя прежній принципъ «кормленія отъ службы» утратилъ значительную долю своего соціальнаго престижа, и его легальность была вовсе даже уничтожена строгими писанными законами о лихоимствѣ, но своей практической живучести онъ не лишился, сохранивъ ее почти въ прежней силѣ, ибо ни способы пополненія личнаго состава администраціи не измѣнились, а еще болѣе укоренились, ни матеріальное вознагражденіе чиновничества не увеличилось до надлежащихъ нормъ даже тогдашней экономической жизни: высшіе административные посты и всѣ значительныя должности по прежнему замѣщались лицами придворнаго класса или ближайшихъ къ нему слоевъ общества, иногда по собственному выбору государя, чаще же въ силу родственныхъ связей и протекціи; низшая администрація набиралась изъ служилаго гражданскаго сословія, и въ значительной долѣ изъ отставныхъ военныхъ служакъ, которые, вступая въ отправленіе обязанностей, въ которыхъ мало смыслили, такъ и смотрѣли на свою новую гражданскую службу, какъ на пріятную синекуру въ вознагражденіе прежде понесенныхъ во славу родины трудовъ и подвиговъ. Строгій законъ

о лихоимствѣ былъ парализованъ, во первыхъ, закономъ о лиходательствѣ, въ силу котораго подкупающій государственнаго чиновника признается такимъ же преступникомъ, какъ и самъ тотъ чиновникъ, который имъ подкупается, такъ что самое вѣрное средство къ обнаруженію и искорененію лихоимства этимъ же самымъ закономъ и подсѣкалось въ самомъ корнѣ, и, во вторыхъ, несоразмѣрно низкими, сравнительно съ потребностями жизни, окладами казеннаго вознагражденія, искусственно создававшими, подъ охраною вышепомянутаго закона, даже изъ честныхъ чиновниковъ немилосердныхъ взяточниковъ и безжалостныхъ вымогателей.

Такъ шло дѣло со временъ великаго преобразователя почти безъ всякихъ перемѣнъ до нашихъ дней, и нѣкоторыя административныя учрежденія, уцѣлѣвшія въ преобразовательномъ погромѣ минувшаго царствованія, какъ напримѣръ сиротскіе и коммерческіе суды, духовныя консисторіи и т. п., представляя собою до сихъ поръ гнѣзда подчасъ таксированнаго взяточничества, даютъ довольно ясное представленіе о томъ, что изображала собою русская администрація дореформеннаго времени, и каковы были тѣ столоначальники, которыми, по юмористическому замѣчанію Императора Николая Павловича, въ его царствованіе управлялась Россія.

Но каковы бы эти столоначальники ни были, было бы несправедливымъ преувеличеніемъ сказать, что страна вся стенала отъ нихъ, что все населеніе тяготилось ими: нѣтъ; большая половина населенія, въ лицѣ помѣщичьяго и государ-

ственнаго крестьянства, съ ними почти не соприкасалась; дворянство ими пренебрегало и брезговало, духовенство сторонилось ихъ и чуждалось. Главнѣйшею ихъ кліентеллою и жертвою были городскія сословія купцовъ и мѣщанъ, которыя хотя и были свободны, но только отъ личнаго рабства, что же касается дальнѣйшихъ гражданскихъ правъ, то о нихъ имѣли весьма темное понятіе и потому съ благодушіемъ и безобидно принимали подчасъ и полицейскую расправу въ формѣ рукоприкладства, и даже полицейскую порку, или же, при наличности матеріальныхъ средствъ, отъ нихъ откупались посильными мздовозданіями.

Что же значило для нихъ мздоимство разнаго рода приказныхъ, какъ они называли разнообразныхъ представителей низшей администраціи?

Не болѣе, какъ налогъ, да и налогъ притомъ не произвольный, а опредѣленно таксированный административными обычаями, нѣчто въ родѣ теперешнихъ исковыхъ пошлинъ и гербовыхъ марокъ.

Замѣчательно, что гоголевскіе купцы, въ челобитной его «свѣтлости господину *финансову*» на своего городничаго, жаловались вовсе не на взяточничество его, не на то, что онъ вообще *беретъ* съ нихъ, что, очевидно, признавали не противнымъ справедливости, а на то, что онъ беретъ и на Антона, и на Онуфрія, т. е., въ противность административнымъ обычаямъ, вмѣсто одного два раза справляетъ именины, оба раза обязывая ихъ приношеніями, и, слѣдовательно, вынуждая ихъ, путемъ ихъ торговыхъ и промышленныхъ занятій, возмѣщать этотъ двойной убы-

токъ все съ той же обывательской шкуры, а въ томъ числѣ, конечно, и съ чиновничьей...

Съ другой стороны, было бы ребячествомъ утверждать, что послѣднія административныя реформы измѣнили въ чемъ-либо *существо* нашихъ административныхъ учрежденій, коснулись ихъ традицій и обычаевъ, неудобныя изъ нихъ устранили и замѣнили иными, болѣе желательными и соотвѣтственными духу времени: по крайней мѣрѣ, что Антоны и Онуфріи существуютъ до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ, всѣмъ извѣстныхъ, вѣдомствахъ, въ томъ неоднократно оффиціально признавались сами ихъ начальники.

Воображать, что всѣ становые пристава и исправники довольствуются однимъ жалованьемъ, и поступаютъ на эти должности изъ военныхъ офицеровъ или изъ столоначальниковъ и даже начальниковъ отдѣленій различныхъ гражданскихъ присутственныхъ мѣстъ, не имѣя въ виду неокладныхъ сборовъ, тоже могутъ только одни фантазеры, слѣпые въ практическомъ повседневномъ быту; еще менѣе основаній предполагать подобное безкорыстіе, напримѣръ, въ урядникахъ, хотя они и составляютъ новый, только что народившійся служебный институтъ, и по соціальному положенію, изъ коего выходитъ ихъ большинство, получаютъ вознагражденіе, сравнительно съ другими представителями низшей администраціи, болѣе или менѣе удовлетворительное.

Да и вообще нельзя не признать основательнымъ того соображенія, что честность и безкорыстіе чиновничества отнюдь не покупаются тѣмъ или другимъ окладомъ жалованья, а нахо-

дятся въ зависимости отъ всего строя нравственныхъ, общественныхъ и юридическихъ воздѣйствій, вліяющихъ на его служебное поведеніе.

Не было ли бы, въ самомъ дѣлѣ, необъяснимымъ чудомъ, если бы вопреки обладающему человѣческою жизнью великому и повсюдному закону наслѣдственности, сыновья и внуки убѣжденныхъ, закоренѣлыхъ взяточниковъ, воспѣтыхъ Гоголемъ, Щедринымъ и иными сатириками нашей литературы, всѣхъ этихъ Сквозниковъ, Земляникъ, Тяпкиныхъ, Мухрышкиныхъ, Живоглотовъ, Порфиріевъ Петровичей, Птицыныхъ и пр. и пр.— вступая на ту же торную житейскую дорогу, по которой съ неопороченнымъ внѣшнимъ достоинствомъ прошли ихъ дѣды и отцы все свое поприще въ семъ мірѣ, вступая на нее, притомъ, *образованными*, быть можетъ, именно на мздоимныя деньги, смогли *честно* и *искренно*, и притомъ *поголовно, отречься* отъ отеческихъ и дѣдовскихъ традицій, которымъ и сами-то, между прочимъ, обязаны, и даже своимъ образованіемъ?

А если бы и дѣйствительно отреклись, то можно ли бы было подобному отреченію придавать серьезное значеніе? Что юность идеальна, что она склонна протестовать и обвинять, это извѣстно; но извѣстно и то, что ея идеаловъ, протестовъ и филиппикъ хватаетъ на очень короткій срокъ времени, какъ скоро ей приходится окунуться въ повседневный омутъ практической жизни, и изъ этого омута неисправимыми идеалистами выходятъ ничтожныя исключенія. Тѣ же, кто слѣдуютъ общему правилу, т. е. большинство, или безсознательно, или даже сознательно, начинаютъ

осуществлять въ своей дѣятельности тѣ же традиціи, въ которыхъ сами воспитались, дѣлая лишь формальную уступку духу времени, новымъ обстоятельствамъ и инымъ формамъ, выработаннымъ жизнью, что мы и видимъ въ послѣдовательномъ ходѣ нашей общественной жизни.

Когда темное, грубое, невѣжественное приказное взяточничество было достаточно осмѣяно и опозорено литературой, послѣдующія поколѣнія взяточниковъ, отнюдь не укорачивая рукъ, озаботились устраненіемъ изъ дѣловаго языка ненавистнаго и докучнаго имъ слова: *взятка*, замѣнивъ его благозвучнымъ и даже нравственно благоухающимъ словомъ: *благодарность*, и тотъ же самый взяточникъ, гордо поднявъ голову, сталъ, при случаѣ, возмущаться, когда заходила рѣчь о взяткахъ, объясняя, что онъ взятокъ не беретъ, а если и принимаетъ благодарность, то это дѣло совсѣмъ другое. Въ дальнѣйшемъ своемъ полетѣ по этому направленію чиновничья мысль замѣнила грубыхъ Антоновъ и Онуфріевъ деликатными *праздничными*, а еще дальше и выше—очень хорошо извѣстными въ періодъ желѣзнодорожной и банковской горячки *процессами*.

Суть дѣла, конечно, отъ этого ничуть не измѣнялась, и старая прадѣдовская родная *взятка*, нарядившись въ болѣе утонченный костюмъ, лишь сдѣлалась обширнѣе въ размѣрахъ, да какъ-то стыдливѣе и застѣнчивѣе, что еще больше способствуетъ увеличенію ея размѣровъ. И та самая административная послуга обывателю, на которую, напримѣръ, въ старину была опредѣленная такса, какъ на калачъ, и иногда такса весьма незна-

чительная, теперь, въ видѣ *благодарности*, оплачивается вдесятеро дороже, ибо не всякій знаетъ, гдѣ дать, когда дать, кому дать и сколько дать, и еще за вразумленіе и наученіе въ этомъ смыслѣ долженъ платить третьимъ лицамъ.

И что въ этомъ отношеніи мы подъ вліяніемъ реформъ не только не подвинулись ни на одинъ шагъ по пути прогресса, а напротивъ, отступили назадъ сравнительно съ давнопрошедшимъ дореформеннымъ бытомъ, это блистательно доказывается простымъ сравненіемъ героевъ Гоголевскаго *Ревизора* съ героями Скопинско-Рыковской эпопеи.

Тогда какъ первые чиновники мздоимничали сепаративно, каждый за свой страхъ и рискъ, и даже не покушались на сформированіе разбойничьей шайки, купецъ Рыковъ, грубою силою своей мошны, съумѣлъ всю городскую и уѣздную администрацію превратить въ сплоченную разбойничью шайку, чтобы съ большимъ успѣхомъ надъ ней атаманствовать.

И дѣйствительно, близко родственные гоголевскому чиновничеству по принципамъ и практическимъ пріемамъ дѣятельности, его скопинскіе потомки различаются по цѣлямъ этой дѣятельности: у перваго она направлялась единственно корыстолюбіемъ, и исключительно къ наживѣ; у послѣднихъ же она опредѣлялась не однимъ корыстолюбіемъ, но и рабскимъ, унизительнымъ для государственныхъ чиновниковъ, страхомъ передъ потомкомъ тѣхъ самыхъ сивыхъ бородачей, бороды коихъ, отзывавшіяся капустой, были такъ

близко знакомы со всемогущею дланью Сквозника - Дмухановскаго.

И если гоголевскій судья за пару борзыхъ щенковъ, конечно, былъ бы готовъ не только покривить, но и совсѣмъ опрокинуть ржавые вѣсы дореформеннаго правосудія, то въ Скопинѣ мы видимъ, что мировой судья, выбранный самими же гражданами, за Рыковское жалованье, изъ рабскаго страха предъ уѣзднымъ самодуромъ, нагло швыряется уже новыми судебными уставами, не стѣсняясь своею судейскою цѣпью для того, чтобъ совершать, по приказанію Рыкова, оскорбительныя и противозаконныя насильственныя дѣйствія надъ совершенно безвинными гражданами.

Если гоголевскій почтмейстеръ преступно вскрывалъ чужую корреспонденцію, то дѣлалъ это, какъ мы знаемъ, лишь изъ любопытства, усиленнаго притомъ инстинктомъ самосохраненія; въ Скопинѣ же почтовое вѣдомство состояло въ постоянномъ рабствѣ у купца Рыкова, исправляя при его *особѣ* должность почтовыхъ сыщиковъ.

И если гоголевскій городничій, въ экстазѣ необузданнаго самовластія, не остановился даже передъ экзекуціей мирной гражданки, подвергнувъ сѣченію розгами унтеръ-офицершу Пошлепкину, то онъ явилъ этимъ поступкомъ возмутительное злоупотребленіе власти, но все-же власти *собственной*; въ Скопинѣ же, хотя и не наблюдалось случаевъ порки прелестнаго пола, за то практиковались пріемы еще болѣе возмутительнаго насилія надъ свободными гражданами, и не по личному усмотрѣнію *полиціи*, а по *приказанію* купца

Рыкова, воля котораго, сообщенная *исправникомъ* квартальному, насильственно перегоняла свободныхъ гражданъ съ одной квартиры на другую, вовсе лишала крова и совершенно изгоняла изъ городскихъ предѣловъ.

Наконецъ, гоголевскій городничій, инкриминированный предъ Хлестаковымъ вѣроломными купцами, при счастливомъ для него оборотѣ обстоятельствъ, первое, что дѣлаетъ, это — напоминаетъ кляузникамъ о своей власти, и оглашаетъ воздухъ побѣдными кликами грядущаго начальническаго по отношенію къ нимъ мщенія: въ Скопинѣ же не было ни у кого изъ чиновниковъ никакой власти, вся она была ими самими продана и предана одному купцу, который исправниковъ считалъ какими-то рабочими животными при своей особѣ, хвастаясь, что захоти онъ, ему «цѣлый вагонъ исправниковъ привезутъ».

Существуетъ преданіе, будто Императоръ Николай Павловичъ, выходя изъ театра послѣ представленія *Ревизора*, сказалъ: «да, сегодня всѣмъ досталось, а мнѣ больше всѣхъ».... Кому и въ какой мѣрѣ досталось отъ Скопинской трагикомедіи, къ прискорбію для Россіи разыгранной не въ театрѣ, а на сценѣ дѣйствительной жизни, это, безъ сомнѣнія, всѣмъ еще памятно. Но не одни вопли ограбленныхъ, слезы вдовъ и сиротъ, проклятія нищихъ составляютъ ея наслѣдіе: она оставила еще во много разъ болѣе грустное и страшное наслѣдство, въ видѣ печальной истины, свидѣтельствующей о томъ, что наша администрація со временъ Гоголевскаго *Ревизора*, т. е. приблизительно за ¾ вѣка, н

только не улучшилась, а напротивъ, ухудшилась, и сохраняя исконное свойство продажности, пріобрѣла еще новое и притомъ худшее—способность къ кабальному рабству и полному своему обезличенію передъ денежнымъ мѣшкомъ.

Выше мы сказали, что это явленіе—*страшное*, и не откажемся отъ своихъ словъ. Административное мздоимство, а тѣмъ болѣе продажность—столь не желательный и опасный факторъ общественной жизни, что за народъ, развивающійся подъ его воздѣйствіемъ, за его нравственныя, соціальныя и даже политическія воззрѣнія и принципы по неволѣ становится страшно, ибо администрація, какъ и судъ, какъ и церковь, какъ и литература — также одна изъ практическихъ школъ народной нравственности, и если въ этой школѣ народъ будетъ поучаться одной только премудрости неправеднаго стяжанія, то горе такому народу, горе тѣмъ большее, что это именно такая школа, съ которой онъ *волей-неволей*, а *непосредственно* и *непрерывно* соприкасается, и *не соприкасаться не можетъ*.

Въ судъ я пойду или по собственной надобности, или по его вызову, и вообще говоря, большинство вовсе не пользуется услугами суда, значительная часть населенія имѣетъ къ нему отношенія очень рѣдко, а не мало и такихъ счастливцевъ, что, съ гордостью поднявъ голову, самодовольно заявляютъ, что они «по судамъ съ роду не таскались и не намѣрены таскаться».

Въ церковь я иду точно также по доброму изволенію, движимый побужденіями личнаго благочестія, и весьма рѣдко — требованіями благочести-

ваго обычая, а при современной расшатанности понятій и одичалости нравовъ не мало найдется людей, и вовсе не знающихъ церкви, не хотящихъ ее знать и постыдно хвастающихся этимъ.

Тѣмъ паче литература: ея воздѣйствіе, обусловливаемое, притомъ, извѣстною степенью умственнаго развитія и даже такими внѣшними и случайными причинами, какова, напримѣръ, грамотность, простирается едва ли на $^1/_{100}$ часть всего населенія.

Не то администрація: я не могу выйти на улицу безъ встрѣчи съ городовымъ, не могу перемѣнить квартиры безъ сношенія съ полицейскимъ участкомъ, не могу ни послать, ни получить денегъ безъ посредства почтоваго и полицейскаго чиновника, не могу ни шагу ступить на пути разнообразныхъ отправленій повседневной жизни или безъ разрѣшенія, или безъ вѣдома, или, по крайней мѣрѣ, безъ наблюденія того или другаго административнаго лица или учрежденія.

И если въ этой непрерывной и безконечной вереницѣ взаимоотношеній администраціи съ гражданами, послѣдніе, всѣ вмѣстѣ и каждый порознь, будутъ выносить общее представленіе о ея повальномъ мздоимничествѣ или даже о ея поголовной продажности, какъ выяснилъ Скопинскій процессъ, спрашивается: какимъ понятіямъ, сужденіямъ и умозаключеніямъ подобное представленіе можетъ послужить основою въ умахъ, притомъ, въ большинствѣ неразвитыхъ, невѣжественныхъ, не просвѣщенныхъ и грубыхъ? Въ свою очередь, созиданію какихъ практическихъ

принциповъ послужатъ эти понятія, сужденія и умозаключенія?

Почему знать? Быть можетъ, будущій философъ современной нашей исторіи этими умозаключеніями и принципами и объяснитъ и ту лихорадку наживы и обогащенія, и ту позорную денежную гегемонію, которыя поработили себѣ умы теперешняго нашего общества, развратили значительную часть народа, и доселѣ держатъ и то и другую въ своемъ нравственномъ рабствѣ?

И какъ не видится ни конца, ни границъ этой гегемоніи и этому рабству, такъ не видится никакихъ признаковъ, которые бы подавали надежду на качественное измѣненіе къ лучшему громаднаго по численности личнаго состава нашей администраціи: въ этомъ отношеніи дальше заботъ о внѣшнихъ улучшеніяхъ обще-государственнаго административнаго механизма и его мѣстныхъ составныхъ частей реформы минувшаго царствованія не пошли, и во всей громоздкой административной машинѣ ограничились перемѣною различныхъ гаекъ и винтовъ однихъ другими, подъ новыми названіями, не коснувшись главнаго, кореннаго зла, испоконъ вѣка покрывавшаго всю эту машину злокачественною ржавчиной и парализовавшаго ея дѣятельность.

Ржавчина эта проявляется: безотвѣтственностью въ верхнихъ слояхъ администраціи и безнадзорностью—въ нижнихъ.

Если вглядѣться въ существо обязанностей любаго изъ важнѣйшихъ сановниковъ администраціи, въ неограниченную почти ничѣмъ полноту

его правъ въ области его административнаго вѣдѣнія, естественно является вопросъ: а чѣмъ же, однако, отвѣчаетъ этотъ неограниченный властелинъ своего вѣдомства, всего чаще весьма обширнаго, способнаго оказывать могущественное вліяніе на необъятную массу практическихъ интересовъ народной и общественной жизни, въ случаѣ обнаруженной имъ на своемъ высокомъ посту неспособности и даже недобросовѣстности, и даже въ томъ случаѣ, когда вредъ, причиненный этими его свойствами народной жизни, не подлежитъ спору, являясь несомнѣнною очевидностью?

Да ровно ничѣмъ не отвѣчаетъ: если онъ министръ или равный ему по рангу чиновникъ, то за роковую ошибку, отъ которой иногда неминуемо должны страдать цѣлыя поколѣнія стомилліоннаго народа, равно какъ и за цѣлый рядъ подобныхъ систематическихъ ошибокъ, а иногда и сознательныхъ злоупотребленій, самое большее, что его можетъ постигнуть, это — потеря министерскаго портфеля, всего чаще съ перемѣною его на почетное званіе члена государственнаго совѣта.

И если онъ даже губернаторъ, или равный ему по значенію чиновникъ, то за неразумное, нерадивое, иногда недобросовѣстное, а изрѣдка и злонамѣренное отношеніе къ населенію цѣлой губерніи, онъ, оставляя свой постъ, въ большинствѣ случаевъ награждается саномъ сенатора, или же, въ рѣдкихъ случаяхъ, причисляется къ министерству на предметъ назначенія на какую-либо иную административную службу.

Такъ вверху; внизу, конечно, иное дѣло: всѣ

эти становые, исправники и т. п. мелкота окружены въ своихъ дѣйствіяхъ сравнительно большимъ контролемъ и чаще бываютъ въ отвѣтѣ, но неудобство въ томъ, что подвести любаго изъ нихъ подъ надлежащій отвѣтъ сопряжено съ неимовѣрными трудностями: для этого нужно, чтобъ они сами вышли изъ всякихъ границъ въ своихъ служебныхъ злоупотребленіяхъ и преступленіяхъ, и уже слишкомъ откровенно и нагло практиковали ихъ. Иначе—если, напримѣръ, урядникъ, становой, исправникъ и т. д. т. п., въ своей законопреступной дѣятельности будутъ руководиться благоразуміемъ и осторожностью, не привлекая къ себѣ ни административнаго вниманія, ни раздражая населенія чрезмѣрными притѣсненіями, т. е. отпуская на его массу извѣстное количество притѣсненій равномѣрными порціями, они могутъ считать свою служебную карьеру—въ существѣ нерѣдко карьеру взяточничества и вымогательства — болѣе или менѣе прочною.

И обусловливается это преимущественно тою логическою ошибкой, которая прошла чрезъ все наше законодательство и, если не ошибаемся, присуща законодательствамъ и другихъ странъ. Эта ошибка — возвысившаяся до степени непреложнаго административнаго принципа, хотя, въ сущности, и составляетъ вопіющее противорѣчіе человѣческой природѣ—заключается въ общемъ правилѣ, въ силу коего административныя взысканія съ служилаго чиновничества изъяты изъ вѣдѣнія общаго правосудія, равно какъ и преступленія чиновниковъ по службѣ. Такимъ обра-

зомъ проступки и преступленія, совершаемыя тѣмъ или другимъ чиновникомъ по службѣ, подвергаются взысканіямъ и разслѣдованіямъ только тогда, когда жалобы на оныя обратятъ на себя вниманіе непосредственнаго надъ этимъ чиновникомъ начальства.

Но въ этомъ начальствѣ нужно предполагать далеко не заурядное безпристрастіе и идеальную справедливость, чтобы ожидать отъ него постоянной готовности жертвовать идеѣ служебной правды и требованіямъ общегосударственной пользы чиновниками, которыхъ оно же и на службу ставитъ, которымъ и покровительствуетъ, которыхъ и награждаетъ, и съ которыми, такъ или иначе, но необходимо чувствуетъ себя болѣе солидарнымъ, нежели съ угнетаемымъ ими населеніемъ; гораздо естественнѣе, напротивъ, ожидать, что въ большинствѣ подобныхъ случаевъ непосредственное начальство, т. е. такой же чиновникъ двумя-тремя рангами выше, возьметъ инкриминируемаго подчиненнаго подъ свое протекторское крылышко и приметъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ тому, чтобы обезсилить воздвигаемыя противъ него обвиненія, въ которыхъ, къ тому же, естественно расположенъ видѣть и косвенный подкопъ подъ свою начальническую репутацію.

Въ силу такой постановки взаимоотношеній населенія и администраціи, помимо безнадзорности и безнаказанности послѣдней, обусловливается и наблюдаемое въ практической жизни неравенство этихъ отношеній.

Не ходя за примѣрами далеко, достаточно указать ближайшій. Если любой гражданинъ на-

несетъ какому-либо чиновнику или даже нижнему полицейскому чину, при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей, оскорбленіе — это составляетъ, по дѣйствующимъ узаконеніямъ, весьма важное преступленіе, за которое судятъ чуть ли не присяжные.

Если, наоборотъ, оскорбленіе въ нѣсколько разъ болѣе тяжкое нанесетъ любому гражданину, ну, хотя бы городовой или урядникъ— оскорбленный долженъ жаловаться на оскорбителя не мировому судьѣ, а его ближайшему начальнику, т. е. полицейскому участковому или становому приставу; послѣдніе передаютъ жалобу, конечно въ своемъ освѣщеніи и съ своими заключеніями, дальнѣйшей по порядку инстанціи, т. е. полицеймейстеру или исправнику, которымъ, большею частію, ни жалобщикъ ни отвѣтчикъ равно неизвѣстны, и которые уже и поэтому естественно располагаются смотрѣть на дѣло глазами докладчиковъ.

Но если даже и этого не предполагать, одна перспектива длинной полицейской процедуры, связанной съ обычною канцелярской волокитой, совершенно отниметъ у любаго гражданина охоту искать, при такомъ порядкѣ подсудности, удовлетворенія съ оскорбителя, принадлежащаго къ личному составу полиціи. Такимъ образомъ населеніе, благодушно примиряющееся съ административными поборами, при случаѣ терпитъ съ такимъ же благодушіемъ и отъ административнаго произвола, еще болѣе утверждаясь въ мысли, что «худой миръ лучше доброй ссоры», съ администраціей, по крайней мѣрѣ.

Все это ощущается въ извѣстной мѣрѣ даже и въ такихъ центральныхъ пунктахъ, каковы столицы, съ сравнительно наибольшею суммой гарантій общественнаго благосостоянія и личной свободы гражданъ, а по мѣрѣ удаленія отъ нихъ въ глубь страны чувствуется, конечно, съ постепенно увеличивающеюся ясностью, а по мѣстамъ и по временамъ—сказывается въ населеніи даже болѣзненнымъ чувствомъ его жалкой гражданской безпомощности, какъ это было, напримѣръ, въ Скопинѣ.

И если бы намъ возразили, что Скопинъ нельзя признавать образцомъ для остальныхъ мѣстностей Россіи, ибо онъ создалъ исключительное положеніе и для населенія, и для администраціи, мы бы, конечно, не стали настаивать на несомнѣнности и наличности исключительныхъ явленій, опозорившихъ Скопинскую администрацію, для всѣхъ прочихъ градовъ и весей матушки-Руси, но нашлись бы чѣмъ отпарировать это возраженіе: Скопинская администрація представляла одну изъ разновидностей гражданскаго управленія, созданнаго по одному типу для всей Имперіи, и потому то, что случилось съ нею въ Скопинѣ, могло и можетъ, при благопріятныхъ для того условіяхъ, въ той или другой мѣрѣ, случиться и въ любомъ изъ прочихъ городовъ и сельскихъ округовъ, и въ этомъ смыслѣ вся Россія, болѣе или менѣе, въ томъ или другомъ отношеніи и направленіи, въ миніатюрѣ или въ увеличенныхъ размѣрахъ, не только можетъ, но при извѣстныхъ условіяхъ и должна, и дѣйствительно нерѣдко представляетъ собою образъ и подобіе Скопина.

VIII.

Судъ.

Предъидущую главу мы начали съ указанія на то, что у насъ никогда не было *хорошей* администраціи: настоящую главу приходится начать аналогическимъ указаніемъ на то, что *суда* въ нашемъ отечествѣ, за продолжительный періодъ, протекшій со времени Уложенія царя Алексѣя Михайловича до судебныхъ уставовъ Императора Александра II, и вовсе не было. Вереница безчисленныхъ узаконеній и постановленій, издававшихся безпрерывнымъ усердіемъ одной администраціи, безъ всякихъ справокъ съ народными нуждами, воззрѣніями и обычаями, была систематизирована лишь въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія въ видѣ громоздкой и необъятной библіотеки, извѣстной подъ названіемъ Свода законовъ. По своей обширности, разнохарактерности, неопредѣленности и иногда прямо разнорѣчивости однихъ положеній съ другими Сводъ этотъ, безсильный служить истиннымъ цѣлямъ правосудія, былъ слишкомъ удобенъ для того, чтобы, при потворствѣ судебной администраціи, облегчать злонамѣреннымъ или недобросовѣстнымъ людямъ достиженіе цѣлей, правосудію прямо противоположныхъ, внушаемыхъ сутяжничествомъ, кляузничествомъ и ябедой.

Наслѣдіе этого безсуднаго времени осталось и до сихъ поръ въ томъ оттѣнкѣ пренебреженія, какой сказывается даже въ народномъ языкѣ, когда

онъ касается лицъ и предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ судебному дѣлу: общимъ терминомъ *подъячихъ* народъ обозначалъ доселѣ все многоразличіе до-реформенной судебной администраціи, и въ смыслѣ, соединяемомъ съ этимъ терминомъ, даже въ манерѣ произношенія, даже въ интонаціи при этомъ голоса никто, конечно, никогда не найдетъ и не разслышитъ чего-либо уважительнаго къ лицамъ, имъ обозначаемымъ. Самый процессъ судопроизводства въ устахъ народа обозначается насмѣшливо - презрительнымъ терминомъ *волокиты*, а обращаться къ правосудію на его языкѣ значитъ *таскаться* по судамъ, и отнюдь не значитъ чего-либо дѣловитаго, степеннаго, добропорядочнаго.

И если новые судебные уставы, на другой же день ихъ практическаго осуществленія, успѣли привлечь къ себѣ народныя симпатіи, поколебать въ народномъ умѣ предубѣжденіе противъ судебной волокиты, наполнить его душу умиленіемъ, восторгомъ и свѣтлымъ упованіемъ на побѣду правды надъ кривдой, то вотъ уже и ихъ вѣчная заслуга предъ Русскимъ народомъ, вотъ уже и незыблемый, несокрушимый памятникъ ихъ благодушному творцу. Мы помнимъ первые дни мировыхъ учрежденій въ Россіи: люди, которымъ досталось на долю въ эти незабвенные дни личнымъ опытомъ извѣдать великую разницу вчерашняго полицейскаго и административнаго суда съ новымъ, созданнымъ судебною реформой, не вѣрили своимъ ушамъ, протирали въ изумленіи глаза, сомнѣваясь въ дѣйствительности происходящаго съ ними и предъ ними, и изъ

рѣдкаго судебнаго засѣданія присутствовавшая на немъ публика уходила безъ слезъ умиленной благодарности къ отеческому милосердію Царя, даровавшаго народу прямой, скорый, безмездный доступъ къ судебной правдѣ.

Первые дѣятели судебной реформы, отъ высшихъ до низшихъ ея сферъ, проникнутые общимъ идеальнымъ порывомъ къ высокой цѣли— поставить ея достоинство на надлежащую высоту, ободряемые общимъ къ ней и къ себѣ умилительнымъ сочувствіемъ, высоко держали знамя правосудія, которымъ осѣнила народъ державная благость, и усиліями личныхъ талантовъ, знаній, усердія восполняли тѣ недостатки и недомолвки судебныхъ уставовъ, которыя успѣли обнаружиться вскорѣ по ихъ введеніи въ жизнь, равно какъ тѣми же усиліями по возможности устраняли и практическое несоотвѣтствіе реформированныхъ общихъ началъ правосудія съ сохранившими обязательную силу судебными подробностями Свода законовъ и Уложенія о наказаніяхъ.

Съ теченіемъ времени, когда первые восторги, вызванные неожиданно благодѣтельными результатами судебной реформы, нѣсколько поулеглись, первоначальная ретивость ея дѣятелей поугомонилась, и началось съ одной стороны спокойное изслѣдованіе и обсужденіе характера реформы и началъ, положенныхъ въ ея основу, а съ другой — постепенное проведеніе въ жизнь этихъ началъ на почвѣ юридическихъ отношеній, вышепомянутые недостатки, недомолвки и несоотвѣтствія оказались первымъ пробнымъ кам-

немъ, на которомъ и судъ, и прокуратура, и адвокатура, и кассаціонныя учрежденія Правительствующаго Сената начали испытывать внутреннюю силу и практическую цѣлесообразность новыхъ судебныхъ учрежденій. Это всестороннее испытаніе, хотя и окончилось торжествомъ судебныхъ уставовъ надъ противоборствовавшими имъ направленіями, вліяніями и ученіями, тѣмъ не менѣе обнаружило общественному сознанію не мало въ ихъ практической постановкѣ такихъ неудобствъ и недостатковъ, которые охладили къ нимъ всеобщее восторженное удивленіе, а къ ихъ теоретическимъ основамъ поколебали уваженіе.

Что касается этихъ основъ—общихъ всѣмъ реформамъ прошедшаго царствованія и заключающихся въ чрезмѣрной идеализаціи человѣческихъ отношеній,—то онѣ именно въ значительной мѣрѣ и способствовали тому прискорбному обстоятельству, что недостатки и неудобства судебныхъ уставовъ выразились въ весьма рѣзкихъ практическихъ формахъ, недовольство коими является вполнѣ естественнымъ и многихъ направляетъ къ мысли и утверждаетъ въ убѣжденіи о малопригодности судебныхъ уставовъ вообще.

Дѣло въ томъ, что составители ихъ, какъ и многихъ другихъ государственныхъ актовъ минувшаго царствованія, на столько возвышенно смотрѣли на нравственную природу человѣка, что съ возможными и неизбѣжными на практикѣ уклоненіями отъ ея нормы вовсе почти не признавали нужнымъ соображаться, какъ будто и гражданское, и уголовное, и аппелляціонное, и кассаціонное судопроизводство должно было пред-

ставлять не примиреніе враждебныхъ столкновеній между противоположными интересами людей, а какую-то условную игру или забаву, гдѣ для того, чтобы все шло правильно, достаточно было участвующимъ предварительно договориться не плутовать.

Мировой судья призывался, по мысли судебныхъ уставовъ, судить не только по закону, но и по внутреннему убѣжденію; распри по имущественному интересу уполномочивался, до извѣстныхъ суммъ, разрѣшать окончательно и безаппелляціонно; личный составъ судей каждаго района облекался высшею судебною властью, въ видѣ аппелляціонной инстанціи для каждаго изъ нихъ самихъ, взятаго въ отдѣльности.

Очевидно, что законодатель не допускалъ возможности судей, способныхъ фиктивное внутреннее убѣжденіе, зиждущееся отнюдь не на совѣсти, а на личныхъ, и нерѣдко эгоистическихъ соображеніяхъ и внушеніяхъ, ставить выше даже прямаго и точнаго закона; не допускалъ и возможности судебныхъ ошибокъ по отношенію къ денежнымъ искамъ не свыше 15 р., искреннихъ ли или преднамѣренныхъ и сознательныхъ; не допускалъ ни возможности, ни даже естественности коллегіальнаго судебнаго лицепріятія и пристрастія по отношенію къ рѣшеніямъ, поставленнымъ тѣмъ или другимъ членомъ судебнаго коллегіума въ отдѣльности. Наконецъ, и это главное—законодатель былъ, очевидно, увѣренъ въ непогрѣшимости судебныхъ выборовъ, и слѣдовательно въ невозможности неудобнаго и негоднаго состава судебныхъ коллегіумовъ, этихъ пер-

выхъ и непосредственныхъ регуляторовъ судейскаго разумѣнія и совѣсти.

Практическими послѣдствіями такой возвышенной со стороны законодателя довѣрчивости къ человѣческой природѣ, и послѣдствіями, для репутаціи судебныхъ уставовъ весьма неблагопріятными, не замедлили оказаться: 1) множество приговоровъ, постановляемыхъ не только въ нарушеніе и оскорбленіе закона, но и въ ущербъ здравому смыслу, когда законъ и смыслъ расходятся въ умѣ судьи съ внушеніями кумовства, личной пріязни или дѣловыхъ и денежныхъ связей и отношеній; 2) масса безаппелляціонныхъ, но несомнѣнно сознательныхъ и злонамѣренныхъ судебныхъ ошибокъ по отношенію къ мелкимъ гражданскимъ искамъ не свыше 15 р., идущимъ конечно въ большинствѣ отъ наибѣднѣйшей части населенія, въ тѣхъ случаяхъ, когда ея интересы противорѣчатъ личнымъ видамъ и соображеніямъ судей; 3) изобиліе аппелляціонныхъ рѣшеній, освящающихъ судейскія несправедливости сознательно, изъ личныхъ соображеній дружества и товарищества, связывающихъ персоналы коллегіальныхъ судебно-мировыхъ учрежденій, и наконецъ 4) повсемѣстное обиліе, въ личномъ составѣ судебно-мироваго выборнаго института, людей не только неспособныхъ къ надлежащему исправленію судейскихъ обязанностей, но и вообще въ моральномъ и интеллектуальномъ смыслѣ негодныхъ и ненадежныхъ, что неопровержимо и многократно доказано множествомъ даже судебныхъ процессовъ, героями которыхъ оказываются излюбленные люди различныхъ мѣстныхъ город-

скихъ и сельскихъ обществъ, удостоиваемые избраніемъ въ высокое званіе мировыхъ судей. Здѣсь, очевидно, судебные уставы ни при чемъ, и лишь встрѣтились съ общимъ для всей реформированной Россіи неудобствомъ, заключающимся въ радикальныхъ недостаткахъ избирательнаго начала, недостаткахъ, отзывающихся одинаково на всѣхъ новыхъ учрежденіяхъ нашихъ, гдѣ это начало легло въ основу практическихъ отношеній.

На ряду съ вышесказанными существенными недостатками судебныхъ уставовъ, обнаружились и другіе, и тоже въ связи и зависимости отъ слишкомъ идеальнаго воззрѣнія законодателя на практическую жизнь.

Роль судьи, безспорно, высокая; справедливость его рѣшеній—весьма желательна. Но разсуждая о практической важности правосудія, нельзя упускать изъ вида и того соображенія, что она въ полной зависимости отъ быстраго, точнаго и цѣлесообразнаго практическаго осуществленія цѣлей, правосудіемъ преслѣдуемыхъ.

Нищій-поденьщикъ, взыскивающій съ безсовѣстнаго богача-купца недоплаченныя ему за работу деньги, конечно благословитъ судью за справедливый приговоръ въ его пользу. Но восторгъ его значительно охладѣетъ, когда онъ тутъ же узнаетъ, что до момента взысканія онъ можетъ десять разъ умереть съ голода.

А между тѣмъ всѣ процессуальныя формальности и судебными уставами, и судебною практикой, на основаніи ихъ выработанной, какъ будто нарочно соединяютъ всевозможныя удобства для отвѣтчиковъ къ отлыниванію отъ ис-

полненія судебныхъ рѣшеній, и всевозможныя затрудненія для истцовъ въ ихъ стремленіи къ достиженію конечныхъ исковыхъ цѣлей.

Доказать это можно первымъ попавшимся подъ руку примѣромъ изъ повседневной и повсюдной практики мироваго суда, проведя любой гражданскій процессъ съ момента его предъявленія на судѣ и до момента его окончательнаго рѣшенія въ единственной желательной для истца формѣ— т. е., если разумѣть чисто денежное исковое дѣло, какъ это является въ огромномъ большинствѣ процессовъ, въ формѣ полученія надлежащей суммы наличными деньгами.

Выведенный изъ терпѣнія неаккуратностью или, нерѣдко, очевидной недобросовѣстностью должника, кредиторъ заявляетъ противъ него денежный искъ.

Мировой судья отсчитываетъ, по установившемуся почти вездѣ обычаю, со дня этого заявленія двухнедѣльный срокъ и назначаетъ на 15-й день судоговореніе, распоряжаясь о вызовѣ въ судъ къ этому дню отвѣтчика. Истецъ, весьма возможно, что успѣвшій уже и проголодаться по винѣ чужой недобросовѣстности, уходитъ, однако, успокоенный, съ пріятною перспективой черезъ двѣ голодныхъ недѣли поправить желудокъ, а до того времени питаться преимущественно надеждой.

Однако черезъ двѣ недѣли, аккуратно явившись на судъ, онъ не находитъ своего отвѣтчика, хотя и узнаетъ отъ судьи, что повѣстка ему вручена, а это значитъ, что онъ, истецъ, имѣетъ право требовать заочнаго рѣшенія. Тре-

буетъ, и рѣшеніе готово: взыскать не только сполна, но еще и съ судебными расходами. Но вотъ бѣда: заочное рѣшеніе ровно ничего не значитъ, если отвѣтчикъ не пропуститъ двухнедѣльнаго срока для подачи просьбы о пересмотрѣ его, а такъ какъ онъ, конечно, этого срока не пропуститъ, то и въ результатѣ заочнаго рѣшенія получается нуль, и истцу приходится перенести надежды, пожалуй, еще на мѣсяцъ впередъ.

Если предположить, что и вторичное рѣшеніе состоится въ пользу истца, то и тутъ еще дѣлу не конецъ: отвѣтчикъ заявляетъ на рѣшеніе неудовольствіе, а это значитъ, что онъ переноситъ дѣло на разсмотрѣніе мироваго съѣзда, вслѣдствіе чего истцу снова приходится переносить надежды мѣсяца на полтора, на два впередъ. Но и по минованіи этого срока, и даже по утвержденіи съѣздомъ судейскаго рѣшенія, судебныя мытарства не кончаются, ибо начинается послѣднее изъ нихъ, и притомъ всѣхъ горшее.

Получивъ, черезъ какую-нибудь недѣлю послѣ резолюціи съѣзда, исполнительный листъ, истецъ долженъ предъявить его судебному приставу, а послѣдній назначитъ день для исполненія рѣшенія. Въ этотъ роковой день вдругъ обнаруживается, что или отвѣтчикъ куда-либо выбылъ, или съ него нечего взять, или даже имущество, на которое обращено взысканіе, оказывается вовсе не ему принадлежащимъ, или, наконецъ, онъ, т. е. отвѣтчикъ, и самъ вовсе не розысканъ.

Такимъ образомъ, и рабочее время, и докучныя хлопоты, и судебныя пошлины, и розовыя надежды оказываются потраченными лишь для

того, чтобы въ результатѣ получилась, вмѣсто кровныхъ трудовыхъ денегъ, злостная, горькая и обидная судебная насмѣшка надъ признанною самимъ судомъ правдой.

Между тѣмъ для полученія этой насмѣшки понадобились: одинъ рабочій день для заявленія иска, другой для перваго судоговоренія, третій для вторичнаго разбирательства, четвертый для разбирательства на мировомъ съѣздѣ, пятый для полученія исполнительнаго листа, шестой для предъявленія его судебному приставу, и, наконецъ, седьмой для присутствованія при исполненіи рѣшенія.

Итого цѣлая рабочая недѣля *плюсъ* судебныя пошлины и другія неотвратимыя при столь утомительномъ хожденіи сверхбюджетныя траты.

Всего же времени со дня предъявленія иска до полученія окончательной судебной фиги приблизительно понадобилось: двѣ недѣли *до* заочнаго рѣшенія, мѣсяцъ *отъ* заочнаго рѣшенія *до* вторичнаго разбирательства, двѣ недѣли на аппелляціонный отзывъ, мѣсяцъ со дня его представленія до разсмотрѣнія на съѣздѣ, недѣля на полученіе исполнительнаго листа, и двѣ недѣли со дня предъявленія его приставу до исполненія рѣшенія, итого, слѣдовательно, почти четыре мѣсяца голодныхъ надеждъ, къ тому же въ концѣ концовъ разбитыхъ и осмѣянныхъ.

Спрашивается: стоитъ ли такихъ четырехмѣсячныхъ мытарствъ съ понятнымъ душевнымъ раздраженіемъ, съ сердечной тревогой, да еще въ большинствѣ случаевъ съ голоднымъ брюхомъ, да съ потерей цѣлыхъ семи рабочихъ дней и по-

слѣднихъ грошей, какой-нибудь 16-или 20-рублевый искъ? И не равняется ли такое правосудіе, хотя бы и обставленное самыми прекрасными формальностями, по своему окончательному результату полному безсудію?

Нужно имѣть въ виду, что лица, имѣющія частыя соприкосновенія съ судомъ, составляютъ исключеніе, что каждый гражданинъ, взятый въ отдѣльности, имѣетъ надобность въ правосудіи лишь изрѣдка, по какимъ-либо случайнымъ обстоятельствамъ, почему и не имѣетъ никакого представленія о дѣйствительной постановкѣ судебныхъ распорядковъ, и по истинѣ прискорбно для репутаціи правосудія, если, при первомъ же къ нему обращеніи, онъ получитъ отъ него услугу, подобную выше изображенной.

Больному важно не то, кто его лечитъ, какими лекарствами, по чьей системѣ и согласно ли съ требованіями медицинской науки и врачебнаго искусства, а то, чтобы его вылечили, вернули ему утраченное здоровье; и если врачи, призванные къ его постели и нѣ съумѣвшіе ему помочь, будутъ его увѣрять, что они лечили его строго сообразно съ предписаніями медицины, то и ему отъ того не станетъ легче, и о нихъ онъ получитъ понятіе не слишкомъ для нихъ лестное, и конечно пожалѣетъ, что къ нимъ обратился.

Не также ли точно, и притомъ совершенно естественно и разумно, пожалѣетъ о своемъ обращеніи къ правосудію гражданинъ, послѣ четырехмѣсячныхъ хлопотъ и заботъ о своемъ правомъ дѣлѣ добившійся только насмѣшки надъ нимъ? Не въ правѣ ли онъ сказать, что ходилъ въ судъ

вовсе не для уроковъ юридической практики, а за полученіемъ трудовыхъ денегъ, и что то правосудіе, при помощи котораго не достигается его конечная цѣль, правосудіе плохое, что не стоитъ къ нему обращаться, и что если въ его дѣлѣ блистательно проведены всѣ требуемыя закономъ формальности и обрядности судопроизводства, а денегъ онъ все таки не получилъ, то отъ этого ему не легче?

За то много легче ему становятся сношенія съ правосудіемъ, и много успѣшнѣе по ихъ конечнымъ результатамъ, когда онъ, въ этихъ сношеніяхъ, обращается къ посредничеству адвокатуры, и это обстоятельство, по нашему мнѣнію, служитъ наилучшимъ доказательствомъ того, что въ практической постановкѣ правосудія заключаются существенные недостатки: если бы оно отправлялось на основаніи точныхъ, изъ народнаго разума, совѣсти и обычая проистекшихъ законовъ, строго между собою согласованныхъ, то процессуальныя формальности и обряды, въ свою очередь строго согласованные съ духомъ и буквою законовъ, лишь бы облегчали населенію непосредственный къ нему доступъ и довѣрчивое съ нимъ обращеніе.

Къ сожалѣнію, наша судебная практика обнаруживаетъ фактъ совершенно противоположнаго характера: безпомощность гражданина предъ судебными обрядами и формами, и стремленіе его, по возможности, освобождаться отъ докучныхъ хлопотъ судопроизводства, передавая ихъ тягость лицамъ, спеціально ихъ изучившимъ и

изъ ихъ знанія и торговли этимъ знаніемъ сдѣлавшихъ свою профессію.

Къ еще большему сожалѣнію, наша профессіональная адвокатура съ первыхъ же дней своего существованія проявила несомнѣнное стремленіе не столько служить правосудію, сколько удовлетворять жаждѣ наживы и обогащенію. При наличности такого направленія, она, естественно, пренебрегаетъ низменными сферами судебно-мировой инстанціи и избѣгаетъ сношеній съ небогатою, въ большинствѣ случаевъ, кліентеллой, имѣющей отношенія преимущественно къ этой инстанціи, выбирая кліентовъ съ дѣлами, возможно болѣе для нея выгодными, отнесенными къ вѣдѣнію Окружнаго суда.

Появленіе сколько-нибудь свѣдущаго адвоката, напримѣръ присяжнаго повѣреннаго, въ камерѣ мироваго судьи и съ первыхъ-то дней судебной реформы производило сенсацію, а теперь и вовсе составляетъ рѣдкость, объясняемую развѣ какою-нибудь случайною надобностью въ услугахъ мироваго правосудія у его богатаго кліента.

Такимъ образомъ большинство небогатаго населенія вынуждается или прибѣгать къ услугамъ сомнительнаго качества ходатаевъ, или же распутываться въ сѣтяхъ процессуальной формалистики собственными силами, и какой изъ этихъ способовъ лучше, какой хуже—даже и рѣшить трудно.

Въ результатѣ собственныхъ усилій весьма легко, какъ мы видѣли, получается *нуль*, да еще и не одинъ, а вмѣстѣ съ нѣсколькими *минусами*; послѣдствіемъ адвокатской услуги, при ея неудачѣ, тотъ же *нуль*, но съ минусами гораздо болѣе значитель-

ными, ибо дороговизна этихъ сомнительныхъ ходатаевъ равняется ихъ алчности и безцеремонности, послѣднія же, особенно въ сношеніяхъ съ темною массой бѣднаго люда, отнюдь не стѣсняются границами добросовѣстности. Въ случаѣ даже вполнѣ удачнаго окончанія процесса, кліентъ все-таки остается въ болѣе или менѣе чувствительномъ дефицитѣ, ибо значительная, если не львиная доля исковой суммы отдается имъ адвокату.

Такимъ образомъ, практическая постановка судопроизводства въ судебно-мировыхъ учрежденіяхъ, безспорно облегчивъ населенію *доступъ* къ правосудію, уничтоживъ судейское взяточничество и вымогательство въ грубыхъ его формахъ, процвѣтавшихъ въ дореформенное время, въ значительной мѣрѣ парализовала эти удобства, вызвавъ къ жизни и ихъ нежелательные эквиваленты: неспособность правосудія къ осуществленію его рѣшеній, съ одной стороны, и ненормальную постановку адвокатуры—съ другой.

Этимъ и объясняется замѣтное охлажденіе народа къ мировому суду, который такъ восторженно былъ имъ встрѣченъ въ первые дни его существованія. Практическая мудрость народа, сталкиваясь съ неудобствами новыхъ судебныхъ порядковъ и сравнивая ихъ съ прежними, не безъ свойственнаго ей цинизма замѣчаетъ, что если прежніе подъячіе и брали, то брали за дѣло, а нынѣшній адвокатъ хотя также возьметъ, но неизвѣстно еще, сдѣлаетъ ли дѣло, такъ что въ иныхъ случаяхъ при прежнемъ взяточничествѣ выходило и много скорѣе, и много дешевле, и вся разница

въ томъ, что прежде платили самимъ судьямъ, а теперь адвокатамъ—разница для плательщика ничуть не существенная. За то разница громадная въ томъ, что прежде никакихъ адвокатовъ не знали, теперь же безъ нихъ обходится развѣ одна нищета.

Всѣ вышеизложенныя замѣчанія въ той же мѣрѣ относятся и къ уголовной сторонѣ мироваго правосудія, съ тѣмъ развѣ занимательнымъ дополненіемъ, что большинство уголовной его кліентеллы ничуть не нуждается въ адвокатурѣ, равно какъ, по той же причинѣ, не имѣетъ мотивовъ хорониться отъ судебной кары: не говоря уже о тѣхъ нерѣдкихъ случаяхъ, когда преступники смотрятъ на преступленіе, какъ на средство къ полученію полнаго тюремнаго пансіона на тотъ или другой срокъ, значительная ихъ часть, по своимъ низменнымъ нравственнымъ понятіямъ и по своему незавидному соціальному положенію, въ тюремной высидкѣ видятъ не столько позоръ и наказаніе, сколько отдохновеніе отъ голодной свободы на сравнительно сытыхъ тюремныхъ харчахъ и привольное тунеядство на казенный счетъ, которыя, послѣ тяжелой работы ради исключительно дневнаго пропитанія, едва ли могутъ представлять для нихъ что-либо ужасное.

Область окружнаго суда за истекающую четверть вѣка его существованія вызывала нерѣдко сильные и не всегда безосновательные противъ себя протесты въ обществѣ и печати. Эти протесты, въ пылу полемики, доходили до размѣровъ, вызывавшихъ по истинѣ болѣзненное чувство у

людей, которымъ дороги интересы родины, а слѣдовательно и правильная постановка въ ней суда, довѣріе и уваженіе къ нему населенія, тотъ ореолъ, которымъ долженъ быть окруженъ судъ скорый, строгій и правый: то изображали эту область обширнымъ бассейномъ съ сотнями привольно плавающихъ въ немъ щукъ, то ареной для словесныхъ турнировъ прокурорскаго и адвокатскаго краснорѣчія, то трибуной для издѣвательства современныхъ софистовъ надъ законами совѣсти и логики, то игорнымъ домомъ, гдѣ въ азартной игрѣ игроки мечутъ карты на человѣческое счастіе, общественную, служебную и семейную честь, на гражданскія и семейныя права людей, на всевозможныхъ размѣровъ денежныя суммы и т. д., тогда какъ истина разыгрывается якобы въ лоттерею, колесо которой вертится адвокатами и прокурорами, то, наконецъ, святилищемъ возможнаго въ семъ мірѣ правосудія, гдѣ общественная совѣсть совершаетъ великое судейское тайнодѣйствіе, направленное къ наказанію порока и преступленія и защитѣ добродѣтели и невинности, но святилищемъ, которое для этого тайнодѣйствія призываетъ не истинныхъ жрецовъ справедливости, а случайныхъ прохожихъ съ улицы, вслѣдствіе чего и само теряетъ свое священное достоинство, преображаясь въ «судъ улицы».....

Долго не кончили бы мы этого перечня сравненій, къ которымъ подавала поводъ существующая у насъ постановка окружнаго суда, и которыя вызывались въ обществѣ и печати тѣми или другими судебными рѣшеніями, ошибками, а подчасъ—увы!—и тенденціями.....

Что касается, въ частности, гражданскаго судопроизводства этой инстанціи—о немъ ничего нельзя сказать иного кромѣ того, что сказано выше относительно мироваго суда, развѣ съ тѣмъ дополненіемъ, что: 1) здѣсь немыслимо обходиться безъ адвокатовъ, и притомъ несомнѣнно надежныхъ, а вслѣдствіе этого и правосудіе обходится несравненно дороже; 2) здѣсь полное торжество адвокатуры, и едва ли не ея одной, такъ какъ, извѣстными ей одной способами, она находитъ нерѣдко возможность пробираться къ самымъ вѣсамъ гражданской ѳемиды, и, пользуясь ея слѣпотой, продѣлывать надъ ними всевозможныя манипуляціи, требуемыя интересами не правосудія, а ея самой и ея кліентеллы.

Не станемъ выдавать за непреложную истину, но не можемъ и вовсе обойти молчаніемъ фактъ, на который указываютъ, какъ на повсемѣстное, будто бы, явленіе въ судебныхъ сферахъ, и который является въ формѣ постоянной и неоплатной задолженности не малой части судебнаго персонала свѣтиламъ мѣстной адвокатуры, задолженности, отчасти объясняемой несоразмѣрностью его содержанія съ требованіями общественнаго положенія и дороговизною жизни. И такъ какъ дыма безъ огня не бываетъ, то, полагаемъ, и этотъ фактъ напрашивается на разслѣдованіе, хотя бы для удостовѣренія въ его вымышленности, которое въ интересахъ репутаціи судебнаго сословія, конечно, какъ нельзя болѣе желательно, а въ интересахъ правосудія и вовсе необходимо.

Судъ присяжныхъ у всѣхъ передъ глазами: о достоинствахъ его говорено такъ много, и всѣ они, при соединеніи извѣстныхъ условій, такъ

легко достижимы, что о нихъ нѣтъ особой надобности и распространяться. Недостатки же его заключаются въ томъ, что на его сужденіяхъ не могутъ не отражаться общественныя воззрѣнія и понятія со всѣми присущими имъ несовершенствами и абсурдами.

Если бы предположить судъ присяжныхъ въ Содомѣ, то конечно противуестественный порокъ, которымъ прославился этотъ библейскій городъ, всегда бы выходилъ оправданнымъ.

Присяжные засѣдатели изъ абхазскихъ горцевъ, привыкшихъ за малѣйшее оскорбленіе выпускать кишки своимъ ближнимъ, конечно всегда оправдали бы самаго отчаяннаго дуэлиста.

Злостный банкротъ предъ двѣнадцатью торговцами, изъ которыхъ четверо уже выворачивали карманы, четверо выворачиваютъ, а остальные четверо собираются выворотить, конечно покажется не столько преступникомъ, сколько неудачникомъ, не столько грабителемъ, сколько зарвавшимся смѣльчакомъ, и т. д. т. п.

Словомъ, судъ присяжныхъ всегда и вездѣ—судъ именно общественной совѣсти, и его достоинство не можетъ не быть въ зависимости отъ того уровня, на которомъ эта совѣсть въ данномъ мѣстѣ и въ данное время находится. Возвыситься надъ нимъ, при такихъ условіяхъ, ему нѣтъ возможности, и потому какіе бы то ни было толки о его, будто бы, воспитательномъ значеніи для общества—не болѣе, какъ логическое недоразумѣніе.

Къ этому существенному и неустранимому недостатку въ нашемъ судѣ присяжныхъ присое-

диняются: 1) въ большинствѣ случаевъ неизбѣжная слабость и неумѣлость предварительнаго слѣдствія, поручаемаго молодымъ людямъ, едва успѣвшимъ получить университетскій дипломъ; 2) свойственное вообще русскому человѣку сердоболіе къ преступникамъ, склонное видѣть въ нихъ непремѣнно несчастныхъ, и 3) беззащитное положеніе присяжныхъ, въ большинствѣ людей необразованныхъ, не развитыхъ, невѣжественныхъ и даже нерѣдко безграмотныхъ, предъ трескотнею адвокатскаго краснобайства, которое представляется имъ, естественно, верхомъ человѣческой мудрости и вѣнцомъ краснорѣчія. Что же удивительнаго, что у насъ то и дѣло общественная совѣсть выпускаетъ на волю головорѣзовъ, полоумныхъ отцеи-жено-и-дѣто-убійцъ, дерзкихъ святотатцевъ, наглыхъ грабителей и разбойниковъ, не говоря уже о герояхъ воровства, подлога, мошенничества и плутни?

Нельзя, кромѣ того, обойти молчаніемъ и многочисленныхъ другихъ неудобствъ, которыя испытываетъ наша общественная совѣсть въ лицѣ присяжныхъ, призываемыхъ къ исправленію ихъ великой обязанности безъ всякаго соображенія съ ихъ личнымъ и соціальнымъ положеніемъ, на основаніи однихъ лишь внѣшнихъ признаковъ гражданской благонадежности, выражаемой предварительной судебной неопороченностью.

Объ этихъ неудобствахъ свидѣтельствуютъ удостовѣренные факты: и нищенскаго побирошничества присяжныхъ на кусокъ хлѣба въ теченіе той самой сессіи, на которой они изображаютъ общественную совѣсть, согнанные для этой высокой

цѣли за нѣсколько десятковъ верстъ безъ гроша въ карманѣ, и даже подкупа присяжныхъ, и не только деньгами, а простымъ угощеньемъ въ трактирахъ, и т. п.

Наконецъ, главнѣйшій недостатокъ суда присяжныхъ, и недостатокъ *пока* неизбѣжный и неустранимый, обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что, составляя самъ по себѣ послѣднее слово юридическаго прогресса, вѣнецъ современнаго законодательства и драгоцѣннѣйшій перлъ нашихъ судебныхъ уставовъ, онъ вынужденъ, постановляя свои приговоры, сообразоваться съ такимъ во всѣхъ отношеніяхъ обветшалымъ анахронизмомъ, каково наше Уложеніе о наказаніяхъ, оставшееся неизмѣннымъ посреди полнаго почти обновленія всѣхъ сторонъ гражданской жизни, глухимъ ко всѣмъ новымъ требованіямъ, ею предъявляемымъ, и безучастнымъ ко всему разнообразію обстоятельствъ и отношеній, ею созданныхъ и создаваемыхъ.

Въ заключеніе два-три слова о верховномъ судилищѣ кассаціонной инстанціи, рѣшенія коей, какъ извѣстно, имѣютъ законодательную силу въ судебной практикѣ: давно уже не безъизвѣстно, что безчисленное множество этихъ рѣшеній за цѣлые двадцать пять лѣтъ новаго суда представляетъ, въ своихъ подробностяхъ, массу противорѣчій, одно другое побивающихъ, при чемъ одна и таже статья закона въ различныхъ рѣшеніяхъ за различными нумерами толкуется различно. Это не только не облегчаетъ правосудія, но и способствуетъ частымъ судебнымъ недоразумѣніямъ и ошибкамъ, и ловкому адвокату сто-

итъ лишь выбрать, смотря по надобности, то или другое рѣшеніе, чтобы напустить судьямъ туману въ глаза и расположить ихъ къ той именно ошибкѣ, какая ему желательна въ интересахъ его кліента. Достигается это безъ особаго труда, ибо судья, знающій всѣ кассаціонныя рѣшенія, былъ бы такимъ же чудомъ, какъ Юлій Цезарь, знавшій по именамъ и въ лице всѣхъ своихъ солдатъ.

IX.

Что дѣлать?

Въ этой послѣдней главѣ книги, посвященной изложенію нашихъ воззрѣній и наблюденій надъ современнымъ состояніемъ общественной и гражданской жизни Русскаго народа, для того, чтобы съ возможною и желательною обстоятельностью высказать наши *pia desideria*, считаемъ необходимымъ резюмировать положенія и выводы, разсѣянные въ предыдущихъ главахъ: указавъ неудобства и недостатки, замѣчаемые въ той или другой области народнаго быта, легче будетъ намѣтить и тотъ путь, которому должно слѣдовать въ ихъ устраненіи и исправленіи, и даже существенный характеръ самыхъ исправленій, измѣненій и улучшеній, требуемыхъ тою или другою областью жизни, короче сказать — легче будетъ видѣть, *что* предстоитъ *дѣлать* въ той или другой изъ этихъ областей.

Наше крестьянство по-реформеннаго времени обнаружило стремленія: къ неумѣренному пользованію выгодами личной свободы и даже къ злоупотребленію ею, къ пренебреженію сельско-

хозяйственнымъ трудомъ и къ замѣнѣ его отхожими заработками внѣ дома и семьи.

Дворянство, вслѣдствіе давней привычки къ одной только формѣ сельско-хозяйственныхъ занятій, выражавшейся даровымъ трудомъ крѣпостнаго крестьянства, отчаявшись въ возможности и выгодности земледѣлія и землевладѣнія на новыхъ началахъ, частію отшатнулось отъ своихъ хозяйствъ, устремившись на чуждыя ему профессіи, частію сократило хозяйства и уменьшило заботливость о ихъ поддержаніи и улучшеніи, результатомъ чего явилось сокращеніе его доходовъ, и безъ того уменьшившихся вслѣдствіе эмансипаціи. При отсутствіи навыка къ сбереженіямъ, представлявшимся почти не нужными при существованіи крѣпостныхъ отношеній, при традиціонной привычкѣ не стѣсняться въ удовлетвореніи повседневныхъ освященныхъ обычаемъ потребностей, это двукратное уменьшеніе доходовъ отразилось на цѣломъ сословіи или обѣднѣніемъ, или и совершеннымъ разореніемъ значительной его части.

Самоуправленіе, кривою линіей прорѣзавшее всю русскую преобразованную жизнь сверху до низу, отъ затерявшейся въ глуши деревушки до палатъ столичныхъ муниципалитетовъ, проникшее почти во всѣ области гражданскаго быта, отъ призрѣнія бѣдныхъ до суда, отъ сельскихъ школъ до путей сообщенія, отъ податнаго обложенія до торговли и промысловъ, и во всѣ эти сферы народной жизни внесшее не столько порядка и прогресса, сколько деморализаціи и отравы, страдаетъ однимъ общимъ недугомъ, который

проявляется одновременно въ трехъ болѣзненныхъ формахъ: безнадзорности, безотвѣтственности и безнаказанности, и мы полагаемъ, что не напрасно посвятили этимъ явленіямъ наиболѣе значительную долю вниманія по сравненію съ другими явленіями современной жизни.

Что касается администраціи, то она, непосредственно за всеобъемлющимъ значеніемъ, какое имѣла въ до-реформенной нашей жизни, подъ давленіемъ преобразованій сразу лишилась значительной доли и своего нравственнаго престижа, и практическаго вліянія на дѣла, и если въ качественномъ отношеніи своего личнаго состава не испытала особо замѣтныхъ улучшеній, но значительнымъ уже соціальнымъ прогрессомъ слѣдуетъ признать и тотъ фактъ, который, надѣемся, никто оспаривать не станетъ: это — присущее современной администраціи внутреннее убѣжденіе, что не *всѣ* для *нея* одной, какъ было въ дореформенномъ быту, а напротивъ, *она* для *всѣхъ* гражданъ вообще и для *каждаго* изъ нихъ въ частности, что ея роль въ общественной жизни въ точномъ смыслѣ слова *служебная,* и *только* служебная, а не распорядительная и организаторская. Присутствіе этого соображенія сказывается въ направленіи всей современной администраціи отъ самыхъ нижнихъ до самыхъ верхнихъ ея слоевъ, и выражается даже въ отрицательныхъ проявленіяхъ ея дѣятельности: въ наиболѣе вопіющихъ злоупотребленіяхъ ея служебнымъ долгомъ выражается всего чаще не столько *ея* исключительное давленіе на населеніе, ту или другую его часть или отдѣльныхъ

гражданъ, сколько давленіе на *нее* самое той или другой общественной корпораціи или даже отдѣльной личности, почему-либо въ данномъ мѣстѣ и въ данное время нравственно и матеріально возобладавшихъ надъ населеніемъ и вмѣстѣ съ его массой подчинившихъ себѣ и администрацію.

Наконецъ судъ, хотя и не вполнѣ разочаровавшій населеніе за двадцать пять лѣтъ своего существованія въ своихъ достоинствахъ и въ своемъ почти магическомъ значеніи, какое придавалъ ему народъ въ первые дни судебной реформы, но обнаруживший, тѣмъ не менѣе, массу недостатковъ и неудобствъ въ практической постановкѣ, требуетъ тщательнѣйшей и быстрѣйшей расчистки отъ плевелъ, которыми успѣла прорасти его благодатная нива, требуетъ немедленнаго и разумнаго законодательнаго удобренія этой нивы, для того, чтобы благія сѣмяна, брошенныя въ нее судебною реформой, дали успѣшные всходы, и чтобы всходы эти не заглохли, подъ вліяніемъ законодательной неподвижности, консерватизма и ретроградства, отъ сорныхъ травъ, подъ этимъ же вліяніемъ быстро разростающихся.

Вотъ какъ мы резюмируемъ современное положеніе главнѣйшихъ сторонъ нашего преобразованнаго общественнаго и гражданскаго строя. Что нужно сдѣлать для того, чтобы этотъ строй не шатался, а утверждался, и не на идеальномъ пескѣ либеральныхъ фантазій, а на прочной основѣ здраваго смысла—отвѣтъ на этотъ вопросъ мы и предложимъ здѣсь вниманію читателей.

Прежде всего—нѣсколько общихъ соображеній. Общественный и гражданскій строй народной жизни, также какъ и политическій, и государственный, и всякій другой, отнюдь нельзя подвергать даже отдаленному сравненію съ какимъ-либо архитектурнымъ сооруженіемъ: только что выстроенное зданіе, буде оно не удовлетворяетъ ожиданіямъ, на него возлагавшимся, можно разобрать до послѣдняго камня въ фундаментѣ, чтобы затѣмъ соорудить новое, согласно своимъ желаніямъ и предположеніямъ. Не таково зданіе гражданскихъ и общественныхъ учрежденій въ человѣческихъ обществахъ: составляя нѣчто цѣльное и нераздѣльное съ общественнымъ организмомъ, для потребностей коего созидаются, они не могутъ выносить никакихъ потрясеній, никакихъ значительныхъ и существенныхъ измѣненій, а тѣмъ болѣе совершеннаго уничтоженія, не производя потрясенія и во всемъ общественномъ организмѣ.

Поэтому и не желательна какая бы то ни было радикальная ломка такихъ учрежденій, да притомъ и безполезна. Совершенства человѣку и человѣчеству не дано въ удѣлъ: ихъ и святая обязанность, и цѣль—не болѣе, какъ стремленіе къ улучшенію разнообразныхъ условій своего существованія въ семъ мірѣ, а этого улучшенія трудно было бы ожидать, еслибъ каждый недостатокъ того или другаго человѣческаго учрежденія подвергалъ опасности и самое его существованіе.

Отсюда первое правило и государственной, и народной мудрости: беречь то, что создано жизнію, ограничивая прогрессивныя стремленія част-

ными измѣненіями, дополненіями и улучшеніями существующаго, и отнюдь не доводя ихъ до его абсолютнаго разрушенія и уничтоженія. Исправить неудобное готовое—и гораздо проще, и дешевле, и скорѣе, нежели уничтожить и опять создавать новое, и никто не станетъ рвать въ клочья новаго, неловко сшитаго платья, для того, чтобы бросивъ эти лоскутья, снова шить другое, а конечно употребитъ мѣры, чтобы готовое передѣлать въ удобное.

Обязываемся высказать эту общую сентенцію въ томъ соображеніи, чтобы кто-либо не подумалъ, что, указывая на недостатки современныхъ учрежденій, мы склоняемся къ мысли о ихъ совершенной непригодности и слѣдовательно безполезности ихъ существованія, а отсюда и цѣлесообразности уничтоженія.

Напротивъ: не говоря уже о личной свободѣ крестьянства, о сравнительномъ увеличеніи вообще личной свободы гражданъ, и самоуправленіе во всѣхъ его развѣтвленіяхъ, и администрація со всѣми несовершенствами своей практической постановки и неудобствами ея для населенія, и судъ со всѣми аномаліями своихъ практическихъ подробностей—уже однимъ качествомъ готовыхъ, созданныхъ жизнію учрежденій заслуживаютъ право не только на существованіе, но и на сочувствіе, и только этимъ послѣднимъ и объясняются указанія на присущіе имъ недостатки, освобожденіе отъ которыхъ и желательно, и достижимо.

Не о каждомъ, кто молчитъ объ этихъ недостаткахъ, было бы справедливо заключить, что онъ такъ дѣлаетъ потому, что не сочувствуемъ са-

мымъ учрежденіямъ; но о томъ, кто говоритъ, слѣдуетъ заключить, что онъ сочувствуетъ, и только потому и говоритъ, что сочувствуетъ и не можетъ не сочувствовать.

Деревня наша, съ момента ея освобожденія, страдаетъ недугомъ безвластія и безначалія: на этотъ недугъ давно уже обращено вниманіе и общества, и печати, и правительства; къ уврачеванію его давно замышлялись различныя средства, и институтъ урядниковъ былъ первою пробой этихъ средствъ.

Но какъ одинъ фельдшеръ безсиленъ противъ повальной болѣзни цѣлой деревни, такъ и урядникъ, хотя и пробудилъ въ разнуздавшемся мужикѣ смутное представленіе о законѣ и порядкѣ, далѣе пойти въ этомъ направленіи оказался безсиленъ и по собственной нравственной безпомощности, и по ограниченнымъ правамъ своего служебнаго положенія, и вслѣдствіе тупаго, но упорнаго сопротивленія среды, въ которой онъ призванъ былъ дѣйствовать хотя и на пользу ея самой, но мѣрами, далеко ей не симпатичными.

Что на урядника правительство и само смотрѣло, какъ на полумѣру, какъ на первый опытъ, это доказывается и новоучрежденнымъ институтомъ уѣздныхъ начальниковъ и вообще предстоящею реформой уѣзднаго управленія: фельдшеръ оказался слабосиленъ и не компетентенъ для исцѣленія болѣзни, и вотъ, къ нему и надъ нимъ назначается врачъ, съ большимъ запасомъ интеллектуальныхъ силъ, съ большимъ райономъ правъ, съ обширнѣйшею сферою вліянія.

Какъ этотъ врачъ поведетъ дѣло врачеванія, какихъ результатовъ достигнетъ, это вопросъ будущаго, предрѣшать который нѣтъ смысла, но несомнѣнно то, что уже одно присутствіе живой власти должно оказать благотворное вліяніе на жизнь, сложившуюся въ безвластіи и безначаліи. Въ благоустроенныхъ городахъ добропорядочная полиція не сидитъ на каждой тумбѣ и не толчется на каждомъ углу, а напротивъ, изображаетъ какъ бы невидимку; но ни денныхъ грабежей, ни разбоевъ, ни уличныхъ побоищъ въ такихъ городахъ, тѣмъ не менѣе, не происходитъ, ибо всякій знаетъ, что въ случаѣ надобности полиція выростаетъ изъ земли, и это общее сознаніе водворяетъ въ сотняхъ тысячъ жителей отрадную увѣренность въ общественной безопасности.

Но не однимъ безвластіемъ и безначаліемъ страждетъ наша деревня: при ихъ косвенномъ воздѣйствіи освобожденный мужикъ обзавелся и другими недугами, пожалуй не менѣе для него опасными, а въ нравственномъ и экономическомъ отношеніи еще болѣе вредными. О нихъ мы болѣе или менѣе обстоятельно говорили въ одной изъ предыдущихъ главъ, и здѣсь попробуемъ только указать цѣлесообразныя мѣры къ тому, чтобы разсѣять замѣчаемое въ крестьянствѣ равнодушіе и небреженіе къ своей исконной и вѣчной кормилицѣ-землѣ, снова привязать его къ ней такъ, какъ онъ привязанъ былъ въ эпоху крѣпостнаго рабства, и охладить его безсмысленное рвеніе изъ скучной деревни на развеселое проживаніе среди городскихъ и фабричныхъ трущобъ, внѣ дома и семьи.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ этого достигнуть? Если крестьянинъ сокращаетъ или вовсе бросаетъ хлѣбопашество, и если это прискорбное явленіе мало по малу изъ разряда исключеній начинаетъ переходить въ общее правило, было бы легкомысленнымъ объяснять его какою-либо общей причиной въ родѣ огульной лѣности, повальнаго пьянства и т. д., и гораздо добросовѣстнѣе будетъ объяснить: или 1) дурнымъ качествомъ земли, или 2) случайнымъ истощеніемъ почвы, по существу плодородной, или, наконецъ, 3) недостаточнымъ количествомъ земли, не способной даже при сравнительно достаточныхъ урожаяхъ прокармливать земледѣльца и его семью. Причины эти извѣстны не со вчерашняго дня, и къ устраненію ихъ или измѣненію надлежащія мѣры указываются и историческимъ опытомъ, и современными обстоятельствами, и политико-экономическими соображеніями.

Гдѣ земля является для крестьянина мачихой, недоборы съ нея онъ самъ издавна научился и привыкъ покрывать отхожими заработками и кустарными промыслами, а въ позднѣйшее время и фабричнымъ трудомъ. Гдѣ плодородная почва подвергается истощенію, тамъ необходимо усиленное и разумное удобреніе, а для этого—болѣе или менѣе благоустроенное усадебное хозяйство. Гдѣ, наконецъ, не хватаетъ земли, хотя бы и доброкачественной, тамъ требуется или разселеніе, или даже, какъ мѣра чрезвычайная, переселеніе.

И вотъ, для правительственной и общественной заботливости открывается обширное поле дѣятельности, направленной къ тому, чтобы воз-

вратить крестьянина землѣ, отъ которой его отрываютъ и обстоятельства, къ счастію временныя и случайныя, и собственное его малодушіе и неразуміе.

Благовременное и соразмѣрное съ необходимостью воспособленіе крестьянству въ развитіи кустарныхъ промысловъ, гдѣ они уже существуютъ, и въ созданіи тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ; матеріальная или даже прямо денежная помощь ему на благоустроеніе его частныхъ разоренныхъ хозяйствъ, въ видѣ ссудъ на обзаведеніе домашнимъ и рабочимъ скотомъ для тѣхъ изъ землепашцевъ, которые вынуждаются неблагопріятными обстоятельствами вести хозяйство безкоровное и даже безлошадное, тѣмъ самымъ обрекая свои земли на конечное истощеніе и безплодіе; облегченіе тѣмъ земледѣльцамъ, которыхъ гнететъ тѣснота и малоземелье, разселенія по мѣстностямъ болѣе просторнымъ, и даже переселенія въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣстности въ тѣхъ случаяхъ, когда простое разселеніе не осуществимо—вотъ главнѣйшія мѣры, намѣченныя теперешними обстоятельствами крестьянства къ тому, чтобы сдѣлать для него земледѣльческій трудъ не только неизбѣжнымъ, но и привлекательнымъ.

Какъ организовать эти разнообразные виды вспомоществованія, на кого возложить ихъ осуществленіе, въ какихъ формахъ ихъ выразить—это уже вопросъ, подлежащій рѣшенію власти административной и общественной; мы-же, съ своей стороны,укажемъ на Крестьянскій банкъ, который безъ особыхъ затрудненій могъ бы рас-

ширить и программу, и размѣръ своихъ операцій, не ограничивая ихъ ссудами лишь для увеличенія территоріи крестьянскихъ владѣній.

Денежная помощь на расширеніе или созданіе кустарнаго дѣла, на упорядоченіе или поправку захудалыхъ частныхъ хозяйствъ, на разселеніе и даже переселеніе—можетъ представляться рискованною лишь на взглядъ банковой рутины, основанной на опытѣ, почерпнутомъ изъ быта большихъ городовъ, гдѣ кредитныя учрежденія ограничиваютъ свою помощь незначительнымъ кружкомъ людей прочной состоятельности, отказывая въ ней людямъ, дѣйствительно нуждающимся.

Деревенскіе кулаки всею своею практикой подтверждаютъ основательность этого соображенія, на операціяхъ крестьянскаго кредита отнюдь не разоряясь, а день ото дня богатѣя, не смотря на то, что практикуютъ самую опасную форму кредита — въ большинствѣ случаевъ безъ всякихъ документовъ, записей и формальностей, что называется изъ полы въ полу и всего чаще съ глазу на глазъ.

Что касается въ частности разселенія и переселенія, то, помимо непосредственной помощи переселенцамъ, правительство могло бы облегчить разрѣшеніе весьма важнаго для государства переселенческаго вопроса предоставленіемъ переселенцамъ въ арендное пользованіе громадныхъ земельныхъ пространствъ, которыми, слава Богу, такъ богата казна рѣшительно во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи, при чемъ переселенцы, конечно, и не подумали бы даже о ничтожной долѣ тѣхъ льготъ, какими тоже правитель-

ство ублажало въ разное время переселенцевъ-чужестранцевъ, а напротивъ, обезпечивали бы казнѣ по крайней мѣрѣ тотъ же земельный доходъ, какой она и доселѣ получала, вмѣстѣ съ тѣмъ избавляя ее отъ необходимости содержать болѣе или менѣе значительный служебный персоналъ для завѣдыванія этими землями и эксплуатаціи ихъ.

Но одновременно съ этимъ рядомъ мѣръ, долженствующихъ, путемъ облегченія крестьянскаго хозяйства, возвратить крестьянина землѣ, которую онъ, въ сущности, продолжаетъ любить, необходима и другая мѣра, разсчитанная на то, чтобы положить конецъ или хотя предѣлъ странному явленію крестьянскаго абсентеизма, составляющаго не болѣе, какъ безсмысленнѣйшій видъ злоупотребленія личною свободой. Разумѣемъ здѣсь безцѣльное и бездѣльное шатаніе мужичья изъ деревень на воображаемые городскіе и столичные заработки, съ единственнымъ имуществомъ въ видѣ ржаваго топора, съ единственнымъ умѣньемъ колоть дрова, но съ неисцѣлимымъ стремленіемъ къ привольной городской жизни съ трактирными чаями и, по деревенскимъ понятіямъ, легкими и крупными деньгами.

Эти новоявленные Робинзоны легкой добычи, низводя серьезное дѣло отхожихъ промысловъ до низкой степени простаго бродяжничества, наводняя собою и безъ того густо заселенные города и столицы, и тѣмъ способствуя пониженію заработной платы въ этихъ крупныхъ центрахъ промышленной и торговой дѣятельности до крайняго, почти невыносимаго *minimum*'а, лишь отбиваютъ

кусокъ хлѣба у мѣстнаго кореннаго чернорабочаго люда, не достигая сами той прямой цѣли, которою прикрываютъ свои поползновенія къ безшабашнымъ скитаніямъ и шатаніямъ. Поденный заработокъ, въ большинствѣ случаевъ выпадающій на ихъ долю, весь сполна проживаютъ они на дорогихъ городскихъ харчахъ, развлеченіяхъ и соблазнахъ, да кромѣ того, то и дѣло остаются и безъ всякаго заработка, существуя чѣмъ Богъ послалъ, и, не смѣя вернуться въ деревню безъ добычи, сплошь и рядомъ поступаютъ въ ряды городскаго и столичнаго пролетаріата, увеличивая на цѣлыя тысячи и десятки тысячъ человѣкъ и безъ того не малочисленные контингенты подонковъ городскаго населенія, а затѣмъ, по минованіи паспортныхъ сроковъ, переходятъ въ темный разрядъ формальныхъ бродягъ, откуда уже не далеко и до преступленій.

Современная административная практика, въ случаяхъ обнаруженія такихъ нелегальныхъ обывателей, выпроваживаетъ ихъ, на казенный счетъ, такъ называемымъ этапнымъ порядкомъ, во свояси, но какъ они являются къ своимъ пенатамъ въ значительной степени отравленные городскими привычками къ разнаго рода излишествамъ, а нерѣдко и къ бездѣльничеству, то деревня не знаетъ, что съ ними дѣлать, и бываетъ рада-радехонька сбыть ихъ опять съ своихъ плечъ на городскіе или столичные харчи.

Этому порядку, или, вѣрнѣе, безпорядку крестьянскаго колобродничества въ города и столицы и обратно долженъ быть положенъ конецъ, и положить его не представлялось бы, по види-

мому, особыхъ затрудненій: для этого стоило бы только установить съ крестьянскихъ обществъ, отпускающихъ своихъ членовъ въ отхожіе заработки, взысканія убытковъ, причиняемыхъ казнѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда на ея счетъ производится насильственное водвореніе блудныхъ сыновъ деревни въ ихъ отеческія нѣдра.

На счетъ чего другаго, а на счетъ лишнихъ расходовъ наша деревня весьма понятлива и до крайности чувствительна, и десятокъ-другой такихъ взысканій былъ бы вполнѣ достаточенъ для вразумленія цѣлаго сельскаго округа на счетъ невыгодности неосмотрительнаго роспуска деревенскихъ работниковъ, отъ своей зачастую пустующей земли, на сторону, для продажи своихъ рабочихъ рукъ по чужимъ угламъ.

Но, съ другой стороны, нельзя не пожелать существенныхъ облегченій и для истинныхъ тружениковъ отхожаго промысла, которые до сихъ поръ считаются цѣлыми уѣздами и губерніями: въ этомъ направленіи наиболѣе цѣлесообразною мѣрой было бы уничтоженіе паспортной системы въ ея настоящемъ видѣ, и совершенное освобожденіе этихъ тружениковъ изъ зависимости отъ крестьянскихъ обществъ при условіи аккуратнаго платежа ими узаконенныхъ податей и сборовъ.

Деревня, болѣе или менѣе снисходительная къ своимъ блуднымъ сынамъ, въ ущербъ справедливости и здравому смыслу по истинѣ немилосерда и безпощадна къ этимъ своимъ членамъ, которыми могла бы только гордиться: нѣтъ того притѣсненія, отъ котораго она отказалась

бы, чтобы предъявить свою силу и власть надъ отхожимъ работникомъ, разъ онъ оказывается удачливымъ и счастливымъ въ своей городской или столичной трудовой карьерѣ, и нѣтъ для него средства противъ этихъ притѣсненій, кромѣ какъ откупаться отъ нихъ, пріобрѣтая благосклонность и сельскаго общества, и сельскаго начальства, и даже своей семьи не иначе, какъ постоянными въ ихъ пользу матеріальными пожертвованіями.

А какъ при этомъ деревня еще смотритъ на столичные и городскіе заработки, какъ на неисчерпаемый денежный сундукъ, и алчность ея къ деньгамъ прямо пропорціональна ея всегдашнему безденежью, то нерѣдко хорошій отхожій работникъ и оказывается ни болѣе, ни менѣе какъ дойною коровой и для своей семьи, и для своихъ сельскихъ старосты, старшины и писаря, а пожалуй и урядника, да при случаѣ и для цѣлой деревни.

И этому порядку тоже желательно положить предѣлъ, и это весьма не трудно: такъ какъ *raison d'etre* перемѣнной паспортной системы, по крайней мѣрѣ для крестьянства, заключается преимущественно въ обезпеченіи, какое она представляетъ къ безнедоимочному взысканію съ крестьянъ подлежащихъ сборовъ, то для тѣхъ плательщиковъ, которые производятъ ихъ взносы аккуратно, она теряетъ свой смыслъ, и потому для крестьянина, разъ отпущеннаго деревней для заработковъ и до недоимки себя не доводящаго, не представляется ни малѣйшей разумной нужды въ ежегодной, или даже чаще, перемѣнѣ одного клочка бумаги на другой, а един-

ственно надобнымъ оказывается лишь оффиціальное удостовѣреніе во взносѣ имъ подлежащихъ сборовъ, въ формѣ ли почтовой росписки объ отсылкѣ ихъ къ мѣсту назначенія, или, еще проще, въ формѣ полицейской квитанціи на томъ же паспортѣ, что слѣдующіе съ него за такой-то срокъ сборы мѣстною полиціею, по мѣсту его нахожденія, получены для препровожденія куда слѣдуетъ.

Этотъ не хитрый, но практичный порядокъ и тѣмъ еще желательнѣе, что его введеніемъ было бы положено прочное основаніе къ дальнѣйшимъ мѣропріятіямъ правительства на пути къ совершенному уничтоженію паспортной системы, кромѣ общаго стѣсненія не приносящей никакихъ результатовъ.

И по матеріальному, и по интеллектуальному, и по юридическому своему положенію въ ряду другихъ сословій государства, и по своему политическому для государства значенію приходясь совершенными антиподами другъ другу, недавніе крѣпостные рабы и рабовладѣльцы, крестьянство и дворянство, по странной прихоти судьбы замѣчательно сходятся въ одномъ: въ полной почти тождественности соціальныхъ и экономическихъ недуговъ, которыми оба страдаютъ, каждое, конечно, въ различныхъ размѣрахъ и на свой ладъ.

Крестьянство не съумѣло воспользоваться, какъ подобаетъ, благомъ личной свободы и выгодами, отъ него зависящими: дворянство также неумѣло воспользовалось свободными наличными средства-

ми, поступившими въ его распоряженіе въ обмѣнъ за потерю крѣпостнаго права, безслѣдно проживши и полученныя отъ правительства выкупныя бумаги, и оставленныя за нимъ лѣсныя угодья, и опутавъ себя земельнымъ кредитомъ и частными долгами.

Крестьянство пренебрегло земледѣльческимъ трудомъ, стремясь промѣнять его на иныя подходящія профессіи: дворянству опостылѣли его недавнія помѣщичьи гнѣзда, съ новыми условіями существованія потерявшія прежнюю прелесть, а затѣмъ и землевладѣльческое положеніе, и сельско-хозяйственный трудъ.

И крестьянство и дворянство одновременно устремились изъ деревни въ города и столицы, откуда первое водворяется насильно на прежнія мѣста, а второе, по окончательномъ истощеніи всякихъ рессурсовъ, нерѣдко возвращается въ покинутыя прадѣдовскія гнѣзда съ запущенными усадьбами и разоренымъ хозяйствомъ, чтобы влачить прискорбное существованіе среди обломковъ прежняго величія, довольства и власти.

Крестьянское безденежье, въ связи съ тяжкими условіями ростовщическаго кредита, грозило совершеннымъ истощеніемъ почвы, а слѣдовательно гибелью земледѣлія, а отсюда и полнымъ разореніемъ земледѣльческаго класса, что и вызвало со стороны правительства заботливость объ основаніи спеціальнаго кредитнаго учрежденія для удовлетворенія настоятельныхъ земледѣльческихъ нуждъ; дворянское безденежье, въ связи съ одинаковыми условіями, но только въ размѣрахъ во много разъ обширнѣйшихъ, тѣмъ же самымъ гро-

зило большинству помѣщичьяго класса, для воспособленія коему былъ основанъ сцеціальный льготный кредитъ для помѣстнаго дворянства.

Дворянскій земельный банкъ, также какъ и Крестьянскій, далеко еще не завершилъ цикла своихъ операцій, и осень для того, чтобы считать высиженныхъ имъ цыплятъ, долго еще не наступитъ; но существуютъ указанія, способствующія заключенію, что и эта не первая уже матеріальная помощь дворянству издерживается имъ помимо ея прямыхъ цѣлей, безъ особыхъ улучшеній въ земледѣльческомъ хозяйствѣ, ради которыхъ эта помощь преимущественно и организовалась.

И если въ этихъ свѣдѣніяхъ есть доля правды, то невольно является вопросъ о томъ, цѣлесообразна ли эта форма кредитнаго вспомоществованія, и не полезнѣе ли была бы та-же мѣра съ характеромъ болѣе спеціальнымъ, съ характеромъ вспоможенія не *вообще* дворянству, а именно *помѣстному*, и именно той его части, которая не только *владѣетъ* землею, но и посвящаетъ свои труды земледѣльческому и вообще сельско-хозяйственному дѣлу?

Въ самомъ дѣлѣ, чего правительство, вмѣстѣ со всѣми благо-и-здравомыслящими людьми, можетъ желать для дворянства?

Во первыхъ, извѣстной нормы матеріальнаго благосостоянія: но это цѣль низменная, для достиженія которой, быть можетъ, хватитъ и одной реформы уѣзднаго управленія, если дѣйствительно должности земскихъ начальниковъ и иныя въ этомъ преобразуемомъ управленіи предоставля-

ются помѣстному дворянству, между прочимъ, и въ этихъ видахъ.

Во вторыхъ—и это главнѣйшее и необходимѣйшее въ интересахъ какъ самого дворянства, такъ и государства, и его величія и крѣпости—сохраненія за нимъ, какъ за сословіемъ, первенствующаго политическаго положенія, пользуясь коимъ оно, вмѣстѣ съ князьями, царями и императорами, строило, утверждало и возвеличивало государственное зданіе Русской земли и международное могущество Русской Державы.

Но такъ какъ это положеніе въ такой по преимуществу земледѣльческой странѣ, какъ Россія, не можетъ принадлежать никакому иному классу, кромѣ землевладѣльческаго, то и понятны становятся всевозможныя со стороны правительства жертвы для того, чтобы сохранить за дворянскимъ сословіемъ этотъ именно характеръ землевладѣльческаго класса.

Но такой классъ можетъ имѣть дѣйствительное политическое значеніе и вліяніе только при условіи личнаго участія въ общенародномъ земледѣльческомъ и сельско-хозяйственномъ трудѣ: за ¼ вѣка по-реформенной жизни авторитетъ дворянства сильно поколебался, это безспорно; но также безспорно и то, что явленіе это какъ разъ совпало съ широкимъ дворянскимъ абсентеизмомъ, съ поголовнымъ бѣгствомъ помѣщиковъ отъ своихъ земель, съ гибельнымъ и для нихъ, и для страны пренебреженіемъ ихъ къ земледѣльческимъ занятіямъ.

А такъ какъ возвратъ къ нимъ для большинства дворянъ возможенъ лишь на условіи упорядоченія

земледѣльческаго и усадебнаго хозяйства, нынѣ доведеннаго до такого же почти плачевнаго положенія, какое замѣчается у крестьянъ съ ихъ безкоровностью и безлошадностью, то и помощь правительства не было ли бы полезнѣе спеціализировать въ смыслѣ льготнаго кредита на предметъ удобренія полей, лѣсоразведенія, обзаведенія благоприличнымъ и вполнѣ достаточнымъ сельскохозяйственнымъ инвентаремъ въ видѣ домашняго и рабочаго скота, земледѣльческихъ орудій, машинъ и т. п., да и такой кредитъ открывать только дворянамъ, живущимъ въ своихъ помѣстьяхъ и посвящающимъ сельскому хозяйству свои досуги, знанія и таланты?

А то вѣдь земельный кредитъ, получаемый въ силу одного только факта землевладѣнія, легко можетъ и миновать сельское хозяйство, и ни одной копѣйкой не упасть ни на разоренныя дворянскія хозяйства, ни на запущенныя или истощенныя поля. Какая можетъ быть польза сельскому хозяйству, если землевладѣльцы того или другаго земледѣльческаго района, проживающіе кто за границей, кто въ столичныхъ и иныхъ городахъ, получивъ ссуду изъ Дворянскаго банка, оставятъ свои имѣнія по прежнему въ хищнической арендѣ, или въ томъ же разореномъ состояніи, въ какомъ они находились и раньше?

А между тѣмъ на такой именно оборотъ дѣла и появляются за послѣднее время указанія, и въ заключеніе мы не можемъ не повторить, что если въ этихъ указаніяхъ есть хотя доля правды, то истинная и желательная цѣль Дворянскаго банка едва ли когда будетъ имъ достигнута.

Въ добропорядочно поставленныхъ и матеріально обезпеченныхъ семьяхъ высшаго и средняго класса общества встрѣчается обычай, художественно изображенный гр. Л. Толстымъ въ его *Дѣтствѣ и Отрочествѣ;* заключается онъ въ томъ, что сыну, достигшему или извѣстнаго возраста, или опредѣленія на службу, или поступленія въ высшую школу, родители добровольно предоставляютъ извѣстную долю самостоятельности: молодой человѣкъ получаетъ отдѣльную квартиру, въ которой можетъ жить какъ угодно и принимать кого угодно, извѣстную сумму ежемѣсячныхъ карманныхъ денегъ на личныя надобности съ правомъ издерживать ихъ по своему усмотрѣнію, и возможность пользоваться своимъ временемъ, какъ и на что ему заблагоразсудится. Вотъ нѣчто подобное этому и сдѣлало правительство, даруя своему народу самоуправленіе.

Но въ тѣхъ же семьяхъ, о которыхъ мы говоримъ, съ указанною перемѣной въ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ отнюдь не связывается полнѣйшій отказъ родителей отъ всякаго наблюденія за ихъ поведеніемъ и вмѣшательства въ ихъ жизнь, въ тѣхъ случаяхъ, когда этимъ наблюденіемъ выясняются факты, требующіе такого вмѣшательства. Напротивъ, ни одинъ умный отецъ, ни одна умная мать не потерпятъ, если сынъ, удостоенный отъ нихъ извѣстною долей свободы, вмѣсто разумнаго пользованія начинаетъ ею злоупотреблять, если свою отдѣльную квартиру обратитъ въ притонъ подозрительныхъ и неблагонадежныхъ людей, если свои деньги начнетъ проматывать на неблагопристойныя нужды не-

воздержности и излишествъ, а свои досуги посвящать не труду и благоприличнымъ развлеченіямъ, а оргіямъ и распутству.

Отъ этой прерогативы умныхъ родителей правительство, создавая самоуправленіе, къ сожалѣнію отказалось: его дѣти, получивъ право сами хозяйничать въ своей квартирѣ, вести свои расходы и устраивать распорядки своей жизни, оставлены были безъ всякаго надзора за ихъ дѣйствіями, и не мудрено, что ихъ скоро окружили толпы недобросовѣстныхъ, подозрительныхъ и неблагонадежныхъ людей, понявшихъ, что на ихъ улицѣ настаетъ праздникъ, ибо хозяева не достаточно опытны и дальновидны, да и черезъ чуръ молоды, а надзора за ними старшихъ не имѣется.

Въ самомъ дѣлѣ, обращаясь къ существу всѣхъ созданныхъ либеральными реформами учрежденій, мы должны признать, что изо всѣхъ ихъ самоуправленіе всѣхъ сортовъ и видовъ представляетъ самое балованное чадо, въ дѣйствительности освобожденное отъ всякаго надзора за своими дѣяніями, отъ всякой отвѣтственности за нихъ, въ случаѣ обнаруженія въ нихъ тѣхъ или другихъ закононарушеній и даже преступленій, и даже отъ всякой серьезной и чувствительной кары, если, какъ это бываетъ въ одномъ изъ тысячи случаевъ, оно и привлекается къ законной отвѣтственности.

И земское, и городское, и сословное самоуправленія самыми дѣйствующими положеніями о нихъ такъ поставлены, что противъ допускаемыхъ ими въ сферахъ ихъ дѣятельности злоупотребленій почти вовсе не существуетъ никакихъ средствъ:

масса земскихъ, городскихъ, сословныхъ плательщиковъ, на средства которыхъ всѣ ихъ самоуправленія и существуютъ, и дѣйствуютъ, и злоупотребляютъ своими дѣйствіями, играетъ такую же роль какъ и тѣ моллюски, изъ неисчислимой массы которыхъ создаются такъ называемые коралловые острова, и единственное право каждаго такого моллюска, за тѣ нѣсколько рублей или ихъ десятковъ, которые онъ обязательно жертвуетъ въ видѣ земскихъ, городскихъ и сословныхъ налоговъ, это—послать самоуправленію то или другое количество избирателей.

Въ свою очередь единственное право этихъ послѣднихъ, это—избрать изъ своей среды то или другое извѣстное число выборныхъ, которые и являются хозяевами самоуправленія, но только не практическими, а теоретическими.

Для реальнаго же и надъ всѣмъ организмомъ и механизмомъ самоуправленія, и надъ ними самими распоряженія и владычества они опять таки должны изъ своей среды выбрать то или другое число лицъ, составляющихъ персоналы земскихъ, городскихъ и сословныхъ управъ, которыя только въ своихъ рукахъ фактическую власть и сосредоточиваютъ, ревниво устраняя отъ дѣйствительнаго въ ней участія собранія, ихъ уполномочивающія.

При этомъ, буде не только тотъ или другой плательщикъ, не только тотъ или другой избиратель, но даже тотъ или другой выборный удостовѣряются въ недобросовѣстномъ, или неблагоразумномъ, или вообще вредномъ для ихъ общихъ и частныхъ интересовъ, какъ гражданъ и плательщиковъ, направле-

ніи дѣлъ, они, каждый въ отдѣльности, совершенно безсильны не только измѣнить или остановить такое направленіе, но даже обратить на него своевременное вниманіе администраціи, а тѣмъ паче правосудія. По положеніямъ о земскихъ учрежденіяхъ и городовому, истинные представители земствъ, городскихъ и сословныхъ обществъ, каждый въ отдѣльности—лишены даже права дѣйственнаго протеста противъ неправильностей, злоупотребленій и даже преступленій выборнаго самоуправленія.

Предположимъ, напримѣръ, что въ силу избирательной ошибки, весьма часто повторяющейся въ сферахъ нашего самоуправленія вслѣдствіе совершенной непривычки населенія къ избирательной системѣ, предсѣдателемъ земской управы или городскимъ головой оказывается не только самодуръ, не только наглый лжецъ, способный на всевозможные подлоги, но просто воръ: на ворѣ, какъ извѣстно, шапка горитъ, и обстоятельство это, конечно, не можетъ укрываться долго отъ смышленыхъ, наблюдательныхъ и сколько нибудь добросовѣстныхъ гласныхъ.

И вотъ, находится изъ нихъ такой, которому удается констатировать непререкаемый фактъ предсѣдательскаго или главенскаго закононарушенія, подлога, хищенія.

По кореннымъ правиламъ общежитія, если я, идя по улицѣ, вижу воришку, вытаскивающаго у прохожаго изъ кармана кошелекъ, то обязанъ крикнуть: *караулъ*, обратить на воришку вниманіе полиціи и оказать ей содѣйствіе къ его задержанію.

По правиламъ же самоуправленія далеко не такъ: если гласный видитъ, что голова сознательно обманываетъ думу, совершаетъ служебные подлоги, крадетъ, и вздумаетъ пожаловаться на него администраціи—послѣдняя отъ него даже заявленія не приметъ; если отъ нея онъ обратится къ правосудію въ лицѣ прокурорскаго надзора—надзоръ безнадежно пожметъ плечами и отвѣтитъ, что это не его дѣло. Если онъ вздумаетъ обратиться къ гласности, печатно заявивъ о предсѣдательскомъ или главенскомъ обманѣ, подлогѣ, воровствѣ, то и этотъ выстрѣлъ окажется промахомъ, ибо печатныя обвиненія ни для администраціи, ни для суда, по отношенію къ самоуправленію обязательной силы не имѣютъ, а самъ инкриминируемый, конечно, не обидится на печатный позоръ и къ гласному суду обидчика не позоветъ изъ весьма понятныхъ соображеній.

Послѣднему остается, такимъ образомъ, одинъ путь для того, чтобы придать своему обвиненію практическій характеръ: пропагандировать его среди своихъ собратій-гласныхъ, и, достаточно распространивши его въ ихъ средѣ, изъ нихъ организовать партію для борьбы съ предсѣдателемъ.

Но если даже и эта борьба кончится успѣшно, и предсѣдательскія беззаконія станутъ очевидными для всѣхъ, его отвѣтственность, а тѣмъ паче наказаніе, все-таки болѣе чѣмъ сомнительны, ибо опять-таки право уличеннаго обманщика, мошенника, вора признать или не признать таковымъ остается за всѣмъ собраніемъ гласныхъ, и только тогда, когда этотъ обманщикъ, мошенникъ или воръ постановленіемъ думы, земскаго или со-

словнаго собранія будетъ торжественно утвержденъ въ этомъ званіи, можетъ состояться передача его въ руки общаго правосудія.

Если же принять въ соображеніе: равнодушіе большинства нашихъ общественныхъ избранниковъ къ общественнымъ интересамъ, трудности, предстоящія обыкновенно подобнымъ протестантамъ въ достиженіи ихъ цѣлей, значительный періодъ времени, потребный для ихъ осуществленія, мягкость даже уголовнаго правосудія по отношенію къ преступленіямъ этого сорта, и, главное, легкость, съ какою любой предсѣдатель подобнаго общественнаго собранія, имѣющимися въ его распоряженіи средствами, можетъ обезпечить себѣ въ какомъ угодно общественномъ дѣлѣ искусственное большинство, то станетъ весьма понятно, что: 1) находчивый предсѣдатель успѣетъ запутать и даже пустить по міру цѣлый городъ, уѣздъ или сословіе, пока попадетъ подъ судъ, да и 2) изъ суда выйдетъ или оправданнымъ, или приговореннымъ къ какому нибудь такому наказанію, которое отнюдь не воспрепятствуетъ ему, какъ Крыловскому медвѣдю по разграбленіи ульевъ, «со свѣтомъ распрощаться, въ берлогу теплую забраться, и лапу съ медомъ тамъ сосать, да у моря погоды ждать».

Такая постановка нашего самоуправленія едва ли не болѣе всего и дискредитируетъ его въ общемъ мнѣніи, и способствуетъ все большему и большему среди него утвержденію укоренившагося въ немъ произвола и самоуправства, и потому терпима быть не можетъ. Въ этомъ смыслѣ какъ нельзя болѣе желателенъ законодательный

пересмотръ положенія о земскихъ учрежденіяхъ и городоваго, а равно и положеній, опредѣляющихъ постановку сословнаго и сельскаго самоуправленія, съ тѣмъ, чтобы ограничить въ его сферѣ искусственно создаваемые произволъ, самоуправство и гегемонію меньшинства надъ равнодушнымъ, неповоротливымъ, лишеннымъ организаціи большинствомъ.

Достигнуть же этого, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, иначе нельзя, какъ поставивъ самоуправленіе, во всѣхъ подробностяхъ его дѣятельности, подъ спеціальный, и при томъ, съ своей стороны, строго отвѣтственный административный контроль, предоставивъ правосудію возможно широкое право вмѣшательства въ дѣятельность самоуправленія, когда оно будетъ находить это необходимымъ, и уполномочивъ не только каждаго гласнаго, не только каждаго избирателя, но и каждаго плательщика— привлекать къ гражданской и уголовной отвѣтственности, за свой собственный рискъ, дѣятелей самоуправленія, когда таковой будетъ находить это для себя болѣе удобнымъ.

Независимо отъ сего, законодательнаго вниманія заслуживаетъ, собственно въ городскомъ самоуправленіи, и то обстоятельство, что оно почти вездѣ сосредоточивается въ рукахъ преимущественно одного купеческаго и вообще торговаго и промышленнаго сословія, образуя изъ себя, такимъ образомъ, не всесословное учрежденіе, какъ то предполагается городовымъ положеніемъ, а спеціально сословное, хотя и призванное къ служе-

нію интересамъ и пользѣ всего городскаго населенія.

Обстоятельство это достаточно объясняетъ сказывающійся во всѣхъ городскихъ самоуправленіяхъ фактъ небреженія къ обще-городскимъ интересамъ и принесенія ихъ въ жертву спеціальнымъ интересамъ одного, при томъ наиболѣе зажиточнаго класса, въ ущербъ нуждамъ прочихъ классовъ населенія, и конечно должно быть устранено, и по несоотвѣтствію съ цѣлями законодателя, даровавшаго самоуправленіе, и по вредному вліянію на общій прогрессъ городской жизни и на совокупность интересовъ всего городскаго населенія, и наконецъ—по деморализующему воздѣйствію на населеніе тѣхъ низменныхъ традицій и идеаловъ, которые присущи этому общественному классу.

Чего пожелать въ будущемъ нашей администраціи?

Прежде всего улучшенія ея содержанія и съ этою цѣлью возможно частаго пересмотра служебныхъ штатовъ на предметъ возвышенія ихъ до такой средней нормы, которая бы вполнѣ удовлетворяла и дѣйствительной стоимости жизни въ то или другое время и въ томъ или другомъ мѣстѣ, и условіямъ соціальнаго положенія, и требованіямъ служебной обстановки.

Во II выпускѣ нашего сочиненія мы уже имѣли случай указывать на недостаточность матеріальнаго вознагражденія нашихъ военныхъ офицеровъ: но если *подпоручиковъ* перевести съ военнаго языка

на языкъ гражданской службы, и переименовать въ соотвѣтствующій чинъ *губернскихъ секретарей*, то едва ли многіе изъ нихъ удержатъ свои теперешніе армейскіе полковые оклады, ибо изъ безчисленной тьмы этихъ *губернскихъ секретарей* развѣ ничтожныя исключенія придутся на долю счастливцевъ, получающихъ, даже по современнымъ, возвышеннымъ чиновничьимъ окладамъ, отъ 500 до 600 р. жалованья въ годъ.

Точно также изъ *титулярныхъ совѣтниковъ*, т. е., въ переводѣ на военный языкъ, *капитановъ*, едва ли много найдется людей, получающихъ содержаніе въ размѣрѣ того, какое имѣетъ капитанъ въ званіи ротнаго командира, и ужъ конечно великая рѣдкость встрѣтить коллежскаго или статскаго совѣтника, т. е. по военному языку полковника, который бы получалъ на казенной службѣ содержаніе, равное получаемому полковникомъ въ званіи полковаго командира.

Большинство нашего служилаго чиновничества до сихъ поръ, говоря общими итогами, жалкимъ образомъ перебивается, въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ, на жалованьи отъ 15 до 50 р. въ мѣсяцъ, въ возрастѣ отъ 30 до 40 лѣтъ—отъ 50 до 100 р., и выше этой цифры восходитъ лишь въ видѣ особыхъ исключеній.

Спрашивается: если предположить въ немъ идеальное безкорыстіе, т. е. довольство однимъ казеннымъ жалованьемъ, можно ли было бы назвать это *кормленіемъ* отъ службы, и не вѣрнѣе ли было бы назвать *голоданьемъ* на службѣ? И гдѣ бы это можно было достать десятки тысячъ идеалистовъ, способныхъ предать и душу и тѣло

столь мало симпатичному труду, каковъ трудъ низшей и средней административной службы, за столь ограниченное мздовоздаяніе?

А потому и всѣ разсужденія о низости взяточничества, о необходимости его преслѣдованія—будутъ праздными, доколѣ снизу до верху административной лѣствицы всѣ граждане, обреченные судьбою восхожденіемъ по ступенямъ оной совершать свой жизненный путь, не будутъ болѣе или менѣе прочно обезпечены хотя бы въ насущномъ хлѣбѣ, сообразно съ требованіями служебной обстановки и общественнаго положенія.

И вотъ, если когда-либо это послѣдуетъ (а когда либо это должно же послѣдовать, и какъ только въ сознаніи правительства и народа утвердится мысль, что недостаточное питаніе административныхъ тружениковъ и составляетъ главнѣйшую причину и административной недоброкачественности и служебнаго лихоимства, оба они уразумѣютъ необходимость болѣе гуманнаго отношенія къ потребностямъ этихъ тружениковъ, и не остановятся для того ни предъ какими расходами и даже, если бы понадобилось, предъ новыми налогами, которые во всякомъ случаѣ оказались бы много легче того нелегальнаго налога, какой этому же чиновничеству платитъ народъ въ формѣ взяточничества и вымогательства), непосредственно затѣмъ необходимо будетъ всѣми, отъ правительства зависящими средствами, всѣми мѣрами правосудія, всѣми законными карами, не только строгими, но хотя бы даже драконовскими, истреблять изъ административной сферы пресловутый принципъ кормленія отъ службы,

которому не такъ еще давно безмолвно покровительствовало само правительство, и на который доселѣ въ случаяхъ весьма нерѣдкихъ вынуждается смотрѣть сквозь пальцы, а иногда косвенно и поощрять его.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ же, какъ не такимъ поощреніемъ, могутъ представляться многочисленныя назначенія на различныя административныя должности лицъ совершенно другаго рода службы, зачастую не имѣющихъ никакого понятія о новыхъ обязанностяхъ, тщательное и добросовѣстное исполненіе коихъ потребуется отъ нихъ съ перваго же дня по вступленіи на должность?

Въ области частныхъ отношеній, руководимыхъ обычною логикой, здравымъ смысломъ и соображеніями личной выгоды и пользы, едва ли кто пригласитъ фельдшера на должность повара, или наоборотъ, акушерку въ гувернантки, или наоборотъ, почтальона въ конторщики, или наоборотъ, и т. д. т. п.

Въ области же административной у насъ чуть не ежедневно совершаются назначенія ничуть не менѣе странныя: успѣвшихъ выслужить геморой чиновниковъ—урядниками и околодочными, полковыхъ поручиковъ и капитановъ—участковыми и становыми приставами и исправниками, гусарскихъ полковниковъ полицеймейстерами, педагоговъ правителями канцелярій, профессоровъ управляющими питейно-акцизныхъ сборовъ, министрами и пр. т. п., строевыхъ генераловъ оберъ-полицеймейстерами и губернаторами, и т. д.

Независимо отъ впечатлѣнія, производимаго такими назначеніями, отъ административныхъ упущеній и промаховъ, неизбѣжныхъ со стороны чиновниковъ, не знающихъ того дѣла, за которое они берутся, подобный способъ пополненія административнаго контингента вреденъ еще и потому, что препятствуетъ выработкѣ административныхъ преданій, которая и невозможна въ силу того, что лица, поступающія на начальственные посты изъ другихъ вѣдомствъ государственной службы, естественно не сами прилаживаются къ режиму подчиненной имъ служебной сферы, а эту послѣднюю начинаютъ налаживать на тотъ режимъ, который имъ знакомъ по прежней ихъ службѣ. Отсюда, при нерѣдкой смѣнѣ начальствующихъ лицъ, происходитъ то, что въ различныхъ административныхъ вѣдомствахъ и учрежденіяхъ, вмѣсто незыблемыхъ дѣловыхъ преданій, выработанныхъ послѣдовательнымъ опытомъ дѣлопроизводства, руководятъ дѣятельностью чиновниковъ непостоянныя системы то того, то другаго начальника, смѣняющіяся одна другою вмѣстѣ съ перемѣщеніями самихъ начальниковъ.

Все это явленія отнюдь не желательныя, для достоинства администраціи прямо вредныя, и потому подлежащія устраненію. Самое желательное въ административной жизни направленіе должно заключаться въ томъ, чтобы личный составъ административныхъ учрежденій постепенно и послѣдовательно, сообразно, конечно, со своими способностями и усердіемъ, безъ всякихъ скачковъ поднимался по лѣстницѣ служебной іерар-

хіи снизу вверхъ, изъ своей же среды выдѣляя лучшія силы для служенія государству и на самыхъ высшихъ степеняхъ административной службы.

Околодочный надзиратель, увѣнчивающій свою долговременную, безпорочную и усердную службу званіемъ оберъ-полицеймейстера, былъ бы въ этой отвѣтственной и многотрудной должности, конечно, гораздо полезнѣе любаго строеваго генерала, равно какъ и губернаторъ изъ исправниковъ, уже по тому одному, что ему личнымъ опытомъ извѣстна была бы до мельчайшихъ подробностей вся подчиненная ему служба, и онъ бы не бродилъ въ потемкахъ при исполненіи своихъ обязанностей, не нуждался бы въ секретаряхъ, а властною рукой распоряжался бы въ подвѣдомственной ему сферѣ, какъ настоящій ея хозяинъ.

Но это все *desideria*, хотя и *pia*: когда-то еще правительство, освободившись отъ рутинныхъ взглядовъ на характеръ и направленіе административной службы, усвоитъ эти истинно разумныя и строго логическія воззрѣнія, когда-то освятитъ ихъ непререкаемою законодательною санкціей, а между тѣмъ пальятивы противъ современныхъ недостатковъ и неудобствъ, ощущаемыхъ населеніемъ вслѣдствіе аномалій въ сферѣ распорядковъ административной службы, возможны и теперь, и нѣкоторые изъ нихъ осуществимы даже безъ особыхъ затрудненій.

Нѣтъ сомнѣнія, что и небрежность, и дѣловая распущенность, и поползновенія къ служебному лихоимству, замѣчаемыя въ современномъ чинов-

ничествѣ, сократились бы въ болѣе или менѣе значительной степени, если бы не только служебныя преступленія, но и проступки даже дисциплинарнаго характера были изъяты изъ подъ покрова административно-канцелярской тайны и отошли въ вѣдѣніе общаго правосудія, т. е. еслибы каждое административное лице, помимо изволенія своего непосредственнаго начальства, за всѣ безъ исключенія служебныя проступки и преступленія, кѣмъ бы то ни было обнаруженныя, подлежало суду двухъ общихъ судебныхъ инстанцій, и если бы, при этомъ, каждому гражданину, подъ его личной отвѣтственностью, предоставлено было право вчинать въ этихъ инстанціяхъ гражданскіе и уголовные иски противъ административныхъ неправильностей, несправедливостей и притѣсненій, и если бы, наконецъ, лиходательство, какъ дѣяніе въ большинствѣ случаевъ недобровольное, а вынужденное, притомъ административными же злоупотребленіями, было вычеркнуто изъ Уложенія о наказаніяхъ.

А такъ какъ эти пальятивы гораздо и проще, и легче достижимы, то они, въ данное время, и должны быть признаны наиболѣе желательными и настоятельными.

Что касается сферы правосудія, то мы уже указали на тѣ печальныя явленія, которыя создала практическая постановка новыхъ судебныхъ уставовъ.

Явленія эти, въ области мироваго суда, заключаются, во первыхъ, въ сравнительной медлен-

ности судопроизводства и частію отъ нея зависящей безцѣльности всей судебной процедуры. Устранить эти явленія, полагаемъ, было бы возможно.

Наибольшую важность для населенія, и притомъ бѣднѣйшаго, мировой судъ представляетъ своею гражданскою стороной, облегчая денежныя взысканія, и преимущественно мелкія.

Въ виду сего, по дѣламъ этого рода, почему бы не допустить соединенія въ лицѣ мироваго судьи обоихъ органовъ правосудія, и судебной и исполнительной, по отношенію къ искамъ безспорнымъ и неопровержимымъ?

Предположимъ для такихъ исковъ, вмѣсто теперешняго, хотя бы такой сокращенный порядокъ судопроизводства: истецъ представляетъ разсчетную книжку, подписанный счетъ, росписку и т. п. Судья обязываетъ отвѣтчика въ теченіе хотя бы трехъ сутокъ, не болѣе, явиться въ судъ для личнаго объясненія по исковому документу, т. е., въ громадномъ большинствѣ случаевъ, для признанія подлинности документа и своей обязанности погасить оный. Разъ это признаніе состоялось оффиціально, на судѣ, всѣ дальнѣйшія формальности становятся излишними, и судья постановляетъ рѣшеніе о немедленномъ обезпеченіи иска наложеніемъ ареста на имущество отвѣтчика, и затѣмъ о продажѣ его для погашенія иска.

Несомнѣнно, что этотъ упрощенный порядокъ судебныхъ рѣшеній былъ бы не по сердцу только тѣмъ, кто привыкъ къ судебной волокитѣ, какъ къ безмездному средству до послѣдней крайности

затягивать денежные разсчеты. Что же касается большинства бѣднѣйшаго населенія, то для него въ этомъ порядкѣ судопроизводства воскресли бы первые дни мироваго суда, доселѣ вспоминаемые не иначе, какъ съ благословеніями.

Во вторыхъ, папская непогрѣшимость мировыхъ судей относительно извѣстнаго размѣра исковъ, какъ рѣшительный абсурдъ, должна подлежать устраненію изъ судебныхъ уставовъ, равно какъ несостоятельнымъ оказывается и учрежденіе аппелляціонной инстанціи надъ рѣшеніями мировыхъ судей изъ нихъ же самихъ.

Свой своему по неволѣ братъ, а добрый братъ едва ли способенъ быть безпристрастнымъ критикомъ сужденій своего брата, и потому было бы гораздо болѣе согласно съ справедливостью— учреждать аппелляціонныя инстанціи для мироваго суда внѣ всякой отъ него зависимости, хотя бы, напримѣръ, изъ лицъ мѣстнаго прокурорскаго надзора.

При этомъ условіи меньше бы оставалась подъ спудомъ и весьма часто встрѣчающаяся малоспособность и совершенная негодность выборныхъ мировыхъ судей, и самыя ошибки судебныхъ выборовъ потеряли бы значительную долю своего роковаго и развращающаго вліянія на населеніе, да и вообще стали бы повторяться рѣже, ибо и сами кандидаты на судейское званіе, въ виду прокурорской ферулы, стали бы искать его только тогда, когда бы чувствовали себя достаточно способными съ честію носить оное.

Правосудію окружныхъ судовъ нельзя не пожелать, въ его гражданской части, какъ можно

меньше зависимости отъ адвокатовъ, а для сего сравнительно наибольшей обезпеченности ихъ личнаго состава въ матеріальномъ отношеніи, т. е., увеличенія содержанія членовъ и предсѣдателей судовъ до нормы, требуемой ихъ высокимъ служебнымъ и виднымъ общественнымъ положеніемъ.

Уголовной же ѳемидѣ необходимы: 1) возможно совершеннѣйшая постановка предварительнаго слѣдствія, а для сего изъятіе этой важнѣйшей части уголовнаго процесса изъ неопытныхъ рукъ молодежи, лишь теоретически свѣдущей въ юридической наукѣ, и между тѣмъ почти повсемѣстно завладѣвшей дѣломъ предварительнаго слѣдствія, и передача онаго въ крѣпкія и болѣе надежныя руки опытныхъ практиковъ-юристовъ; 2) возможно тщательнѣйшій выборъ присяжныхъ засѣдателей, съ устраненіемъ изъ ихъ состава нерѣдко встрѣчающагося въ немъ общественнаго отребья, а для сего установленіе извѣстныхъ признаковъ, опредѣляющихъ крайнюю норму требованій для избранія въ таковые, какъ напримѣръ: ту или другую степень имущественной состоятельности, общественное положеніе, поведеніе, грамотность и т. д.

Но всего необходимѣе законодательный трудъ, долженствовавшій, по простой логикѣ вещей, непосредственно слѣдовать за введеніемъ новыхъ судебныхъ уставовъ, и однако доселѣ еще и не предпринятый, трудъ по истинѣ гигантскій, едва ли не равный первоначальному труду Сперанскаго надъ Сводомъ законовъ. Это—трудъ согласованія, съ одной стороны, судебныхъ уставовъ

съ указаніями ихъ 25-лѣтней практики, а съ другой—согласованія съ ними законодательныхъ подробностей Свода законовъ, подробностей, изъ которыхъ однѣ устарѣли, другія упразднены судебными уставами, третьи въ прямомъ съ ними противорѣчіи, и т. д.

Сверхъ того, многія отрасли законодательства, необходимость подробнаго и тщательнаго формулированія коихъ требуется современною жизнью, въ Сводѣ законовъ вовсе отсутствуютъ, такъ какъ въ эпоху, когда онъ собирался, и самыя явленія, вызывающія эту необходимость, не только не тревожили общественнаго сознанія, но и вовсе не существовали. Таковы законодательства: акціонерное—за отсутствіемъ въ то время акціонернаго дѣла, санитарное—за отсутствіемъ не только въ общественномъ сознаніи, но и въ правительственныхъ сферахъ тогдашней эпохи опредѣленнаго представленія о важности и необходимости санитарнаго дѣла, и отчасти—строительное, по незначительному въ тѣ времена развитію строительной дѣятельности.

Все это и многое другое требуетъ и созидательной, и организаторской, и корректівной законодательной работы надъ Сводомъ законовъ и судебными уставами Александра II, и трудно было бы, со стороны русской юстиціи, придумать къ наступающему новому вѣку лучшій подарокъ нашему правосудію, какъ этотъ плодотворный для грядущихъ поколѣній русскаго народа трудъ, имѣющій лечь въ основаніе праваго суда, или, что тоже, судебной правды на Руси.

Цѣна III выпуска 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

37 90 95ST2 53 005 BR 4 6783

Stanford University Libraries
3 6105 001 353 668

DATE DUE			

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004